

Черкво
ИЛЬИ
ПРОРОКА
в Ярославле

КНИГА 2

ЯR
ЯРОСЛАВЛЬ
2004

*Издание подготовлено и осуществлено
при поддержке Губернатора Ярославской области
Анатолия Ивановича Лисицына*

Ж. А. Румян

ИСТОРИЯ
ЦЕРКВИ ИЛЬИ ПРОРОКА
В ЯРОСЛАВЛЕ

УДК 947 (470.316) + 726.15
ББК 63.3 (2Р34-4Яр) + 85.113 (2) + 86.372
Р 90

На титульном листе самая ранняя (1868)
из сохранившихся фотографий церкви Ильи Пророка

В книге использованы фотографии из фондов Государственного архива Ярославской области (ГАЯО),
Ярославского государственного историко-архитектурного и художественного
музея-заповедника (ЯМЗ), Ярославского художественного музея (ЯХМ),
а также из книги И. А. Вахромеева «Церковь во имя святого и славного пророка
Божия Илии в г. Ярославле»

Научный редактор
лауреат Государственной премии Российской Федерации

И. А. Бусева-Давыдова

Предисловие
Т. С. Злотниковой

Художник

М. Е. Бороздинский

© Т. А. Рутман, 2004
© Т. С. Злотникова, предисловие, 2004
© М. Е. Бороздинский, оформление, 2004
© Издательство Александра Рутмана, 2004

ISBN 5-900962-71-7

СВЕТЛАЯ ДУША ГОРОДА

нига, которую вы держите в руках, — вторая часть двухтомника, посвященного церкви Ильи Пророка. И если первая книга рассказывает о храме как об одном из величайших памятников русской культуры, то вторая представляет собой повествование о его много- вековой истории.

Немало исследований, посвященных прошлому человечества, не являются *историческими* в подлинном смысле этого слова. Найти и обосновать новые данные по истории Древнего Египта или средневекового Китая современному русскому ученому непросто по многим причинам. Где те археологические раскопки, в которых он может принять участие? Где знание языка — да не в современной его модификации (что тоже нечасто встречается), а в той изначальной? Где, наконец, ментальный опыт, позволяющий понимать особенности духовного наследия эпохи не только на уровне фактов и предметов, но на уровне незримо устанавливаемых личных отношений с «жителями» иного времени?

Разумеется, исследования ведутся — и весьма успешно — в отношении дальних в прямом и переносном смыслах явлений: здесь применяется историко-типологический метод, вступают в дело механизмы истолкования смыслов и культурных текстов. Но вот то, что находится рядом, почему-то больше становится предметом интереса людей если не чужих, то, во всяком случае, живущих вдали от местных раритетов. Как горестно отмечал А. П. Чехов, «беда не в том, что мы ненавидим врагов, которых у нас мало, а в том, что недостаточно любим близких, которых у нас много, хоть пруд пруди».

Почему же так редко современная научная методология, весьма разнообразная в своих возможностях, применяется к явлениям *ближним*? Древние русские города, культурную ценность которых не нужно обсуждать, ибо она общеизвестна, сегодня исследуются — если вообще исследуются — фрагментарно и хаотично. Среди наиболее последовательных энтузиастов — учителя и школьники-краеведы, ведущие экскурсии по улицам родных городов, описывающие снова и снова этапы строительства или архитектурные достоинства (что греха таить) одних и тех же памятников. При этом не изучены и даже не зафиксированы разбросанные по полузапущенным деревням храмы, где подчас встречаются неожиданные художественные открытия. Так, к примеру, стоит у окраины села Степанчикова церковь, в едва сохранившихся росписях которой угадывается влияние русского модерна и классической петербургской школы...

Разумеется, отдельные памятники систематизируют и описывают московские ученые, работающие в соответствии со своей программой, цель которой — фиксация визуального облика и конкретных сведений; их труд так и называется «сводом памятников». По мере осуществления реставрации выявляются ценности, казавшиеся утраченными или забытыми; им посвящаются музейные выставки, совпадающие чаще всего с юбилеями — города ли, здания ли...

Но все это — эпизоды, не дающие возможности увидеть исторически убедительную картину жизни, развития русского средневекового города, особенности общения людей, их духовные и материальные приоритеты.

Автор этой книги Т. А. Рутман, которая принимала участие в исследовании храмов Яро-славля, была хранителем церкви Ильи Пророка, несомненно, знает историю ее строительства, храмоздания и жизни ее прихода во множестве подробностей. Оттого книга чрезвычайно густо «населена» персонажами, о которых стоит ниже сказать отдельно.

Мы имеем дело с достаточно редким по нынешним меркам типом исторического исследования, где сделана попытка — и достигнут результат — построения целостной, комплексной модели, позволяющей осмысливать культурно-исторические закономерности жизни древнего русского города, чей возраст приближается к 1000-летнему рубежу.

Модель построена просто и емко: *храм — город — приход — личность*. Значимы не только сами по себе составляющие этой модели — автор книги абсолютно точно выстроила иерархию смыслов, которыми эти составляющие наделены в своем единстве.

И начало всему — *храм*.

Для средневекового города — будь то Европа или Россия — храм становился подлинным центром. Чем больше таких центров в городе, тем выше его духовный статус. Чем больше людей в городе, тем больше храмов. Храмам не тесно, они не соперничают; величие веры утверждается, в числе прочего, величием обитателей веры. И, отводя храму первое, главное место в модели культурной среды русского города, Т. А. Рутман исходила из библейского источника (на который, кстати, не ссылается, считая это само собой разумеющимся).

Я же полагаю не лишним эту ссылку сделать, дабы утвердить два важных аспекта проблемы: во-первых, глубокую укорененность современной духовности в истории; во-вторых, новаторский смысл и связь научной модели с сакральной, религиозно-культовой, а не просто градостроительной традицией.

В библеистике понятие «*храм*» восходит к *скинии* — священному зданию, устроенному Моисеем по повелению Божию для служения Богу. О скинии упоминается в Ветхом Завете (Исх. 25, 1, 2, 9): «И сказал Господь Моисею, говоря: скажи сынам Израилевым, чтобы они сделали Мне приношения; от всякого человека, у которого будет усердие, принимайте приношение Мне... Все [сделайте], как Я показываю тебе, и образец скинии и образец всех сосудов ее; так и сделайте».

Храм-скиния стал центром нового пространства, точкой отсчета в формировании особых представлений о священном месте; как сказали бы современные архитекторы — пространственной доминантой. Немаловажно, что синонимами стали слова «*храм*» и «*собор*». В Библии сказано (Исх. 33, 7): «Моисей же взял и поставил себе шатер... и назвал его скиниею собрания; и каждый, ищущий Господа, приходил в скинию собрания, находившуюся вне стана».

Библейские источники указывают не только на смыслообразующую роль храма в пространстве человеческого обитания, но и на особенности деяний людей, объединенных идеей храма.

Известно, что великолепие скинии было плодом добровольных пожертвований (Исх.30, 4—9; 36, 3—7). Важно и то, что в тяжких странствиях народа, ведомого Моисеем по пустыне, скиния переносилась и всегда ставилась в центре стана.

Слово же «храм» стало применяться уже к Храму Иерусалимскому, устроенному наподобие скинии, подвергавшемуся разрушениям и перестройкам (2 Цар. 3, 9; 3 Цар. 6, 10, 23—28, 35; 7, 12; 8, 8, 9; 2 Ездр. 6, 3; Иоан. 10, 22; Деян. 3, 2).

В русской традиции, которую отчетливо зафиксировал В. И. Даляр, толкование слова «храм» органично начинается во вполне обыденном духе: перечисляются «хоромы, жилой дом, храми-на». Даляр рассматривает не только понятие «храм», толкуя его как «здание для общественного богослужения всякого исповедания; церковь». Он обращается и к таким понятиям, как «храмоздание» (само дело построения церкви) и «храмоздатель» (строитель, хозяин, коего иждивением храм строится).

Как видим, развитие человечества поставило храм в центр жизни верующих людей. И потому модель изучения древнего русского города с максимальной научной объективностью ставит на первое место именно храм.

Вокруг храма строится город — не только в буквальном смысле, когда речь идет о сооружении других по своему функциональному значению зданий. Город строится вокруг храма, который организует собою жизнь людей, принадлежащих к разным сословиям, имеющих даже разные национальные корни. Древние русские города, подобные Ярославлю, привлекающие экскурсантов (каковых в нашем городе куда меньше, чем могло бы быть, имея в виду культурную ценность его исторического наследия), сегодня интересуют именно своими храмами. Но движение по улицам, от одного уцелевшего храма к другому, создает лишь внешнюю канву жизни ушедших эпох.

Подлинная душа города сосредоточена в церковных приходах.

Приход — третья составляющая модели, предложенной Т. А. Рутман для изучения старинного русского города. Она впервые была применена автором к исследованию истории реального храма в ее работе о церкви Иоанна Предтечи, продолжена — в данной книге. Автор точно выбрала это социокультурное понятие для характеристики быта людей, их повседневных взаимоотношений, анализа того, как труд (производство, заработки) влияет на отношение к святыням и как святыни формируют благотворную атмосферу для работы.

Жизнь прихода в полной мере воплощает типичные черты жизни самого города. Свидетельства об этой жизни, по сути дела впервые сведенные воедино на страницах книг о Предтечевской и Ильинской церквях, поражают современного читателя: насколько глубоко были сплочены люди высокими духовными интересами. История приходов двух знаменитых ярославских храмов у каждого своя, особая, но вместе они — удивительный урок доброты, скромности, органичного и глубоко человечного единения. Это может послужить утешением и основанием для надежды на возрождение духовности, укорененной в историческом прошлом.

Наконец, мы обращаемся к последней, четвертой составляющей модели изучения культурной среды древнего русского города, — это «личность».

Следует особо отметить, что Т. А. Рутман применила к изучению истории Ярославля метод, который сегодня активно развивается во всем мире, однако в России пока используется только для анализа недавнего прошлого, свидетели которого еще здравствуют. Этот метод основывается на изучении *культуры повседневности* как специфического пласта культурной жизни. Умение

Церковь Ильи Пророка в Ярославле. Вид с юго-запада
Фотография Р.С. Фарвазитдина

исследователей найти многочисленные (кстати, четко документированные) детали обыденной жизни не только знаменитостей, но так называемого «частного человека», а затем из этих деталей составить емкую, подчас парадоксальную картину жизни целой страны в определенную эпоху — вот тот исследовательский ракурс, который связан с изучением культуры повседневности. И не стоит удивляться тому, что в книге о храме присутствуют «доходы и расходы» — мирские подсчеты того, что, однако, совершалось во благо храма и веры.

Читатель этой книги получает возможность прожить жизнь храма Ильи Пророка вместе с его строителями и храмоздателями, пройти по галереям и услышать звук колоколов, рассмотреть иконостасы и утварь, перелистать собранные в храме книги и увидеть ход реставрационных работ. Судьба людей переплетена с судьбой храма, это касается и храмоздателей Скрипиних, и прихожан, и священнослужителей.

Итак, город, начинающийся с храмов и живущий приходами, создают, оживляют, развивают и изучают конкретные люди. Личности их органично, скромно, но основательно «населяют» книгу о великом ярославском храме. Это — служители храмов, храмоздатели, строители и устроители, представители власти вплоть до императоров, библейские персонажи, горожане.

Скажу особо о тех, о ком по инерции и по инертности мышления обычно либо вовсе не упоминают, либо упоминают «под занавес», — об исследователях. Полагаю, что в этом ряду вполне определенное место занимает и автор нашей книги.

Исследователи русской старины — прежде всего патриоты, люди, которые многие годы своей жизни, чаще всего с юности, отдавали и отдают изучению культурных ценностей своего Отечества. В их трудах каждая икона, фреска, каждый колокол, каждая архитектурная деталь храма мысленно взлелеяны. Их научные тексты терминологически корректны, по ним можно сверять ушедшие из современного обихода понятия — в названиях архитектурных деталей, церковной утвари, не говоря уже об именах людей, названиях улиц, слобод, храмов, о наименованиях профессий. В их текстах даты не просто многократно выверены (если для этого есть документальные данные), но и тщательно комментируются, особенно если невозможно утверждать что-то категорично и однозначно.

Думаю, что в культурной жизни Ярославля эти исследователи занимают немаловажное место. И пусть в лицо их знают чаще всего коллеги, встречающиеся в архивных или музейных тесных комнатах, в продуваемых во время реставрации церквях, в аудitorиях научных конференций, — дела их в полной мере служат тому, что сегодня пытаются определить как «национальную идею».

Для автора книги (разумеется, не в равной степени) важны все без исключения люди, чьи судьбы хотя бы в малой мере связаны с ярославскими храмами. Нечасто среди «персонажей» исторических исследований можно встретить такого: «Иоанн, младенец, сын Иллариона Скрипина». На страницах этой книги недаром упоминается и генеалогия ярославских жителей, например, Вахромеевых, Скрипиних («Киприан, прадед И. и В. Скрипиних по матери»), и особенности написания их имен («Улита» или «Иулита» Скрипина) или фамилий («Скрипины», которых обычно именуют «Скрипиними»). Упоминаются «профессиональные» детали — «Василий Никитин, иконописец, травщик» — и детали карьеры: «придельный священник Ипат Матвеев». Отчетливо разделяются «жертвователи» и просто «прихожане» — а ведь для того, чтобы понять, как эти два признака горожан соотносятся и какой из них превалирует, нужно было изучить и сопоставить многие, с трудом добывшие, расшифрованные и классифицированные материалы.

Мы не можем обсуждать, в силу научной некорректности самой постановки вопроса, что было бы, если бы реставрационные работы в храмах велись регулярно, если бы не уничтожили десятки церквей в Ярославле, если бы людская небрежность, жестокость, эгоизм или глупость не приводили в унизительное и плачевное состояние храмы, прилегающую к ним территорию — также души людей... Обсуждать это историку в серьезном исследовании не пристало. А вот свести рядом на страницах двухтомника тонкого знатока православного искусства Н. Г. Первухина и «воинствующего безбожника» В. М. Ковалева было возможно и даже необходимо.

Храм в этой книге не просто памятник, вокруг которого витает холодок отчуждения, — это живая аура, одухотворяющая и объединяющая судьбы. И не стоит повторять банальные и неискренние суждения о «сухости» или, упаси бог, «начетничестве» исторической науки. Достаточно прочитать о людях, которые создавали, изучали и хранили духовные ценности: об иконописцах и священнослужителях, храмоздателях и реставраторах... Тщательность делания, ответственность отношения, вера не только в Бога, но в необходимость своих повседневных трудов — вот та духовная основа, на которой в параллельном движении развивались истории людей, представших в книге, и ход исследования, воспроизведенный в ней.

...Трудно представить себе *завершенным* исследовательский труд по истории. Несмотря на временную отдаленность событий, процесс их познания не прекращается с открытием очередного документа или с доказательством очередной гипотезы. Постижение истории длится столько же, сколько длится жизнь каждого нового поколения.

Однако есть и вторая грань этой *незавершенности*, связанная с огромными пластами не изученного до сих пор материала, касающегося жизни (да, именно жизни!) других ярославских храмов, в частности, в ракурсе той самой культуры повседневности, которая определяет смысл существования города как многосложного и целостного организма.

Т. С. Злотникова,
доктор искусствоведения,
заслуженный деятель науки РФ

ЗОЛОТОЙ ВЕК ЯРОСЛАВЛЯ

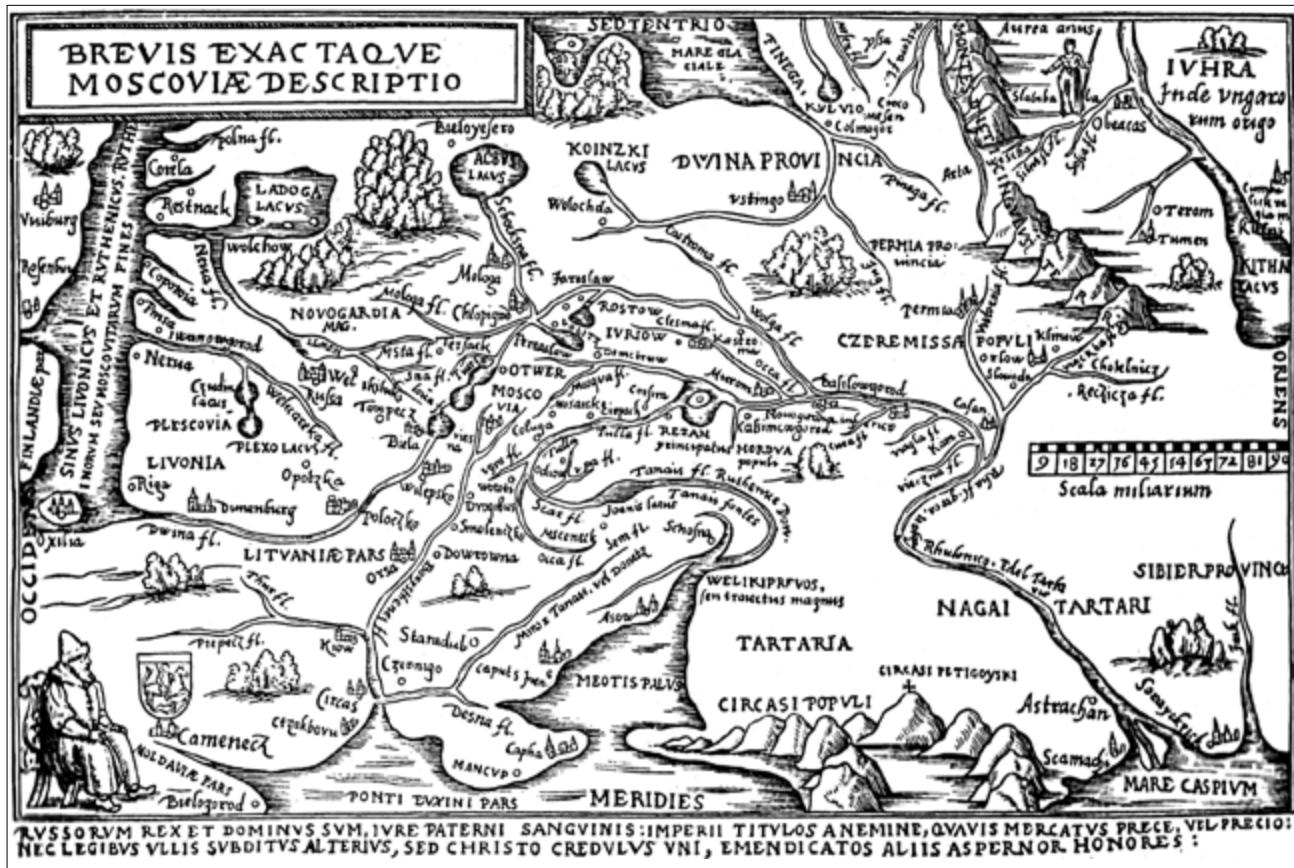
Историческая судьба храмов — памятников архитектуры и живописи — не менее интересна и значительна, чем их художественные достоинства. Многие люди оказывались втянутыми в орбиту Божьего Дома — начиная от времени его создания и до сегодняшних дней. Это и храмоздатели, не только жертвовавшие немалые средства на художественные творения, но и вкладывавшие в них свою душу, понимание красоты и благости; это и талантливые русские мастера — каменщики, иконописцы, резчики, серебряники, имена которых в большинстве случаев остались безвестными; это и священники, служившие зачастую в своих храмах по несколько десятков лет; и церковные старосты, бравшие на себя хозяйствственные заботы; и прихожане, связанные с храмом с момента крещения до упокоения на кладбище внутри церковной ограды; и реставраторы, дававшие вторую жизнь бесценным сокровищам.

В преломлении судеб этих людей отражалась не только история храмов, но и городов и весей, где они были расположены, и страны в целом, как в спокойные, благополучные годы, так и в трагические дни.

Большинство каменных приходских церквей Ярославля были сооружены в XVII столетии, которое еще в работах дореволюционных исследователей получило название «золотого века» древнего волжского города. В это особенное время «один из богатейших центров русской торговли эпохи первых Романовых... наконец, город со славным национальным прошлым, один из главных участников освободительной войны с поляками, Ярославль... был одним из самых бойких и оригинальных городов нашей родины»¹.

Основы экономического и культурного расцвета средневекового Ярославля были заложены еще в середине XVI века. 24 августа 1553 года в устье Северной Двины на Белом море, неподалеку от Никольского монастыря, пристало к берегу английское судно под командой капитана Ричарда Ченслера (через три десятилетия, в 1584 году, здесь был основан город Архангельск — до начала XVIII века единственный русский морской порт). Англичане заявили, что имеют от своего короля Эдуарда VI письмо к русскому государю о намерении завести торговлю с Россией. Капитан Ченслер отправился в Москву к царю Ивану Грозному и получил от него привилегии для англичан на торговлю во всех городах северной Руси и на провоз через русские земли английских товаров в страны Азии — Персию, Бухару, Индию. Вскоре подобное разрешение получили французы, немцы, голландцы, испанцы.

Одновременно с началом торговых отношений со странами Европы Иван Грозный за- воевал Казанское (1552) и Астраханское (1556) ханства. Волга, на берегах которой возникли

Карта Московии XVI в. Гравюра из антверпенского издания (1557) книги немецкого дипломата барона С. Герберштейна «Записки о Московитских делах»

укрепленные города, стала относительно спокойной для торгового пути в восточные страны. В этих условиях возросло значение Ярославля, который постепенно превратился в «перекресток главных жизненных нервов России того времени — Беломорского пути к новшествам Запада и Волжской дороги на богатый Восток». Для развития судоходства по Волге и перевозки в страны Азии товаров в городе начали еще в XVI веке строить суда такой величины, каких «дотоле не видывали в России». Кроме того, через Ярославль, Вологду, Великий Устюг пролегала тогда и главная торговая дорога из Москвы в Сибирь к местам добычи самого дорого русского товара на внешнем рынке — меха (протяженностью она была более двух тысяч верст, но кратчайший путь через Нижний Новгород и Казань считался тогда небезопасным). В 1660 году шведский резидент Филипп фон Круценштерн отмечал особое значение Ярославля: «Туда, как в общий склад, свозится из Москвы и ее окрестностей, даже почти из всей России, снизу и со всех сторон, летом по воде, а зимой на санях, чрезвычайно большое количество товаров»².

Иностранные купцы не только останавливались в Ярославле на короткое время, но и стали даже жить в нем «без съезда» — они открывали здесь торговые конторы, строили жилые палаты, склады, каменные погреба. По описи 1630 года, в городе находилось 29 дворов «английских и голландских торговых немец и разных земель иноземцев». В переписных книгах Ярославля XVII века то и дело встречаются дворы,

Встреча голландских моряков с русскими на севере России
Гравюра (1598) из книги С. Герберштейна

где живут «голанские земли торговые иноземцы» Марк Марков и Юрий Клинкин, «кормовой иноземец» Ларион Тарбеев, «англенский немец» Корнил Корнилов³. Их деятельное присутствие способствовало не только обогащению городских жителей, но и развитию у них «торговых идей». Все больше ярославских граждан оказывались вовлечеными в становление единого всероссийского рынка и выход русских товаров за рубежи страны.

Хорошо зная спрос на товары в разных областях Московии, ярославцы осваивали собственные ремесла. Крупнейший знаток экономической истории русского средневековья С. В. Бахрушин отмечал это как важную особенность развития города: «Характерной чертой Ярославля в XVII в. является наличие в нем местных производств, которые и питают ярославскую торговлю своими фабрикатами. В этом отношении Ярославль резко отличается от большинства русских торговых городов того времени, благосостояние которых основывалось главным образом на иностранном и сибирском ввозе и собственная продукция которых была незначительна. Великий Новгород жил шведским транзитом, а из местных товаров на внутренний рынок вывозил только ладожскую рыбу; Псков пропускал через себя большую часть ливонского ввоза, а на внутренние рынки поставлял только сухих снетков»⁴.

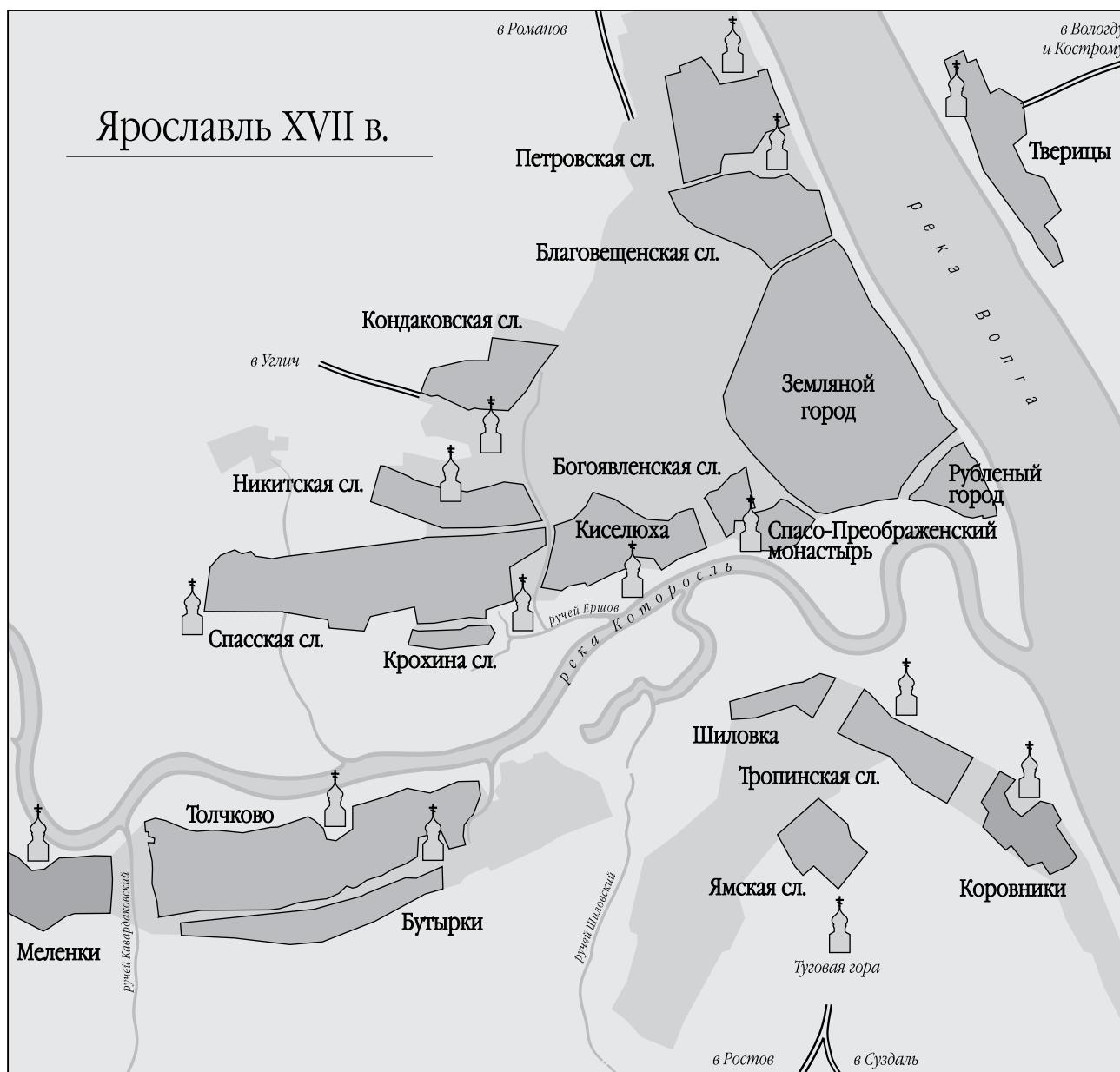
Производством товаров и торговлей ими стали заниматься не только горожане, но и жители окрестных сел и деревень. Не тогда ли был заложен знаменитый тип расторопного, предприимчивого ярославца,

который известен, по метким замечаниям классиков, «по всей России своей ловкостью, сметливостью, необыкновенными способностями к промышленности и торговле», — одним словом, «венец создания в Великороссии по своим дарованиям».

В конце XVI — середине XVII века в Ярославле сложились крупные торговые капиталы, из посадской среды выделились богатейшие фамилии: Гурьевы, Добрынины, Дурандины, Кучумовы, Лифантьевы, Лузиновы, Лыткины, Мякушкины, Неждановские, Светешниковы, Скрипины. Многие из них сыграли важную роль в ликвидации Смуты, способствовали поставлению на царство Михаила Романова, вошли в торговую элиту страны — получили почетные звания государевых гостей, купцов гостиной сотни. Почти все эти роды прекратились в дальнейшей истории Ярославля, не переступив даже рубеж XVII—XVIII столетий, но память о них сохранилась. Осознание ярославскими купцами своего особого общественного статуса побуждало публично его закрепить в прекрасных творениях — каменных величественных храмах. «Все эпохи церковного строительства в России были эпохами национального подъема. Так было во дни Киевской Руси, когда русские города украшались храмами Св. Софии; так было при Иоанне III в век создания московских соборов; так же было во дни создания ярославских храмов. Ими ярославское именитое купечество ознаменовало в XVII столетии окончательное преодоление Смуты и упрочение Российской государственности с ее неизбежным последствием — ростом богатства. Из сохранившихся счетов по постройке храмов, а еще более по самим храмам видно, что купечество не пожалело средств возблагодарить Господа Бога за явленную к Русской земле милость. Но религиозное чувство, выразившееся в этом подъеме, было лишено той глубины, которая была присуща стариине. Только в религиозной архитектуре ярославских церквей сохранились еще некоторые следы этой глубины и силы ... Ярославские храмы — последние значительные создания русского религиозного искусства»⁵.

Ярославские торговые люди имели деловые интересы в самых отдаленных уголках России, но всегда тяготели к своему родному городу, стремились его украсить. В городе развернулась невиданная по размаху строительная деятельность, один за другим поднимались монументальные, щедро украшенные церкви — «нетленные грэзы последнего века допетровской Руси»⁶. Они олицетворяли собой торговое могущество и высокий уровень культуры, достигнутые богатым ярославским посадским населением, а также двигавший им сложный комплекс религиозных чувств и побудительных мотивов. Не последнее место среди них занимало желание увековечить свой род, обеспечить вечное моление о нем, поэтому в храмозданных и вкладных надписях часто встречается фраза: «в память по себе и по своих родителях», а один из жертвователей написал в челобитной митрополиту Ростовскому Ионе Сысоевичу: «сотвори, Государь, память мне убогому за мои бедные труды в преддия [что впереди] роды»⁷.

Сложившаяся в этот период ярославская школа архитектуры, живописи, декоративного искусства — самостоятельное и весьма значительное явление в русской культуре средневековья. В многочисленных художественных памятниках Ярославля перемешалось и сплавилось все непо-вторимое своеобразие жизни средневекового города: «древние русские святыни и рядом конторы английских и голландских негоциантов, раскольничьи моленные и лавки индусских купцов» — тем не менее, — продолжал непревзойденный знаток ярославской художественной старины Нил Григорьевич Первухин, — «наши предки XVII века лучше своих внуков Петровской эпохи умели разбираться в этих разнородных веяни-

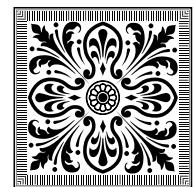

Ярославский посад XVII в.

ях, выбирая более близкое своему национальному вкусу, видоизменяя и пополняя его из сокровищницы родной старины и, таким образом, создавая с помощью чужих элементов вполне самобытное, родное искусство»⁸.

К сожалению, «золотой век» Ярославля был резко прерван «холодом реформ» Петра I: заключение Ништадтского мира, строительство Петербурга, перенос торговли с западными странами на Балтийское море заметно повлияли на судьбу города. В 1718 году Петр I издал указ, по которому торговля через архангельский порт была сокращена на две трети, с этого времени Ярославль стал терять значение крупного торгового центра и источники своего богатства.

Одним из главных символов «золотого века» волжского города стала церковь Ильи Пророка. «Ильинская церковь в ряду всех прочих церквей Ярославля, несомненно, принадлежит к числу самых замечательных», — так писал в начале XX века человек, давший вторую жизнь этому храму, — Иван Александрович Вахромеев⁹.

ДО ПОСТРОЙКИ КАМЕННОЙ ЦЕРКВИ

История ярославских храмов началась постройкой Ильинской церкви, но другой — на берегу Волги. По одному из преданий о возникновении Ярославля, великий князь Ярослав Мудрый основал свой город в Ильин день, и рядом с Медведицким оврагом, где произошел поединок князя с медведицей, был возведен за один день (*обыденный*) деревянный храм: «сам же Благоверный Князь водрузи на земли сей древян крест и ту положи основу святому храму пророка Божия Илии. А храм сей посвяти во имя сего святого угодника, яко хищного и лютого зверя победи в день его. Посем христолюбивый Князь повеле народу рубити древеса и чистити место, идеже умысли и град создати. И тако делатели нача строити церковь святого пророка Илии и град созидати»¹. И до настоящего времени на этом месте, неподалеку от волжской Стрелки, стоит Ильинско-Тихоновский храм (построен в 1831 году).

Время основания и местоположение деревянного Ильинского храма

Некоторые ярославские краеведы сходятся на том, что основание церкви Ильи Пророка в Земляном городе относится к раннему периоду истории города. Основываясь на традиции возобновлять церкви после пожаров и разрушений на прежнем месте, историк Константин Дмитриевич Головщиков (1835–1900) сделал вывод о древнем происхождении храмов центральной части Ярославля (Рубленого и Земляного города): «В 1221 году Ярославль потерпел большое несчастье: чуть не весь он сделался тогда жертвою пожара; одних церквей сгорело 17... Замечательно, сколько было на этом пространстве в то время церквей, почти столько же здесь их и теперь. Следовательно, все нынешние церкви Рубленого и Земляного города первоначальным своим основанием относятся к векам XII и XIII»².

Облик древнего Ярославля, сложившийся в XIII веке, кардинально не менялся на протяжении нескольких столетий, несмотря на проносившиеся над ним бедствия — вражеские разорения, опустошающие пожары. Храмы, являвшиеся важными узлами в структуре города, отстраивались опять на старых пепелищах.

Ильинская церковь изначально оказалась удачно размещённой в географическом центре Земляного города, на пересечении двух его главных улиц — Пробойной и Калининой, их расположение, протяженность очерчены в описях, переписных книгах Ярославля и других источниках XVII века. Западный фасад храма выходил на Пробойную улицу, которая начиналась от моста через Медведицкий овраг и тянулась более чем на километр, до Семеновских городских ворот. Она являлась одной из самых просторных (ее ширина местами достигала двенадцати метров) и благоустроенных улиц в средневековом Ярославле. Пробойная улица была устлана бревнами и имела деревянные мостовые, как и другая улица, примыкавшая к северному фасаду Ильинского храма, — Калинина, которая шла от Власьевских ворот и заканчивалась неподалеку от глухой Сретенской башни у Мякушкинского съезда к Волге. Она была вдвое короче и уже Пробойной.

Земляной город — сердце торгового Ярославля, именно здесь находились «государев гостиин двор для приезду со всякими товары купецких людей», таможенная изба, кружечный двор, «изба сбору конских пошлин». Дорога, которой везли товары из Москвы, в те ранние времена шла через Ямскую и Тропинскую слободы, реку Которосль к воротам Зелейной башни у основания Медведицкого оврага, далее поднималась по Спасскому съезду к церкви Спаса на Городу. Здесь начиналась торговая площадь, на которой кипела городская жизнь, где вперемешку стояли харчевые дворы и постоянные избы, амбары и кузницы, бани и угольные лавки. Но самое главное — здесь находились торговые ряды: «мучной, иконный, скорняжный, овошной, железный, кафтаный, или однорядный, юхотный, серебряный, ветошный, или платной, лопатный, соляной, тележный и санный, горшечный и кирпичный, рыбный, мясной, сапожный, суконный, шапочный, москательный, рукавичный, солодянной, сырейный, калачный, крашенинный, овчинный, коробейный, или сундучный, красильный и шубный». По описи 1630 года, в рядах была 651 лавка, где торговали всевозможным товаром, как местного производства, так и привозным. Торговые лавки стояли и вдоль Пробойной и Калининой улиц, по которым в течение дня не прекращалось оживленное движение: везли товары, отправлялись за покупками.

Жизнь храмов и их прихожан в Земляном городе находилась в определенной зависимости от царившей здесь торговой деятельности. Подклеты каменных церквей сдавались внаем как «складочные» помещения, торговые палатки находились и внутри церковной ограды, храмы владели лавками в рядах, получаемые средства являлись ощутимой статьей в годовых доходах и давали возможность содержать причт, благоустраивать и украшать церкви. Именно в этой части города находились многие дворы зажиточных посадских людей, здесь меньше, чем в предместьях, стояло пустых дворов, а среди жителей, как известует из переписных книг Ярославля XVII века, было меньше «худших» людей, нищих. Не случайно, что и первые каменные посадские храмы Ярославля появились в Земляном городе.

Первые документальные сведения

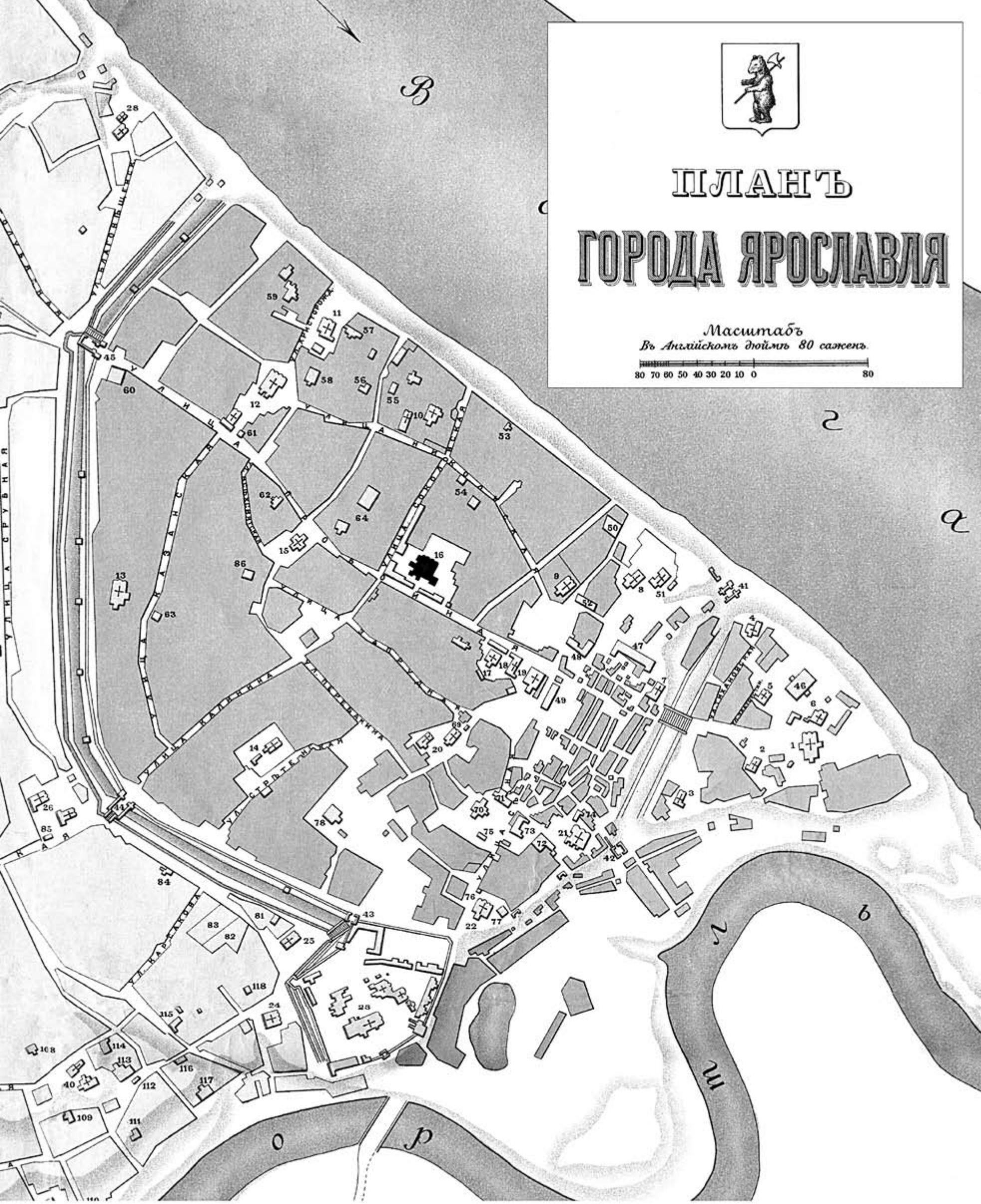
Известный исследователь истории и культуры Ярославского края Илларион Александрович Тихомиров писал: «До постройки каменного Ильинского храма на его месте стояли две деревянные церкви — Ильинская и Покровская, о которых не имеется никаких сведений»³. Действительно, документальных

ПЛАНЪ

ГОРОДА ЯРОСЛАВЛЯ

Масштабъ
Въ Английскомъ дюймъ 80 саженъ.

материалов о деревянных приходских храмах Ярославля, предшественников каменных, сохранилось немного, поэтому любые свидетельства об их истории и устройстве имеют особую ценность.

Первое, известное на сегодняшний день, упоминание о церкви Ильи Пророка относится к XVI веку и связано с историей одного из древнейших храмов Ярославля — Петра и Павла, что стоял на берегу Волги в районе нынешнего автомобильного моста и был снесен в 1937 году. На этом месте, по одной из версий, получившей широкое отражение в источниках XVIII века, был основан Ярославль и построена его первая церковь — Петра и Павла, здесь же находился Петровский монастырь, начало которого относилось ко времени основания города. Это предание было подробно изложено в «Топографическом описании Ярославского наместничества» 1794 года. Оно повествует о том, что великий князь Ярослав Владимирович в 1024 году «шёд из Новограда первее сущею, а потом в судах и Волгою рекою, осмотреть Ростовского княжения, и ста на берегу Волги реки, идже ныне град Ярославль, изволи тут быти граду в свое имя Ярослав и постави перво церковь во имя святых первоверховых апостол Петра и Павла»⁴.

Петровский монастырь стал местом захоронения некоторых членов ярославского княжеского дома: Ксении, жены святого ярославского князя Василия Всеволодовича; их дочери княгини Марии (в некоторых источниках — Анастасии) — первой жены святого ярославского князя Федора Черного; их сына князя Михаила. На протяжении длительного времени они почитались в Ярославле как местные святые, и дважды, как свидетельствуют сохранившиеся документы, горожане предпринимали попытки их всерусской канонизации. Первый из источников датируется 1578 годом, это «Розыск архимандрита Ярославского Спасского монастыря Феодосия ростовскому архиепископу Давиду о чудесах от мощей кн. Михаила, Ксении и Анастасии, захороненных в Петропавловской церкви». В нем сообщается, что «от целбиносных мощей их у гробов молитвами их многим людям, с верою к ним приходящим, мужьям, и женам, и девицам в различных недугах и болезнях дал Бог исцеление и здравие». Одним из первых указано исцеление прихожанки Ильинской церкви: «В лето 7085 года мая в 8 день у тех же гробов Бог простиЛарионову жену Еуфимию, темну оком, от Ильи пророка с Пробойные улицы»⁵.

Этот документ опубликован сравнительно недавно, а ранее первое известие об Ильинской церкви дореволюционные и современные исследователи связывали с чудом от одной из главных святынь Ярославля — иконы Спаса Нерукотворного из Спасо-Преображенского храма. В 1612 году в Ярославль пришло ополчение Дмитрия Пожарского и Козьмы Минина, созданное в Нижнем Новгороде для освобождения страны от польских интервентов. От большого скопления войск началась в городе моровая язва. Для избавления от болезни ярославцы решили прибегнуть к своей главной защитнице — чудотворной иконе Толгской Богоматери, обойти с ней 23 мая вокруг города. Накануне назначенного дня проповедник Успенского собора Илья было сонное видение, в котором повелевалось взять в крестный ход икону Спаса Нерукотворного, находившуюся в часовне близ деревянной церкви Афанасия и Кирилла.

Первое чудо от новоявленного образа произошло рядом с Ильинским храмом: «Егда же несена бысть сия святая икона, несущею во сретенье Толгская иконы Божией Матери и против церкви святого пророка Ильи бывши, ту же слепый некий сидяше, прося милостыни от христолюбивых подателей. И егда принесен бысть сей Спасителев образ через него... прозре обоими очима, яко никогда же сея болезни имев, славя Бога; сие же чудо людие узревшие, страхом одержимы бывше, и со слезами моляхуся, во-

Огненное восхождение Пророка Ильи. Храмовая икона деревянной церкви Ильи Пророка. XVI в.
Ныне — в собрании ЯМЗ. Из книги И. А. Вахромеева

Богоматерь Тихвинская. Икона местного ряда иконостаса центрального храма. XVI в.
Клейма XVII в. Из книги И. А. Вахромеева

пиюще: Господи, на тя упование и надежду имами, и надеемся на щедроты твоя, яко сие чудо сотворил еси тако, и от сея напасти належащие соблюди, и сохрани люди твоя»⁶.

Прихожане Чистые

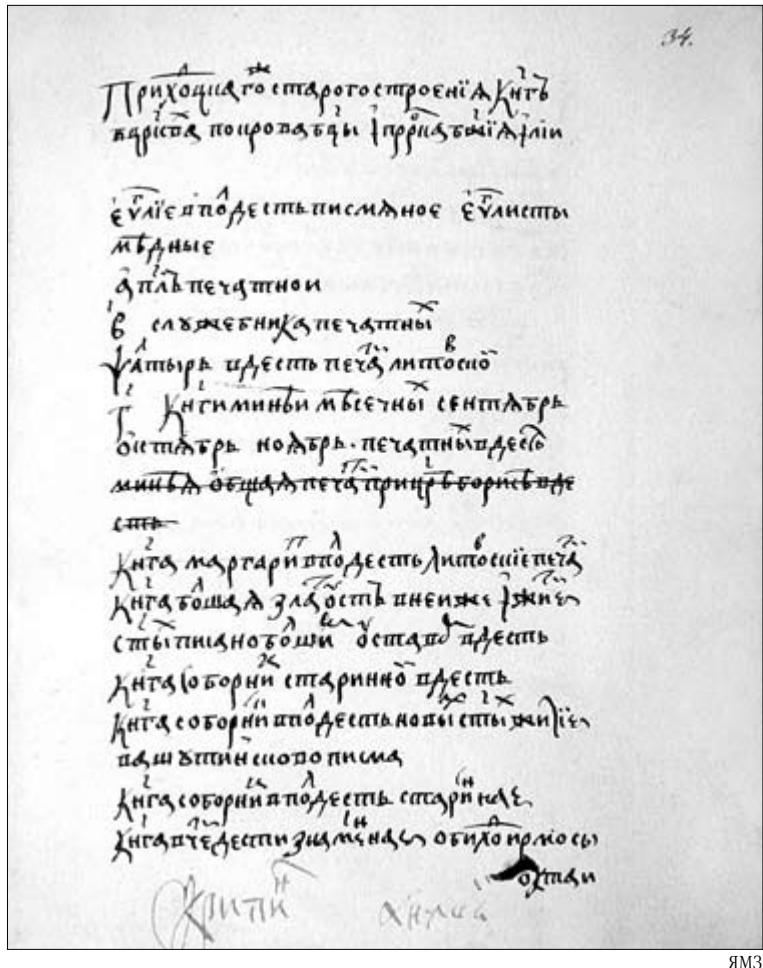
В собрании выдающегося русского археолога и знатока древней культуры графа А. С. Уварова, которое хранится в основанном им Государственном Историческом музее, имеется рукописный сборник житий святых, составленный в 1620 году по заказу прихожан ярославской Ильинской церкви. В сборник вошла неизвестная ранее редакция жития ярославских святых князей Федора, Давида и Константина. В помете писца говорится, что книга создана «рукою многогрешного раба Божия Георгия Евсиеva сына Комынина в преславном и в преименитом и в богоспасаемом граде Ярославле, по велению ярославцов посадцких людей Ивана да Козмы, да Назария, да Аникия Второво сына Чистово и иных посадцких людей, святого и славного Ильи прихожан, и совершена бысть сия книга в лето 7128 (1620) года марта в 23 день... И положена бысть в храм святого Пророка Ильи и преподобного отца Варлаама Хутынского Чудотворца, а настоящий храм Покрова Пресвятой Богородицы на Пробойной улице в граде Ярославле Повольском»⁷.

Имена Чистых, которые значатся заказчиками житийного сборника, известны и по многим источникам XVII века — это был знаменитый и значимый в ярославской истории купеческий род. Главу его, Иоанна, пожаловали в чин гостя в 1613 году вместе с другими ярославскими торговыми людьми (Светешников, Никитников, Лыткины), способствовавшими воцарению Михаила Романова. Они являлись кредиторами ополчения Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского; по всей видимости, были участниками Земского собора 1613 года. Пожалование в те годы в чин гостя сопровождалось строгим царским приказом переезжать для житья и ведения дел в Москву. Иоанн Чистой не смог ослушаться воли царя и завел двор в Москве, но, подобно Григорию Никитникову, Надее Светешникову, сохранил и свои владения в Ярославле. Иоанн Чистой перед кончиной принял постриг и завершил свой жизненный путь как инок. Разросшийся род Чистых-Ивановых-Алмазовых-Ерофеевых сыграл важную роль в экономической и политической жизни не только Ярославля, но и России, дал за XVII столетие самое большое в городе — 6 человек — число гостей⁸.

Положение, права и обязанности этой особой категории русского купечества — гостей — обозначены выдающимся фотографом и замечательным краеведом Иваном Федоровичем Барщевским:

«Государев гость есть особое почетное звание и привилегия купца, дававшаяся в XVII веке за услуги государству в коммерческом деле. Таких гостей было весьма ограниченное число и в царствование Алексея Михайловича не превышало тридцати человек. На это звание царем выдавалась грамота. Привилегии их состояли в том, что они и не отделенные от них члены их семьи подлежали только царскому суду или особому лицу, назенненному по указу царя.

Как они, так равно их семьи и служащие их освобождались от общинных служб — пошлин и повинностей: имели право владеть отчинами и получать поместья; имели свободный выезд за границу с товарами. Они были освобождены от присяги, а вместо них отвечали на суде и присягали их служащие. Они могли держать у себя безъявочно всякого рода напитки, топить печи и бани летом. За обиду, бесчестье гостю

«Книга церковного строения». На этом листе описи Ильинского храма Скрипины перечисляют книги из деревянных церквей, в том числе и житийные сборники

платилось 50 руб., а за обиду [их] детей 20 руб. Служба гостей по назначению царя была финансовая; заведывание таможнями, кружечными дворами, царской казной и казначеями⁹.

Представители рода Чистых были востребованы на государевой службе, зачастую нелегкой. В разное время они возглавляли таможни таких крупнейших торговых центров страны, как Архангельск, Казань, Нижний Новгород. В эти города таможенные головы не выбирались, а назначались по царскому указу, «эта служба была тяжелой принудительной повинностью, которая падала на всех представителей привилегированных слоев, и требовала их частого отрыва от торговой деятельности на длительные сроки, то есть занимала в их жизни не меньшее место, чем основные занятия. Лишь успешное выполнение службы гарантировало сохранение сословного и имущественного положения ... а недоборы означали для допустившего их конфискацию имущества и наказание кнутом»¹⁰.

Из родового клана Чистых Иоанн еще в 1613 году руководил ярославской таможенной службой, его сыновья возглавляли: Назарий в 1628–1629 годах астраханскую таможню, Аникей в 1645–1646 годах – архангельскую, а племянник Алмаз (Ерофея) Иванов в 1638 году – холмогорскую.

В чебоксарской земской старости Иоанникия Скрипина 1631 года сообщалось, что Назарий Чистой взят в Москву. Там он достиг исключительного положения для человека его происхождения: сначала являлся дьяком Приказа Большой казны, а с 24 января 1647 года, возглавив Посольский приказ, стал одним из влиятельных думных дьяков. «Русский канцлер Назар», как его именовали иностранцы, в правительстве царя Алексея Михайловича имел «самое сильное влияние на дела после Морозова (боярина Бориса Ивановича. – T. P.)». Он говорил о себе, что в вопросах иностранной торговли «царь без его Назарьевой думы ничего не решит». Считается, что именно при поддержке Назария Чистого ярославская посадская община одержала победу в длительной борьбе со Спасо-Преображенским монастырем – крупнейшим землевладельцем в городе¹¹.

Назарий Чистой вошел в русскую историю как «печально известный автор соляного налога» — историки предполагают, что именно ему пришла мысль заменить важнейшие в то время в России прямые налоги повышенной пошлиной на соль. Дьяк Назарий был убит во время соляного бунта в Москве в июне 1648 года, тело его толпа выбросила «на навоз», при этом мятежники приговаривали: «Вот тебе, изменник, за соль»¹².

Аникий Чистой тоже занимал высокие посты в московской приказной администрации, был дьяком в Приказе Большой казны. Третий из братьев, Иоанн, в 1638 году избирался в Ярославле земским старостой¹³.

Сведения о том, что Чистые являлись ильинскими прихожанами, содержатся не только во вкладной надписи на житийном сборнике, но и в переписных книгах Ярославля, и в ряде других источников. Во время нашей работы над книгой по истории ярославских храмов среди безномерных материалов Ярославского музея-заповедника хранителем редких книг Т. И. Гулиной были обнаружены несколько листков неизвестного ранее Синодика. Проведенный исторический анализ источника позволил определить его принадлежность к церкви Ильи Пророка и датировать временем строительства каменного храма (1647–1650). Данная датировка получила подтверждение и на основании его агиографического исследования, проведенного знатоком древнерусских рукописей А. А. Туриловым. В Синодике поминаются уже известные нам имена: «род Иоанна Чистова: Василий, Капитолина, Иоанн, инок[иня] Марфа, Козма, Назарий, Иоанникий...»¹⁴

В дальнейшей истории Ильинского храма имена членов этого рода встречаются лишь единожды: в 1676 году вдова Евдокия Елевферьева дала в память о своем муже, дьяке Иоанне Иоанновиче Чистом, 50 рублей для литья колокола¹⁵.

Причт и приход

Сведения о клире и приходе деревянного Ильинского храма можно почерпнуть из Переписной книги Ярославля за 1646 год. Причт церкви, как и у большинства храмов густо заселенного тогда Земляного города, был четырехчленным: «поп Федот, — а у него дети Ивашко 6 лет, Гришка 4 лет, Фетка 3 лет, — живет на своем дворе; дьякон Кондрат — у дьякона сын Фетка 8 лет — живет в келе на монастыре; пономарь Овдокимко — сын у него Ивашко 10 лет — живет в келе на монастыре; просвирница Мавра живет на монастыре в келе»¹⁶.

Ярославль в XVII веке административно делился на семь сотен: Городовая в Рубленом городе, Сретенская и Никольская в Земляном, Дмитровская, Духовская, Спасская в предместьях и Толчковская, которая объединяла Тверицкую и закоторосльные слободы. Никольская сотня в Земляном городе шла вдоль берега Волги, Сретенская — от церкви Спаса на Городу до Казанского монастыря. Граница между сотнями проходила по Пробойной улице. Ильинские прихожане жили в обеих сотнях Земляного города. Состав проживавших тут посадских был в основном ремесленный: здесь указаны 8 шапочников, 5 сапожников, по 4 — плотника, сыроятника, сырейщика, по 3 — серебряника, строгальщика, хлебника, по 2 — рукавичника, свечника, уздника, овчинника, есть рыбник, прядильщик, шубник, лапотник, медник, пуговичник, колокольник,

зеркальник... Всего перечислено более пятидесяти профессий, что свидетельствует о чрезвычайно развитой специализации ремесленного производства на ярославском посаде. Приход Ильинского храма был вполне достаточный — здесь меньше, чем в слободских сотнях, указано обнищавших, работный человек всего один¹⁷.

С самого рождения жизнь каждого прихожанина была связана с его храмом, здесь же, у его стен, находил он и свое последнее пристанище. У Ильи Пророка «на монастыре», внутри церковной ограды, также находилось приходское кладбище, время сохранило от него три валуна-надгробия. На большом камне справа от входа в церковь надпись в семь строк: «Лета 7115 (1607) генваря 11 дня престався раб Божий Кондрат Никитин сын Кащинцов, да 135 (1627) марта 25 дня престався сын его Кондрат Кондратов, да 151 (1643) декабря в 4 день престався инокиня Домника».

Небольшой камень слева у церковной ограды имеет надпись в три строки: «Лета 7126 (1618) году месяца преставилась раба Божия Матрена августа».

Третий камень — слева от входа в храм, на нем надпись: «Лета 7151 (1643) году ноября 1 день преставился раб Божий инок...».

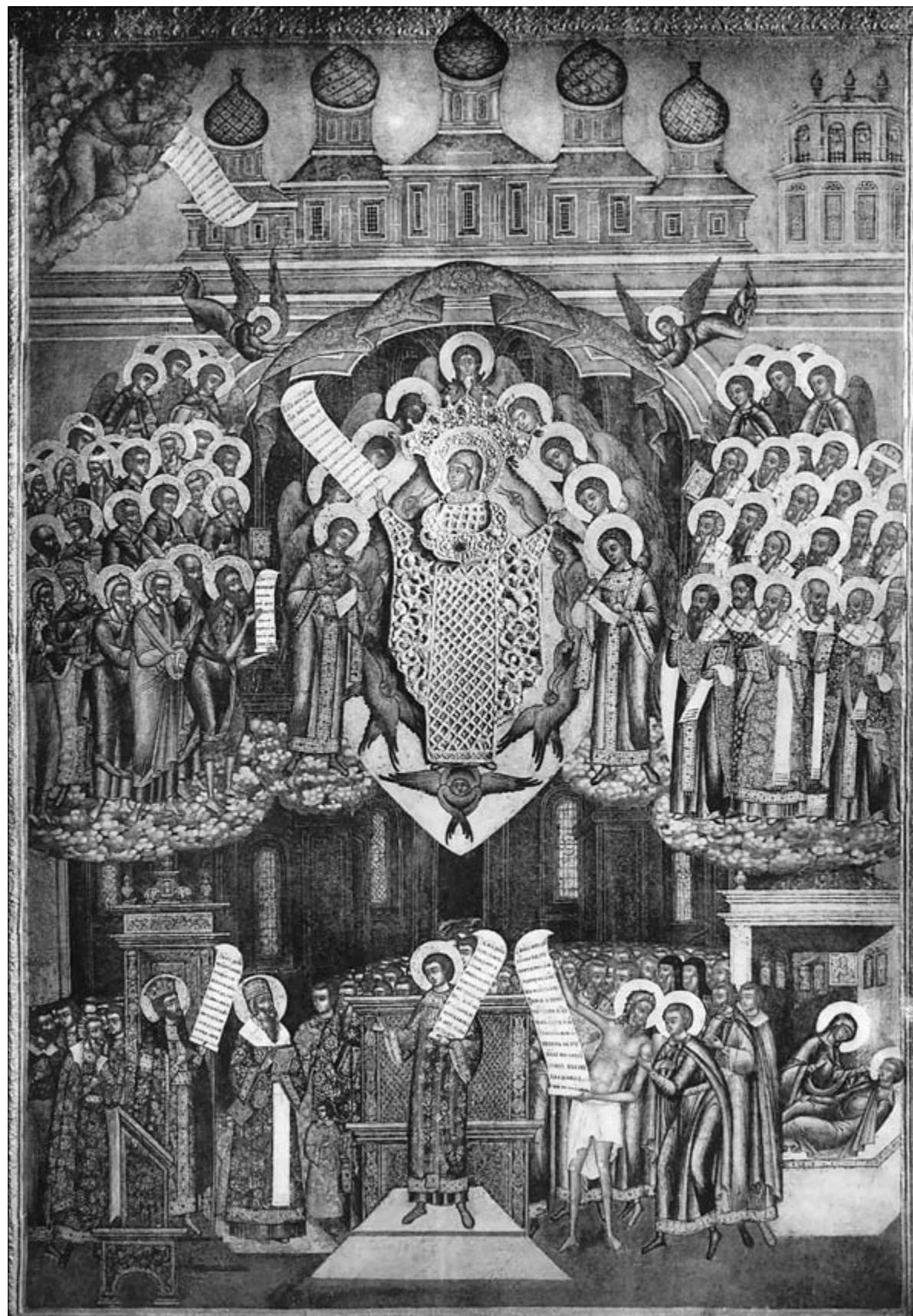
В настоящее время внутри церковной ограды лежит еще несколько валунов, но они не обследованы. Возможно, два из них были привезены в конце 1920-х годов, как свидетельствуют документы Ярославской реставрационной мастерской, от церкви Петра Митрополита, на монастыре которого «лежали два больших намогильных камня-валуна, совсем необделанных, но с очень хорошо выполненными вглубь надписями славянской вязью на одном 1631 года и именем инока Пимена. Эти камни перевезены к Ильинской церкви-музею, а лежали недалеко от юго-западного угла трапезы»¹⁸.

Устройство и оснащение церкви

Приходской Ильинский церковный ансамбль, как утверждает запись в житийном сборнике, состоял из двух деревянных храмов: летнего — Ильи Пророка с приделом Варлаама Хутынского — и зимнего — Покрова Богородицы. Сохранились свидетельства по устройству деревянной Ильинской церкви.

Еще в XIX веке был опубликован и позднее не раз цитировался исследователями документ («Рядная запись от 1643 года на написание в ярославской Дмитрие-Солунской церкви иконы Спасителя и иконостаса»), любопытная деталь в котором долгое время оставалась незамеченной. В «рядной» говорится следующее: «Макарий, Огафонов сын, иконник, ярославец, посадский человек дмитревского приходу, да с своим сыном с Василием порядились есми в Ярославль у дмитревского попа у Ивана Васильева, да у дьякона у Максима Федорова, да у дмитревских прихожан у Якова Харитонова Опарина, да у Федора Меркурьева Туровосова, да у Офанасья Федорова Кошкарова и у всех дмитревских прихожан написать нам к страстотерпцу Христову Дмитрию Солунскому в новую церковь Спасов образ на круглой иконе, мерою как у Ильи Пророка в холодной церкви в подволоке, а от того образа рядились мы от письма четыре рубли с полтиной»¹⁹.

Местонахождение иконы (в подволоке, или на потолке), необычность ее формы дают возможность предположить существование «неба» в деревянном Ильинском храме. *Небо* — это « конструкция потолочно-го перекрытия в храме, имеющая форму пологой усеченной многогранной пирамиды, радиальные грани

Покров Богоматери. Храмовая икона деревянной теплой Покровской церкви Ильинского прихода
Первая половина XVII в. Ныне — в собрании ЯМЗ. Из книги И. А. Вахромеева

которой возвышаются к центральному кольцу²⁰. В кольце, как правило, помещалась икона. *Небом* перекрывалось основное помещение деревянного храма, предназначенное для молящихся (*небо* устраивалось для сохранения тепла, и его наличие говорит о том, что Ильинская церковь была высокой). До недавнего времени считалось, что устройство живописных «небес» в деревянных храмах являлось особенностью преимущественно церквей северо-западного региона, на территории современных Архангельской, Вологодской, Мурманской, Новгородской областей и в Карелии. Как сообщила нам Т. М. Кольцова, автор серьезного исследования об этой малоизученной форме перекрытия в храмовой архитектуре, документальными сведениями о бытованиях «неба» в Ярославле до настоящего времени она не располагала. Таким образом, «рядная» расширяет границы региона распространения «небес». Более того, теперь с некоторой определенностью можно судить и о размерах деревянной Ильинской церкви: «небеса» устраивались на небольшой высоте от уровня пола и позволяли перекрывать пролет не более 12–13 метров²¹.

Сведения об оснащении деревянной Ильинской церкви дают уникальный исторический документ, к которому мы будем постоянно обращаться (подробнее речь о нем пойдет ниже), — «Книга церковного строения» 1651 года. В эту опись церковного имущества каменного храма был включен на одиннадцати листах отдельный перечень икон, книг, утвари, колоколов «старого приходского строения». Из указанных в нем предметов сохранились до нашего времени резные царские врата XVI века — самые древние из известных в Ярославле, фелонь — самое раннее церковное облачение в богатой коллекции Ярославского музея-заповедника — и более пятнадцати икон.

Судя по этой описи, деревянной церкви принадлежали две лавки в ярославских торговых рядах — «в Скобяном ряду, на угольную, — сторону подле лавки Семена Светешникова» и «под горою, против таможни, к Зеленым воротам» — и одно лавочное место «в большом Калашном ряду ... а на нем поставлено 6 полков калашных»²².

Ильинский деревянный храм был значим в духовной и культурной жизни города — его прихожанами являлись люди, известные далеко за пределами Ярославля; некоторые особенности его оформления послужили образцом при обустройстве других ярославских церквей; иконы из деревянного Ильинского храма копировались, что может служить свидетельством их высокого художественного уровня. Вполне закономерно зарождение в этом приходе одного из выдающихся памятников русского средневековья — церкви Ильи Пророка.

ХРАМОЗДАТЕЛИ ВОНИФАТИЙ И ИОАННИКИЙ СКРИПИНЫ

 аменная церковь Ильи Пророка возводилась в 1647–1650 годах, многие люди на протяжении 350-летней истории храма с большой любовью обустраивали его, украшали, изучали, реставрировали. Первое и особое место в этом ряду занимают богатые именитые ярославские купцы Иоанникий и Вонифатий Скрипины, чьим «иждивением» в середине XVII века и поднялся этот величественный храм. Облик храмоздателей, их предпринимательская деятельность, художественные пристрастия, душевный настрой очерчиваются в сохранившихся документах того времени.

Торговые люди Скрипины

Местная традиция считает Скрипиных, как и представителей других крупных купеческих фамилий Ярославля — Светешниковых, Добрыниных, Гурьевых, потомками высланных Иваном Грозным новгородцев. Подробности ссылки были следующими: за несколько месяцев до разгрома Великого Новгорода, в январе 1569 года, литовский отряд захватил считавшуюся неприступной Изборскую крепость. Иван Грозный, посчитав виновным в захвате неблагонадежное с его точки зрения население ближайших городов, решил направить репрессии против псковичей и новгородцев. В новгородской летописи есть сведения о том, что в марте 1569 года власти выслали из Пскова 500 семей, из Новгорода — 150. Основную массу сосланных составляли «середние и меньшие» посадские люди Новгорода, они были отправлены в Москву, Ярославль, Великий Устюг, ряд других городов¹.

Ссыльные новгородцы, с их деловой хваткой и энергией, с опытом торговли не только на внутреннем, но и на внешнем рынке, попали в благоприятную для них среду динамично развивающегося города. Можно смело предположить, что именно тогда были заложены основы благосостояния многих торговых родов, выходцев из Новгорода.

В «Перечневой описи города Ярославля 1630 года» в торговых рядах значатся лавки гостей Надеи Светешникова, Назария Чистого, Григория Никитникова и Василия Лыткина, торговых людей Дружины и Гурия Назарьевых... В сапожном ряду записана и лавка Ивашки Скрипина².

Братья Иоанникий и Вонифатий Скрипины нажили основные капиталы на торговле пушниной, они ездили за мехами «в сибирские города, в Енисейский острожек и в Мангазею (город в Западной

Русский купец на волжском судне
Литография 1841 г.

Сорок — четыре десятка, единица счета в Древней Руси, т. е. 10 сороков соболей означает 400 соболых шкурок.

«А в твою государеву казну в сибирских городах и в Мангазее сходит с моего торжишку и с соболиного промыслишку по десяти сороков соболей на год и больше». Они дают понять, что чинимые им препятствия могут принести убытки царской казне, и просят принять меры: «чтобы нам, сиротам твоим, от их задержки в конец не погибнуть и промыслишку своего не отбыть, а твоей бы государевой соболиной казне в Мангазее недобору и порухи не было»⁴.

Меха — соболя, норку, горностая — Скрипины приобретали в больших количествах, являя на закупку в год на таможнях названных городов значительные по тем временам суммы — в четыре тысячи рублей и свыше, отправляли за товарами своих торговых агентов на судах или обозами не только в северные города, но и за Урал — на сибирские промыслы. Там доверенные люди братьев меха не только закупали, но и сколачивали артели для их добычи. Русские меха пользовались значительным спросом и в западных, и восточных странах. Выгодно их обменяв на Архангельской

Сибири, основанный в 1601 году и уничтоженный пожаром в 1672, важный торговый центр своего времени. — T. P.) с своими товаренки для торжишку и соболиного промыслишку», закупали товар в северных городах — Великом Устюге, Сольвычегодске, Тотьме. Никто в Ярославле середины XVII столетия не мог сравниться с ними по размеру товарооборота на внутреннем и внешнем рынках России. «А я, сирота твой, с того сибирского промыслу твою государеву службу служу и дани даю, и пятинные деньги плачу большие, свыше всяких ярославцев посадских людей», — сообщал Иоанникий Скрипин в одной из челобитных царю Михаилу Федоровичу. С. В. Бахрушин так оценивал их деловую активность: «Через своих агентов Светешников вывозил из-за Урала очень большое количество мехов, уступая в этом отношении среди ярославских скupщиков пушнины только знаменитым Скрипинам»³. В 1629 году, жалуясь в челобитной царю Михаилу Федоровичу на задержку караванов в Енисейском острожке, братья называют размер вы-плачиваемой ими пошлины:

ярмарке, Скрипины везли в далекую Сибирь «хлебные запасы» и другие необходимые там товары. Этот непрекращающийся товарообмен давал гигантские прибыли. Большие партии товаров доставлялись из Архангельска на крупных речных судах — карбасах, каюках, дощаниках: «октября (1652) в 13 день гостя Аникея Скрипина человек Иван Дмитриев пришел от города Архангельского на дощанике с товарною кладью, работных и с поваром 42 человека да носник да кормщик да с ним же кладчик Василий Лукоянов. Мерою дощаник 14 сажень», — или обозами на «пятидесяти на одной», а то и на «штидесят четырех лошадех»⁵.

Масштабы торговой деятельности Скрипиних позволяют оценить таможенные книги Великого Устюга, Сольвычегодска, Тотмы 1630–1650-х годов⁶. Таможенные сборы являлись важным источником пополнения государственной казны, система сборов была достаточно сложной. Каждый проезжающий должен был «явить» (сообщить) таможенникам, откуда и куда он направляется, с каким товаром или с какой суммой денег; — все это заносилось в книги, которые велись весьма тщательно. В качестве примера интенсивности товарооборота Скрипиних приведем выборку из этого источника только по двум городам — Великому Устюгу и Сольвычегодску — за осень 1651 года.

В Таможенной книге Великого Устюга зарегистрированы следующие «явки» наемных людей Иоанникия и Вонифатия Скрипиних.

9 сентября — приказчик Иоанникия Скрипина Семен Пантелеев шел из Архангельска «в карбасе с товарною кладью, работных людей и с кормщиком — 10 человек».

11 октября — человек Вонифатия Скрипина Иван Михайлов шел из Архангельска «на дощанике с товарною кладью».

16 ноября — проехали вверх на 32 лошадях «с заморозным товаром» с судна Иоанникия Скрипина.

23 ноября — приказчик Иоанникия Скрипина Тимофей Карпов ехал из Сольвычегодска на 4 лошадях «с мягкой рухлядью».

25 ноября — человек Иоанникия Скрипина Иван Дмитриев поехал с хозяйственным товаром в Ярославль на 51 лошади.

В Сольвычегодске приказчики Скрипиних появлялись осенью 1651 года тоже неоднократно.

25 сентября — ехал из Сибири племянник Вонифатия Скрипина Ларион Иванов.

28 сентября — ехал из Турьи приказчик Иоанникия Скрипина Тимофей Карпов в 3 судах, «по мере судно 7 сажень».

В этот же день Карпов являет «на покупку 670 рублей». Далее следует запись, что он «купил у устюжан Прокопия Филиппова и Титка Балдина 14 сороков 6 соболей, 6 сороков 19 пупков собольих, заплатил 500 рублей».

30 сентября — усолец Осип Вирачев продал Тимофею Карпову 670 хвостов собольих, 7 росомах, другому приказчику Иоанникия Скрипина — Семену Пантелееву — 12 фунтов черевеси бобровой и «24 испода шапошных пупчатых».

30 сентября — Семен Ларионов продал приказчику Иоанникия Скрипина Тимофею Карпову за 72 рубля 600 хвостов собольих.

30 сентября — приказчик Иоанникия Скрипина Семен Пантелеев шел из Холмогор в судне «мерой в 9 сажень».

Кормщик — управляющий ходом судна, рулем.

Носник — лоцман, проводник, знающий русла, боцман на купеческом судне.

1 сажень равна
3 аришинам, или
48 вершкам, или
2,134 метра.

Рухлядь — пушной товар, меха.

Пупок (в рухляди) — брюшко шкурки с мягкой и редкой шерстью.
В.И.Даль указывает, что соболий пупок вырезается из брюшка шкурки ремнем в два пальца шириной.

Черевесь, черевись, черевина — брюшная часть туши или шкуры.

С 6 по 17 октября 1651 года в Таможенной книге следуют записи о десятке сделок приказчика Иоанникия Скрипина Семена Пантелеева:

6 октября — усолец Иван Шалин продал ему за 200 рублей 5 сороков соболей; а Михайло Вышеславский за 30 рублей 9 фунтов черевиси бобровой, 24 лисицы красной;

8 октября — Семейка Ларионов продал ему за 12 рублей 5 бобров;

9 октября — усолец Харька Соколов продал за 90 рублей 3 сорока 20 соболей, 50 пупков собольих;

9 октября — усолец Петрунька Прохоров продал за 30 рублей 40 соболей «с пупки»;

10 октября — усолец Дмитрий Сабуров продал за 40 рублей 10 сороков пупков собольих;

14 октября — Семен Пантелеев являет «на соболиную покупку» 2400 рублей.

14 октября — на явленные деньги Семен Пантелеев купил у Гришки Прокопьева, у Бориса Иванова да у Федьки Савинова 13 сороков 25 соболей, 11 сороков 5 пупков собольих, 6 сороков 16 хвостов собольих, цена 620 рублей.

15 октября — он покупает 3 сорока 35 соболей и 6 сороков пупков собольих, цена всему 130 рублей.

17 октября — он делает самую крупную закупку: «у устюжанина Андрея Семенова 30 сороков соболей, цена 1500 рублей»⁷.

Торговый оборот Иоанникия Скрипина, по его расчетам, оценивался более чем в 10 тысяч рублей в год, тогда как мелкий торговец мог иметь годовой доход в несколько десятков рублей.

Как свидетельствуют документы, братья вели дела раздельно — Вонифатий значительно уступал брату по торговым оборотам, но приказчики (а их в 1630–1650-х годах насчитывалось у Скрипиных до двадцати человек) могли работать на обоих предпринимателей. Если в 1630-х годах братья являли товары на таможнях северных городов лично, то в 1650-х их дела вели доверенные лица, чаще всего — Иван Дмитриев, Семен Пантелеев, Тимофей Карпов, Иван Михайлов, возил для дяди Аники «мяхкую рухлядь» из Сибири и племянник Илларион.

Меха привозились Скрипинами и в свой родной город, из них шили шубы, шапки, рукавицы, которые тоже шли на продажу. Трудно за недостатком документальных источников судить, как складывались отношения между торговыми людьми и ремесленниками, но последние находились в определенной материальной зависимости от своих работодателей. Известно, что Иоанникий Скрипин незадолго до смерти завел тяжбу и предъявлял кабальную запись на шапочника Лукьяна с товарищами⁸.

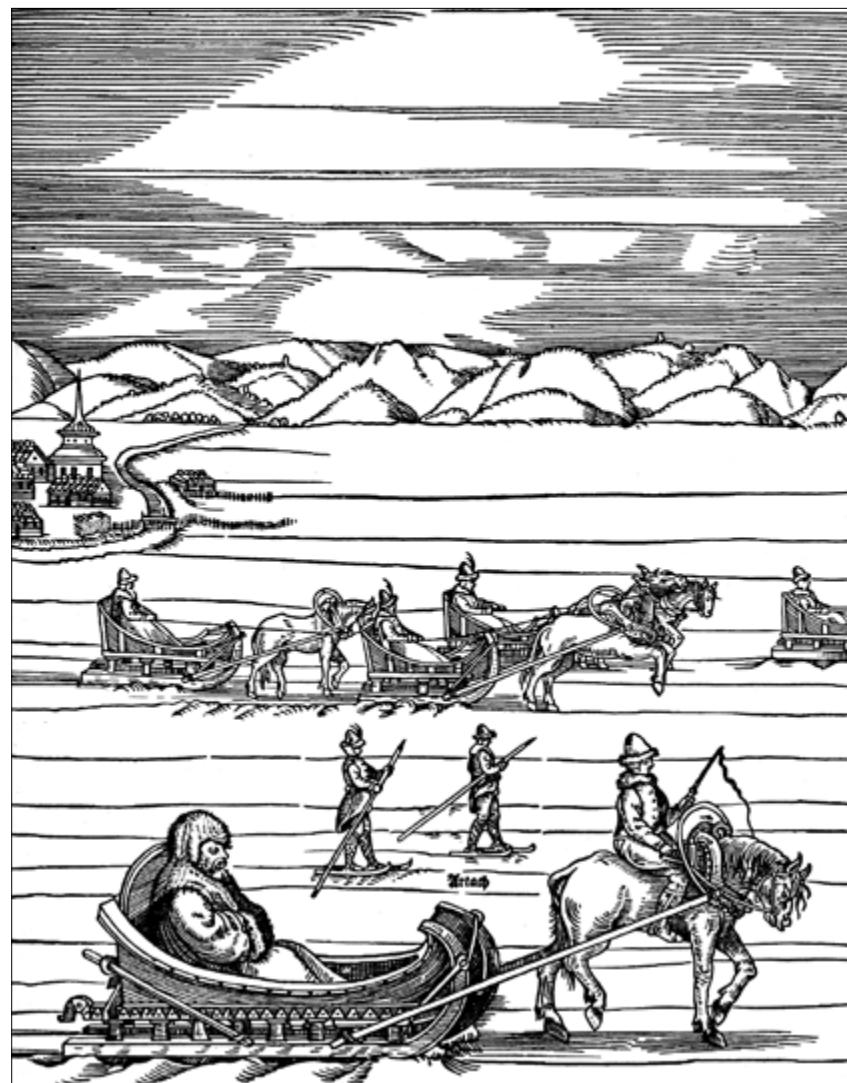
Время, когда Скрипины занимались скупкой мехов, было самым удачным для получения огромных прибылей. Добыча сибирской пушнины и размах торговли ею стали значительно сокращаться к концу XVII столетия по мере истребления соболя.

О второй стороне предпринимательской деятельности братьев — торговле церковной утварью и драгоценными камнями — прямых исторических источников не сохранилось. Но в рукописном «Географическом и историческом описании Ярославля», составленном в 1840 году, содержится цитата из документа, не дошедшего до нашего времени: «строители оныя [Скрипины] вещами жемчугом и коменяями имея коммерцию с новгородскими купцами и иностранными разными товары имея торговлю на великую сумму производимую ими»⁹.

Ярославль в XVII веке являлся значительным центром ювелирного дела, в городе трудились ремесленники самых разных специализаций — серебряники, алмазники, крестешники. Они работали не только на заказ, но и на продажу, о чем свидетельствует наличие серебряного ряда на городском торгу¹⁰.

Косвенным доказательством торговых занятий братьев в этой области является и составленная ими «Книга церковного строения», в которой весьма подробно и любовно, со знанием дела перечисляется драгоценное убранство икон, серебряная утварь. Очень образно написал об этом Н. Г. Первухин: «Словно в сказках Востока, перед мысленным взором читающего описание сверкают и переливаются запоны алмазные, изумруды большие и малые, яхонт червчат да яхонт лазорев, бирюза, достоканы, винисы и лалики... Не в этом ли богатстве самоцветных камней и жемчуга и опора предания о том, чем вели торговлю храмоздатели Ильи Пророка»¹¹.

Скрипины являлись поставщиками товаров для царского и патриаршего дворов, были лично знакомы с первыми Романовыми — царями Михаилом Федоровичем и Алексеем Михайловичем, пользовались их расположением. Подтверждением тому может служить челобитная 1629 года, где братья обращаются к царю Михаилу Федоровичу за помощью в соответствии с принятым для людей их сословия этикетом: «вели, государь, дать нам свою государеву грамоту, чтоб нас, сирот твоих, и людышек наших из Енисейского острога с товаренком и с запасом в Мангазею не задержав пропущали, чтоб нам, сиротам твоим, от их задержки в конец не погибнуть и промыслишку своего не отбыть». Помета на обороте челобитной свидетельствует о том, что помощь в торговых делах Скрипиним оказали незамедлительно¹².

Езда на санях и лыжах в России
Гравюра из немецкого издания (1557) книги С. Герберштейна

*Яхонт червчат — рубин;
яхонт —
лазорев — сапфир.*

*Достоканы —
камни голубоватого или
зеленоватого цвета.*

*Винисы —
фиолетовые камни.*

*Цата — подвеска к
окладу или венцу иконы в
форме полумесяца.*

Во время строительства Ильинской церкви Иоанникий Скрипин был пожалован в чин гостя. Тогда в стране, по расчетам автора фундаментальной монографии по составу высшего русского купечества Н. Б. Голиковой, насчитывалось всего 24 государева гостя¹³. Главным знаком расположения царя Алексея Михайловича к «своим сиротам» Скрипинам было, несомненно, то, что по его и патриарха распоряжению возводившийся ими в Ярославле Ильинский храм была передана редчайшая церковная реликвия — частица Ризы Христа, об этом мы подробнее скажем ниже.

Посадская деятельность

Влиятельные и зажиточные жители ярославского посада принимали деятельное участие в управлении городом, занимая важные выборные должности. Братья Скрипины не были исключением. Иоанникий Скрипин неоднократно исполнял обязанности земского старосты. Земские старосты, а их в Ярославле в это время было семь — головной и от каждой сотни, ежегодно избирались посадскими людьми. Они занимались всеми делами земской избы: управлением городским хозяйством, решением дел о разделе земли, оценкой имущества податных лиц, раскладкой податей, выбором целовальников «к государеву делу». На службу в земскую избу всегда выбирались зажиточные посадские люди, несение этих обязанностей ложилось на них тяжелым бременем, поскольку они брали на себя недоборы по государеву тяглу. По важным мирским делам земский староста обращался с челобитными к царю.

Впервые Иоанникий Скрипин был избран земским старостой в 26-летнем возрасте, в 1619 году. Ярославский посад во времена Смуты и в последующие годы понес большие потери, многие горожане, обнищав, бежали из него, в городе насчитывалось немало пустых дворов, а государевые повинности оставались высокими. Иоанникий Скрипин вместе с целовальником И. Усольцевым сообщал царю Михаилу Федоровичу в челобитной о непосильности тягла и просил решить дело по справедливости¹⁴. Вскоре после этого по царскому указу в Ярославле провели дозор (перепись населения), и налоговое бремя посада было несколько уменьшено.

В 1629 году Иоанникий Скрипин, будучи второй раз земским старостой, вновь сообщал о бедственном положении городского населения: «В прошлом де во 137 году после Осипова дозору Каковинского многие люди в Ярославле померли, а иные разбрелись безвесно ко иным городам»¹⁵.

На первую половину XVII века в Ярославле приходится накал борьбы посадских жителей за уравнивание их в правах с закладчиками Ярославского Спасского монастыря. Закладничество — уход от государева тягла под покровительство влиятельного лица или учреждения — распространенное явление социальной и экономической жизни средневековой Руси. Закладчики — те же посадские люди, имевшие зачастую «дворы сряду вместе», они так же занимались ремеслом, и торговали, и «в Ярославле во всех рядах и лавках» сидели, но, в отличие от остальных горожан, были освобождены от многих государственных повинностей, а платили оброк своему владельцу, иногда совсем незначительный. Переход в закладчики принял в Ярославле массовый характер и превратился в настоящее бедствие, к концу 1630-х годов их численность в городе стала даже превышать посадскую общину. Самым могущественным вотчинником в

Целовальник —
сборщик торговых
и других сборов и по-
шлий, при принятии
присяги целовал крест в
знак честной и бес-
порочной службы.

Ярославле был Спасо-Преображенский монастырь, многолетняя тяжба по поводу его владений в городе объединила все слои посадского населения.

Общее настроение городских жителей выразил Иоанникий Скрипин в челобитной: «И в прошлом 145 (1637) были челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси мы, посадские людишки, земский староста Оникей Скрипин с товарищи, что в Ярославле ярославцы посадские и пришлые торговые, и рукodelные многие люди живут в закладчиках за патриархом и за ростовским митрополитом, и за монастырем, и за разными многими присуды. Чтоб, государь, нас, сирот своих, пожаловал, не велел бы в Ярославле торговым и ремесленным людям ни за кем жити в закладчиках, а велел бы в Ярославле торговым и ремесленным людям всем жити за собою, государем, в посаде и свои государевы службы служити и подати во всякие свои государевы доходы платить по житию и по про-мыслам и слыти посадскими людьми»¹⁶.

Долгое противостояние завершилось, как известно, победой горожан: в 1648 году к посаду были приписаны числившиеся в Ярославле за Спасской обителью 306 дворов, 29 изб и келий с населением 1079 человек и 8 церквей с причтом.

Род Скрипиных

Обращение к частной жизни Скрипиных, их личностным качествам позволило еще Н. Г. Первухину в его книге «Церковь Илии Пророка в Ярославле» обозначить движущие мотивы, приведшие ярославских купцов Скрипиных к совершению «великого дела их жизни — созданию дивного Божьего храма» в родном городе¹⁷.

В первую очередь, это религиозный настрой, а он в семье Скрипиных был велик, судя по тому, что старший брат храмоздателей умер монахом, а одна из их сестер была схимонахиней¹⁸.

Строительство Ильинской церкви явилось уже не первым опытом храмоздательства Скрипиных: «памятником их торговых операций в Сибири явилась построенная ими в тогдашнем центре соболиных промыслов в Мангазейском городе Успенская церковь, служившая местом собраний мангазейского „мира“»¹⁹. Они не только строили храмы, но и заботились об их оснащении: в 1647 году Вонифатий Скрипин пожертвовал Сольвычегодскому Борисоглебскому монастырю книгу Ефрема Сирина «Поучительные слова»²⁰.

Без сомнения, играла свою роль и соревновательность, существовавшая между богатейшими горожанами, — к моменту возведения Ильинской церкви уже были построены на ярославском посаде первые монументальные каменные храмы: Николы Надеина — Епифанием Светешниковым и Рождества Христова — Гурьевыми-Назарьевыми. Но, полагает Нил Григорьевич, и мы присоединяемся к его мнению, не эти причины были для Скрипиных главными — многое разъясняет история их рода.

Генеалогию семьи Скрипиных до пятого колена можно восстановить по тексту второй описи имущества церкви Ильи Пророка, где приводится «Роспись родителям Вонифатия и Иоанникия Ивановичей Скрипиных 1659 года» с указанием, кого в какие дни следует поминать, по переписным книгам Ярославля и двум ильинским синодикам. Сведения о роде храмоздателей взяты также из надписей на надгробных плитах в усы-

ГАЯО

Алтарь (жертвенник) церкви Ильи Пророка
Слева от окна — поминальная надпись рода Скрипиных. Фотография начала XX в.

пальнице Скрипиных в подклете Ильинской церкви, поминальных надписей в составе росписи алтарей центрального храма и Покровского придела²¹.

Самыми старшими в роду, кого поминали Скрипины, были прадеды Авраамий (по отцу) и Киприан (по матери), далее следовали Мавра (бабка) и Симон (дед) — по отцу и Иеремия (дед по матери), третье поколение — Иоанн (отец храмоздателей) и Феодора (мать). Об отце храмоздателей Иоанне известно лишь, что он был убит еще до начала строительства Ильинской церкви.

Обратимся к предпоследнему поколению скрипинского рода, поколению братьев и сестер ильинских храмоздателей. У их отца Иоанна было шестеро детей: три сына (Иоанн, Вонифатий и Иоанникий) и три дочери (Васса, Ирина и Иулания). Ко времени возведения Ильинского храма бездетные сестры Иоанникия и Вонифатия Васса и Ирина уже умерли, а в 1657 году скончалась и третья сестра — схимонахиня Иулания. Также еще до начала строительства храма скончался старший брат Иоанн, принявший перед этим монашеский постриг (в иночестве Иона). У него остались дочь Стефанида (дата ее смерти неизвестна, но в поминальную запись 1659 года имя уже было внесено) и сын Илларион (тот самый племянник храмоздателей, имя которого мы уже встречали в таможенных записях).

Старший из двух братьев, Вонифатий, родился в 1593 году, день его святого, мученика Вонифатия, приходится на 19 декабря (1 января н. с.). У Вонифатия с женой Улитой была единственная дочь Пелагея, которая умерла в 27 лет в 1653 году.

Иоанникий Скрипин родился в 1596 году, его небесный покровитель — преподобный Иоанникий Великий, память которому празднуется 4 (17) ноября. Он трижды был женат. Первые две жены умерли до начала строительства. Обеих звали Матренами (Матронами), первая — Васильева дочь, вторая — Феодульева. Считалось, что оба эти брака были бездетными, но перечень рода Скрипиных в тексте недавно найденного раннего ильинского Синодика отличается от известных по другим документам: перед именами обеих Матрон перечисляются имена младенцев — четыре перед первой и три перед второй²². Логично предположить, что это рано умершие дети Иоанникия. Третья его жена, Неонила Александрова дочь, скончалась в 1654 году, также не оставив ему наследников.

Как видим, род Скрипиных угасал. Становится понятным их желание сохранить память о себе в прекрасном каменном творении — храме, где будут возносить вечные молитвы за их род. Недаром первая опись Ильинской церкви начинается со слов: «Книга церковного строения, что строили Нифантелей да Аникей Ивановы дети Скрипина, по обещанию о своих душах и по душах родителей своих в вечный поминок»²³, а вторая опись, 1659 года, фрагментарный текст которой сохранился только благодаря публикациям С. Серебренникова (автор первого исторического очерка о церкви Ильи Пророка) и священника Николая Пятницкого, содержит прямое указание ильинским священнослужителям: «ведомо да будет священником и дьяконом ...нынешним и которые последи будут, донелиже церковь Богоматере и Божия Пророка стоит, Богом соблюдаема. Чтобы им пожаловать памятовати, по нашему завещанию, Вонифатия и Иоанникия Скрипиных, рода нашего, их же именом роспись написана ниже сего, поминати коего месяца и в которое число по которому от них прилучится быть память. И на те дни пети по них понихиды большие и служити литургии, и поминати их, как церковь Божия чин имеет неотложно, чтобы им и самим неотложно, чтобы им и священником и дьяконом за то исправление чаяти от Бога в будущем веце мздовоздаяния»²⁴.

Опись церкви Ильи Пророка и ее синодики

До нашего времени сохранились две бесценные по значимости и сохранности рукописи, которые находились в церкви Ильи Пророка, ныне — в отделе письменных источников Яро-славского музея-заповедника, это скрипинская опись и Синодик Ильинского храма²⁵. В них содержатся многие сведения по истории каменной Ильинской церкви, времени завершения ее строительства, храмоздателях Скрипиных, других прихожанах, первоначальном убранстве храма — собрании икон и их мастерах, утвари, богослужебных книгах, священнических облачениях, колоколах.

Опись Ильинского храма, называемая по начальным словам «Книгой церковного строения», представляет собой подробный перечень его имущества. Скрепы (подписи, скрепляющие документ) на листах описи указывают на ее составителей — Вонифатия и Иоанникия Скрипиных, а также дату завершения работы над ней — 23 апреля 1651 года²⁶.

Первая публикация рукописи, предпринятая ярославским купцом-собирателем Егором Васильевичем Трехлетовым в 1850 году в «Ярославских губернских ведомостях»²⁷, сегодня малодо-ступна для широкого круга исследователей. В 2001 году Я. Е. Смирновым и Т. И. Гулиной была осуществлена научная републикация «Книги церковного строения» в юбилейном сборнике «350 лет церкви Ильи Пророка в Ярославле». В ходе подготовки ее к печати выяснилось, что первая публикация содержит неточности и пропуски текста, а самое главное — в ней не учтены исправления, внесенные храмоздателями в разное время. Я. Е. Смирнов провел анализ их почерков и выяснил, что исправления в тексте, выполненные рукой Вонифатия Скрипина, произведены рано, сразу после написания «Книги церковного строения», а трудночитаемые замечания Иоанникия Скрипина — на несколько лет позднее. Возможно, его исправления и дополнения в тексте являлись указаниями переписчику при составлении второй описи — 1659 года. В ней Скрипины указывали изменения, которые произошли в храме за 10 лет, продолжали отдавать распоряжения о содержании церкви²⁸.

«Книга церковного строения» Скрипиных не может рассматриваться как обычный исторический документ, как «источник». Сквозь строки перечисления церковного имущества проступает духовный облик храмоздателей, вырисовывается система ценностей и приоритетов нашего земляка, горожанина эпохи средневековья. Книга свидетельствует не только о значительном состоянии Скрипиных, сфере их интересов и художественных вкусах. По сути, это их духовное завещание, скрепленное на каждой странице личными подписями, в каждой ее строчке — желание охранить свое детище, обеспечить ему долгую жизнь.

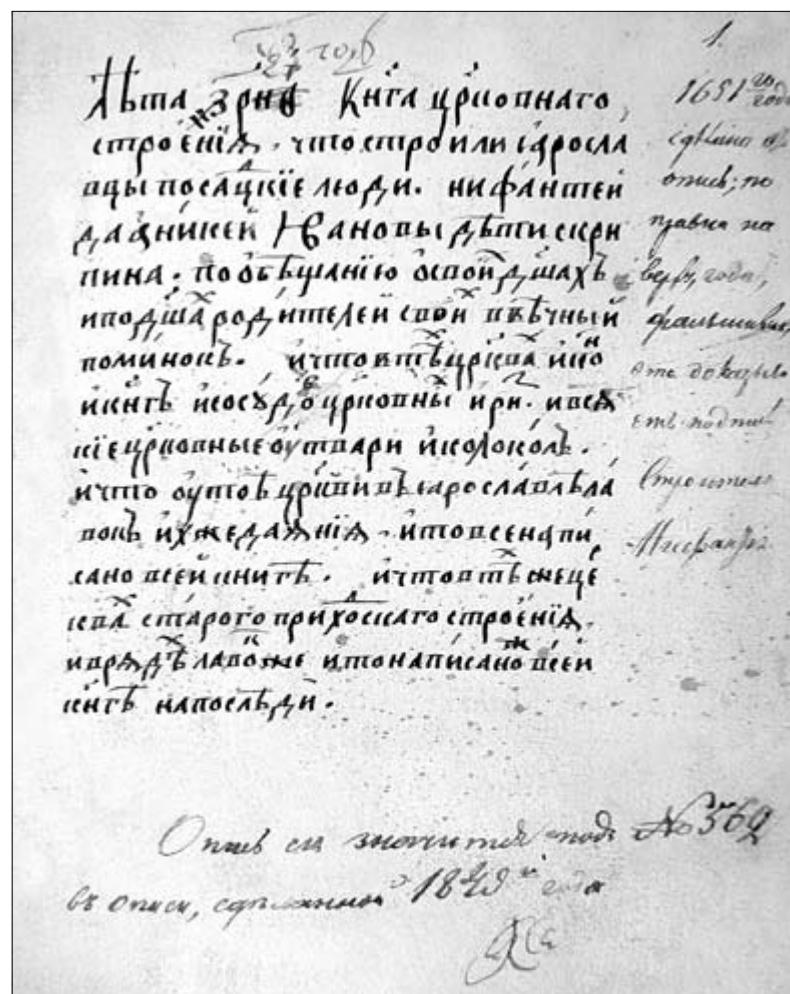
С желанием храмоздателей увековечить свои имена связана и вторая музейная рукопись — Синодик церкви Ильи Пророка, начало составления которого относится к середине XVII века, завершение — к концу XIX. Синодик — памятная книга, куда вписывают имена умерших для «всегдашнего поминования при священнослужении». В основной текст ильинского Синодика, выполненный крупным полууставом XVII века, вписано около 150 родов. Это и русские цари (Алексей Михайлович приписан позднее на полях), и патриархи (в первоначальный текст включен патриарх Иосиф, умерший в 1652 году), и представители высшего духовенства, известных княжеских и боярских родов — Шерemetевых, Милославских, Трубец-

ких, Троекуровых, Одоевских, Львовых. (В переписных книгах Никольской и Сретенской сотен дворы многих из них значатся вблизи от Ильинского монастыря.) Большой интерес представляют имена включенных в Синодик крупнейших ярославских купцов — Надеи Светешникова, Степана Лыткина, а также обычных посадских людей, ильинских прихожан — серебряника Григория Люсина, сабельника Ивана Харитонова, кузнеца Константина Иванова, рукавичника Сергея Андреева. В Синодик вписан род Гурия-иконописца — костромского мастера, под руководством которого в 1680 году были выполнены росписи центрального объема Ильинского храма.

На полях Синодика сохранились пометки о пожертвованиях «в память по душам» вкладчиков. Самая крупная сумма, в 200 рублей, поступила от могущественного и властного духовника царя Алексея Михайловича — Стефана Вонифатьева, от бояр Шереметевых — 100 рублей, от храмоздателей Скрипиных — 60 рублей, думного дьяка Денисова — 56 рублей. Прихожанин Тихон Воробьев пожертвовал на поминование Евангелие напрестольное, Андреян Боняков — «образ Богородицы, возглавие жемчужное, рясны жемчужные же»²⁹.

Семейная усыпальница

У храмоздателей возникало личное отношение к сооруженным на их средства храмам. Оно могло проявляться по-разному: в посвящении престолов, поставлении в церковь родовых святынь, изображении в иконах и фресках небесных покровителей членов семьи. Жертвователи часто устраивали в одном из приделов для своей семьи небольшую домовую церковь. Скрипины, как и их предшественники, разместили свой семейный храм в северном приделе, посвятив его трем исповедникам — покровителям домашнего очага — святым Гурию, Самону и Авиву. Естественным являлось и желание храмоздателей быть погре-

ЯМЗ

«Книга церковного строения»
Первый лист рукописи

бенными в своем храме. Так, в 1644 году в подклете церкви Николы Надеина был похоронен ее ктитор Епифаний Андреев Светешников³⁰.

Братья Скрипины устроили усыпальницу для себя и членов своих семей в подклете домовой церкви Гурия, Самона и Авива. Это редчайший памятник подобного рода, по уровню художественного воплощения и сохранности его можно поставить в один ряд с захоронениями самых знатных лиц русской истории.

Площадь усыпальницы — 7,6 × 4,3 м, помещение освещено двумя небольшими окнами, в нем восемь захоронений, семь массивных белокаменных надгробий. Их размещение в усыпальнице продумано еще храмоздателями: южная сторона считается «более святой», чем северная. Поэтому Иоанникий и Вонифатий с женой Улитой подготовили для себя место у южной стены. Лицевые поверхности и боковые грани надгробий украшены орнаментами и надписями славянской вязью³¹.

Первые три захоронения появились в усыпальнице еще при жизни храмоздателей. Самое раннее из них — дочери Вонифатия Пелагеи, она была погребена в 1653 году — у первого окна, ближе к проходу (плита № 5). Надпись на этой плите самая подробная, в девять строк: «Лета 7161 (1653) год. мая в 20 день на память святого мученика Фалолея преставися раба Божия Пелагея Вонифатьева дочь Скрыпина, жена гостя Ивана Панкратьева, а от рождения лет живота ея до преставления 27 лет и седмь месяц и 20 дней».

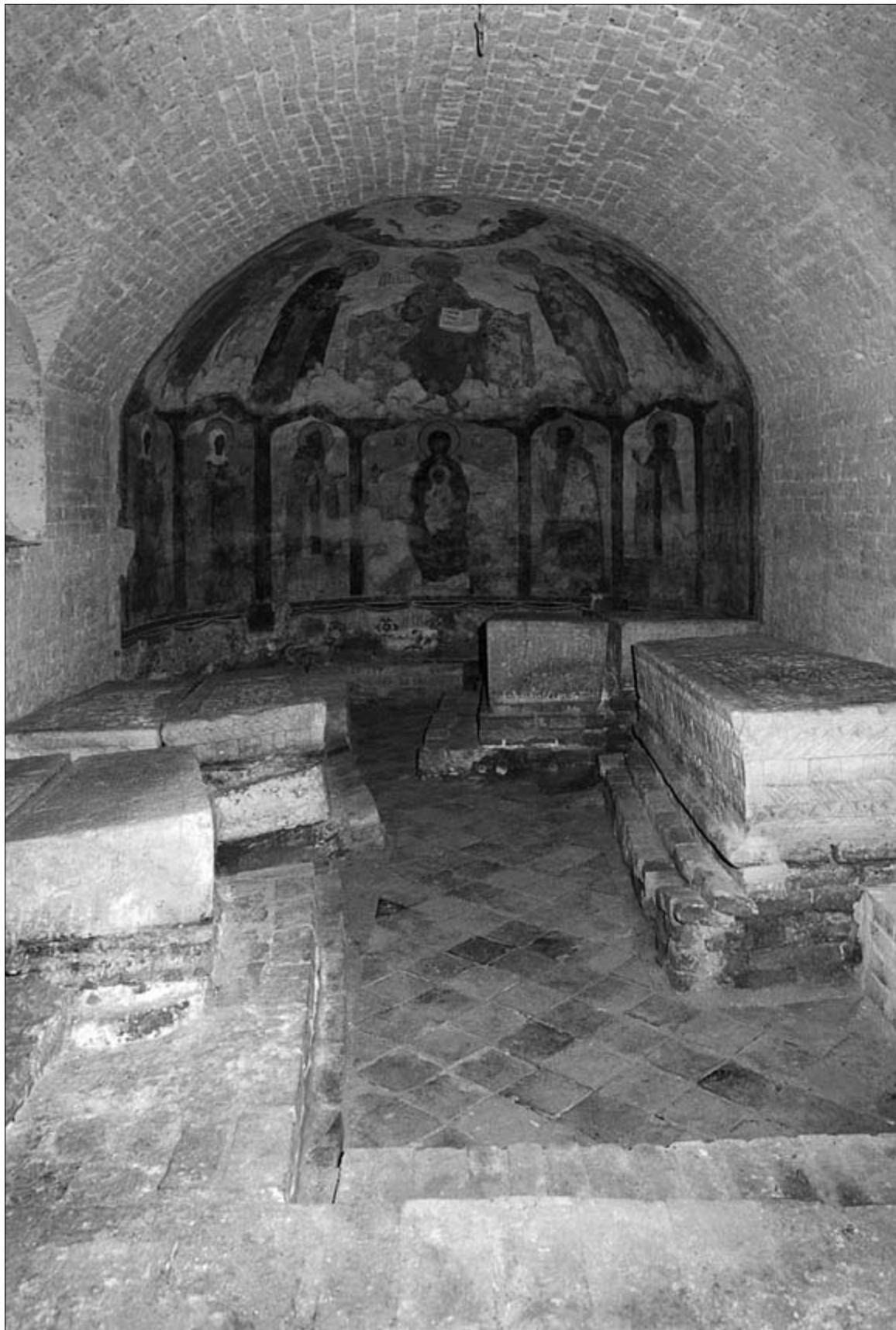
Обращает на себя внимание год ее смерти — 1653. Это было время, когда страшная моровая язва, унесшая жизни тысяч людей по всей Руси, «град Ярославль достиге». Смертоносная болезнь не пощадила многих жителей города: «целыя domы оставляхуся пусты, а имения их, злато, серебро, одеяния и всякия драгия вещи лежаху просто, и никто же что от них взяти смеяше, бояся язвы оныя смертныя, ибо кто тогда после умерших сродников не точию тайным, но и явным образом от имения что возмет, таковый гневом Божиим в том же часу, не изшед из дому, тою ж внезапною смертию поражаем бываше»³².

О Пелагее известно немного, больше сведений о ее муже, Иване Данилове Панкратьеве. Отец его, гость Данила Панкратьев, крупный солепромышленник, был «в Сибирском приказе у со- болиной оценки всякой мягкой рухляди и в окладчиках пятинного сбора». Если вспомнить, что писал Иоанникий о своих выплатах пятинных денег за торговлю мягкой рухлядью (больше всех яро-славцев), то, без сомнения, между отцами Пелагеи и Ивана имелись серьезные деловые связи³³. В год смерти Пелагеи Иван Панкратьев был пожалован в гостиную сотню, а через несколько месяцев — в чин гостя. По переписным книгам Ярославля известно, что за ним был записан двор на посаде. Пелагея, возможно, в нем и проживала, поэтому ее похоронили в Ярославле, а не в Москве.

Около северной стены находится второе захоронение — третьей жены Иоанникия, Неонилы, умершей в 1654 году (плита № 4). Надпись на плите занимает шесть с половиной строк: «Лета 7162 (1654) год. декабря в 16 день преставися раба Божия Неонила, жена гостя Аникия Скрыпина».

Третье захоронение — схимницы Иулии, последней из сестер храмоздателей, оно находится у северной стены (плита № 6). Надпись на лицевой поверхности плиты — в восемь строк: «Лета 7165 (1657) год. месяца апреля в 8 день на память святых Апостол Родиона, Агафа и Руфа преставися раба Божия инока Иулия схимница, а память ея месяца августа в 17 день».

Четвертое захоронение — Иоанникия Скрипина, его надгробие находится у южной стены (плита № 1), надпись на нем — в семь с половиной строк: «Лета 7168 (1660) год. марта в 21 день преставися раб

Семейная усыпальница Скрипиных в подклете придела Гурия, Самона и Авива
Фотография И. В. Коновалова

Усыпальница. Надгробия Вонифатия и Улиты Скрипиных
Фотография И. В. Коновалова

Божий Иоанникий Иванов сын Скрыпин, а всех лет живота его 64 годы и четыре месяцы и 21 день».

Перед этой плитой — захоронение Вонифатия Скрипина (плита № 2), надпись на надгробии сообщает: «Лета 7169 (1661) год. месяца октября 28 на память святых мученик Терентия и Неонилы преставися раб Божий Вонифатий Иванович сын Скрыпин, а всех лет живота его 67 лет».

Братья умерли с разницей всего в полгода: один в марте, другой в октябре 1660 года. Но, так как год на Руси в допетровскую эпоху начинался с 1 сентября, годы смерти у них разные.

Обращает на себя внимание написание родового имени (фамилии) храмоздателей: на обеих плитах — Скрыпин. В источниках XVII века встречается и такое, и более привычное для нас — Скрипин. Имена братьев писались по-разному даже в официальных документах: Иоанникий — Аникий, Аника, Оникей, Онисимка; Вонифатий — Нифантелей, Нифашко. На надгробных плитах они приведены полностью, а Вонифатий именуется даже Ивановичем, в средневековье это было особой привилегией.

Рядом находится шестое захоронение — жены Вонифатия Улиты Скрипиной (плита № 3). Надпись на плите, в отличие от остальных в усыпальнице, располагается на торце, в четыре строки: «Лета 7190 (1682) год. июля 8 дня преставися раба Божия Улита Макарова дочь, жена Вонифатия Скрыпина, а память ея июля в 31 день».

Седьмое (и последнее) захоронение — Иллариона Скрипина и младенца Иоанна, находится оно слева от входа в усыпальницу (плита № 7). Надпись на плите располагается в 5 строк: «Лета 7192 (1684)

Усыпальница. Надгробия Пелагеи Панкратьевой и Неонилы Скрипиной
Фотография И. В. Коновалова

год. февраля в 8 день преставися раб Божий Илларион Иванович сын Скрыпин. Того же году преставися сын его млад. Иоанн июля 30 дня».

Общая особенность всех надписей — отсутствие указаний на даты рождения погребенных — отмечена И. Л. Бусевой-Давыдовой при ее описании царских и княжеских надгробий Архангельского собора Московского Кремля: «Момент рождения в Древней Руси считался значительно менее важным, чем момент смерти, потому что земная жизнь представляла лишь кратким прологом перед вечной жизнью в ином мире»³⁴.

Протоиерей Аристарх Александрович Израилев, который первым прочитал надписи на надгробных плитах и опубликовал их тексты в 1896 году, ошибочно считал, что Илларион — брат храмоздателей³⁵. О том, что он был не только племянником Вонифатия и Иоанникия, сыном их старшего брата Иоанна, но и человеком, им близким, сохранилось немало свидетельств. Впервые имя Иллариона Скрипина мы встречаем в Переписной книге Ярославля 1646 года в Никольской сотне во дворе его отца: «Двор посадского человека Ивана Скрипина, и тот Иван умер, а после его остался сын его Ларка»³⁶.

В 1650-х годах его имя, как мы уже отмечали, часто фигурирует в таможенных книгах северных городов. Судя по записям, Ларион Скрипин был не простым приказчиком в предприятиях своих дядьев, а «хозяйским оком» на столь важном и прибыльном для них сибирском «направлении»: в 1651 году «фев-

рала в 6 день гостя Аникия Скрипина племянник Ларион Иванов с товарищем, да с ними трое малых, ехали в Сибирь с товаром на 20 да на 9 лошадях»; в 1655 году он прибыл в Великий Устюг из Сибири на пяти судах³⁷. Неизвестно, продолжил ли Илларион фамильное дело после смерти Вонифатия и Иоанникия, но он не отдалился от Улиты Скрипиной, более того, незадолго перед ее кончиной поселился по соседству.

Протоиерей Аристарх Израилев увидел усыпальницу в 1826 году, еще мальчиком, когда в девятилетнем возрасте поселился в подклете Ильинской церкви — в сторожке под северной галереей у своего старшего брата Петра Александровича, служившего в храме сначала дьячком, затем дьяконом. Только через 70 лет Аристарх Александрович «один, и в преклонных летах» расшифровал славянскую вязь. Он вспоминал: «Прочитать надписи на этих камнях мне стоило немалого труда... надписи покрыты были известью и глиною с песком. Чтобы прочитать их, необходимо было прежде всего с великой осторожностью вычистить их и вымыть, что и было сделано мною самим»³⁸.

Росписи усыпальницы

Алтарная часть усыпальницы украшена росписями, в ее конхе (своде алтарной апсиды) помещен Саваоф, ниже — деисусная композиция: Спас с предстоящими Богоматерью, Иоанном Предтечей и архангелами, в третьем ярусе — Богоматерь Печерская (поэтому усыпальницу иногда называют часовней Печерской Богоматери). Образ Печерской Богоматери, сидящей на троне с младенцем на коленях, относится к одному из древнейших на Руси. По преданию, икона появилась сама собой на стене алтаря в Успенском соборе Киево-Печерского монастыря в 1085 году: «Иконописцы принялись за дело — украшать храм. Во время трудов их в алтаре невидимо силою сама изобразилась икона Богоматери. С недоумением смотрели они на образ; вдруг просветлился он паче солнца, так что иконописцы должны были пасть ниц. Когда они приподнялись с земли и стали смотреть на икону, вдруг из уст Богородицы вылетел белый голубь, полетел горе к образу Спасителя и там скрылся»³⁹.

В настенной церковной живописи нередко в предстоянии к образу Печерской Богоматери изображали небесных покровителей основателей храмов и монастырей. На Ильинской фреске справа к Богоматери склонились в молении преподобный Иоанникий, мученицы Неонила и Иустина, слева — мученик Вонифатий, преподобномученица Евдокия и мученица Иулита. Это соименные святые членов семьи Скрипиних, захороненных в усыпальнице. Исключение составляют мученицы Иустина и Евдокия, но такие имена женщин из скрипинского рода обнаружились в помянниках Скрипиних. Иустина значится в Росписи 1659 года как «девица, племянница Аникиева»⁴⁰. Имя Евдокии нашлось в надписи в алтаре центрального храма, однако степень ее родства с жертвователями выяснить не удалось.

Первой обратила внимание на стенописи усыпальницы ярославский искусствовед И. А. Ивенская во время проведения реставрационных работ в 1999–2000 годах. Она пришла к выводу, что живопись «принадлежит XVII веку и по стилю близка росписям главного храма, авторами которых были костромские мастера Гурий Никитин, Сила Савин и ярославец Дмитрий Семенов»⁴¹.

Образ Печерской Богоматери в составе росписи был украшен ризой, которая не сохранилась, но благодаря Аристарху Израилеву до нас дошли тексты двух надписей на ней: «1840 года августа 20 дня

Богоматерь Печерская с предстоящими. Фреска алтарной апсиды усыпальницы
Фотография И. В. Коновалова

сделана риза усердием мещанина Василия Матвеева Микерина на свое иждивение» и «1889 года декабря 21 дня возобновлена риза усердием мещанина Александра Никанорова». Около 1896 года к алтарной росписи был приставлен деревянный золоченый иконостас⁴².

Сохранились свидетельства о небрежном отношении к памятнику со стороны причта. Вот что доложил И. А. Тихомиров после посещения усыпальницы на одном из заседаний Ярославской архивной комиссии в 1914 году: «На памятники Скрипиных поставлен большой свечной ящик, к которому подойти можно, только идя по этим памятникам, т. е. шаркая и обивая обронную надпись и узор их, высеченный из довольно хрупкого материала — белого камня. Кроме того, на те же памятники ставится лейка с маслом. Последнее от небрежного отношения попадает на памятник, а на него садится пыль и, смешиваясь с маслом, образует большое грязное пятно, которое и теперь удалить не так легко без порчи памятника, а еще через несколько лет придется уже просто соскабливать, что весьма нежелательно»⁴³. Это пятно при очистке надгробных плит в ходе реставрации в 2000 году вывести так и не удалось.

В конце XIX — начале XX века в церкви Ильи Пророка проводились масштабные реставрационные работы на средства ярославского мецената И. А. Вахромеева, в ходе которых была промыта и частично поновлена живопись усыпальницы, а также выстлан пол той же самой плиткой, что и в храме. К сожалению, пол ее подняли на высоту около полуметра, заложив воздуховоды, что частично лишило помещение естественной вентиляции.

В 1975 году в церкви Ильи Пророка произошла большая кража икон, и для предотвращения дальнейших хищений все входы в подклеты были заложены. Это привело к нарушению циркуляции воздуха и ухудшению температурно-влажностного режима во всем памятнике, и более всего в его подклетной части. Вновь подклеты были раскрыты в начале 1990-х годов, и только тогда усыпальница стала доступной для осмотра специалистами. Состояние ее живописи оказалось катастрофическим. Как было зафиксировано перед началом проведения реставрации, в некоторых местах штукатурка от сырости отставала от кладки, а живопись от штукатурки. Красочный слой впитал столько влаги, что с трудом укреплялся⁴⁴. Реставрационными работами в усыпальнице руководил опытный ярославский реставратор Е. А. Чижов. В 1999 году в ней был снят грунт до первоначального уровня, открыты воздуховоды, а на следующий год промыта и укреплена живопись.

В 2000 году после долгого забвения в усыпальнице была отслужена панихида по храмоздателям и их роду.

СТРОИТЕЛЬСТВО КАМЕННОЙ ЦЕРКВИ И ПОСВЯЩЕНИЯ ЕЕ ПРЕСТОЛОВ

Бонифатий и Иоанникий Скрипины возводили и обустраивали свой храм в пору своего наивысшего финансового расцвета, признания их заслуг на поприще торговой, общественной деятельности. Братья обладали художественным чутьем и вкусом, широкая география деловых занятий позволила им хорошо узнать творчество мастеров из разных городов России. Вокруг своего дела Скрипины сумели собрать лучшие творческие силы не только родного города, но и соседней Костромы, и северных городов. Они построили в Ярославле приходской храм невиданной красоты, монументальности и не оставляли забот о нем до конца жизни.

В некоторых изданиях можно встретить указания на то, что Ильинская церковь была поставлена Скрипиными на территории их усадьбы¹. Но из переписных книг Ярославля следует, что это не так. Сам храм находился в Никольской сотне, а «двор ярославцев посадских людей Нифашки да Онисимка Ивановых детей Скрипина» еще в Переписной книге 1646 года значился в Сретенской². Граница между сотнями пролегала по линии Пробойной улицы, следовательно, двор храмоздателей располагался за церковной оградой.

Строили Скрипины каменную церковь три года, об этом сообщает храмозданная надпись на западной стене основного объема храма: «Благоволением и благостью Отца Вседержителя и сподвешеством Единородного Сына Его Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и содействием Святого и Животворящего Духа начата создати сия церковь во имя Пресвятой Богородицы, честного Ее Покрова и Святого славного Пророка Ильи в лета 7155 (1647) месяца мая в 9 день, совершена же и освящена в 158 (1650) году, июня в 16 день при державе Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича всея России»³.

Прямых свидетельств о степени участия братьев в разработке архитектурного замысла Ильинского храма не сохранилось, но, если судить по документам XVII века, заказчик часто руководил строительными работами на всех этапах, начиная с составления проекта здания. По наблюдению И. Л. Бусевой-Давыдовой, посвятившей специальное исследование роли заказчика в организации строительного процесса на Руси в XVII веке, «отсутствие специализированного обучения, специфических методов проектирования и строительства, передача ремесла способом наглядного показа в принципе позволяли любому приобрести определенные познания в этой области»⁴.

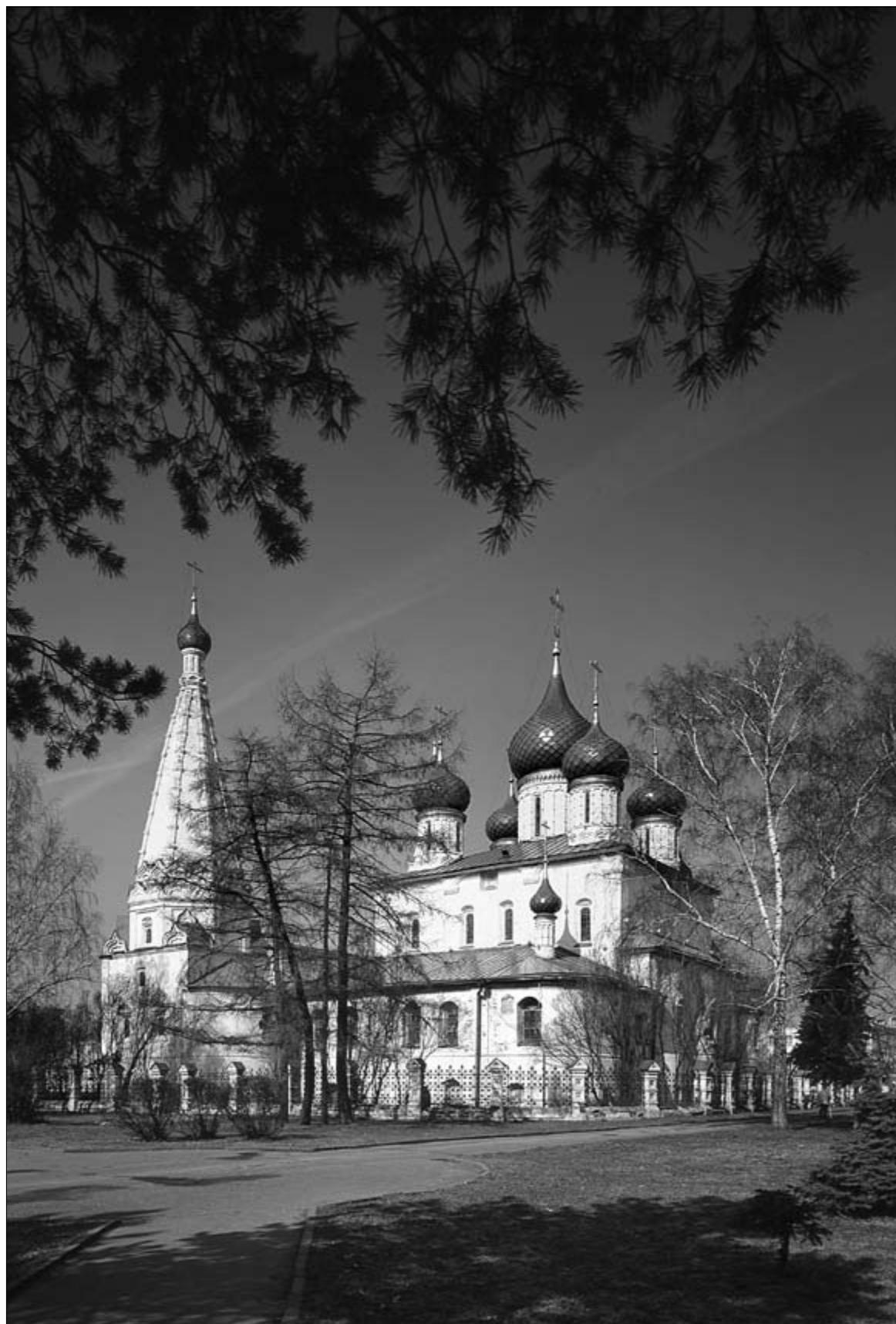
В том, что ярославские купцы, финансировавшие строительство храмов, были способны составить грамотный архитектурный заказ, можно удостовериться на примере Георгия Лыткина, который

принес в Черногорский монастырь под Архангельском чудотворную икону Грузинской Богоматери и построил в честь этого образа в 1630-х годах деревянный храм. Жертвователь, отправляя в начале строительных работ 50 рублей, дает подробное наставление игумену монастыря Макарию: «Верх на церкви сделать по земным обычаям пологой, как и на трапезе, покрыть тесом; среди кровли церковной сделать четыре бочечки со всех сторон, ширину в половину сажени, вышину в рост человека, и с тех бочек вывести шею, маковицу и крест, малые на церковной кровле бочонки и шею обить чешую, а маковицу и крест белым железом; развалов на церкви и шатров круглого или клиничного у бочек не делать, потому что высокие церкви молнией пожигают; паперть обнести кругом трапезы со всех четырех сторон по самый алтарь, как у церкви Св. Троицы в Холмогорах. Вышину церкви от моста до подволока три сажени, место под новую церковь избрать покрепче и пространнее, подальше от братских келий; печи в трапезе не делать»⁵.

Для возведения церковного здания требовалось, в первую очередь, получить благословение высшего духовного лица епархии. В 1647 году им являлся митрополит Ростовский и Ярославский Варлаам. Хотя до нас не дошел текст митрополичьей грамоты на построение и освящение Ильинского храма, подобные разрешения в XVII веке получили и сохранили приходы других ярославских церквей. Храмозданные грамоты, тексты которых писались по определенному стандарту, регламентировали основные этапы работ: «как изготавливают кирпич и известку и камень бутовой и сваи к церковному каменному строению, и вам бы велеть рвы копать и сваи бить и бут бутить, а как рвы выкопают и сваи набьют и бут выбутят, и вы б велели обложить каменную церковь». Митрополит также подтверждал посвящение престолов, оговаривал как закладку храма («а на основание тое церкви говорили бы есте молитвы и пели молебны и воду святили и святою водою церковное место кропили»), так и освящение («а как церковь обложат и совершают и церковное строение исполнят, и вы б взяли в Ростове у соборного протопопа ... с братией наше благословение, святые антиминсы, и призвали бы вы из Ярославля соборного протопопа ... или попа да дьякона соборных, и тое церковь с пределами освятили, и божественную литургию соборне служили»)⁶.

Сооружение каменных храмов осуществлялось в достаточно сжатые сроки и часто при содействии всего прихода, особенно быстро шли начальные работы, о чем можно судить на примере строительства в XVII веке каменной Власьевской церкви. Так, ров под этот храм был выкопан «приходскими людьми единым днем», затем так же сообща «сваи почали бить» — дубовые сваи длиной до двух метров забивались для уплотнения грунта под ленточные фундаменты каменных храмов на очень близком расстоянии друг от друга, частоколом. Эта работа заняла пять дней, следом за ней также быстро «ров начали бутить» — засыпать его галькой, мелкими валунами, щебнем, подошва фундамента выкладывалась очень плотно валунами. Исследование состояния подземной части здания церкви Ильи Пророка, проводившееся в 1997 году специалистами в области инженерно-геологических изысканий под руководством Е. М. Пашкина, подтвердило, что фундаменты Ильинского храма устроены аналогичным образом⁷.

Строительство Ильинского храма велось под наблюдением опытного и, без сомнения, талантливого подрядчика. Его личность осталась неизвестной, но можно высказать по этому поводу некоторые предположения. Еще в дореволюционное время был опубликован документ, лю-

Вид с юго-востока. Фотография А.Н.Севастьянова

Вид с северо-востока. Фотография Р.С. Фарвазитдина

бопытная деталь которого осталась не замеченной исследователями. Царь Алексей Михайлович 28 июня 1659 года отправил грамоту ростовскому митрополиту Ионе Сысоевичу, в которой сообщал: «писали к нам, Великому Государю, из Ярославля посадские люди Аника Скрыпин да Иван Андреев: по нашему де, Великого Государя, указу и по грамоте велено им в Ярославле соборную церковь Успения Пресвятой Богородицы построить наново»⁸. Возможно, исполнение столь важного заказа — сооружение городского собора — было поручено им как недавним строителям Ильинского храма, архитектуру которого государь и владыка оценили по достоинству, а Иван Андреев и был тем самым подрядчиком, построившим церковь Ильи Пророка. К сожалению, других сведений об Иване Андрееве обнаружить не удалось.

Архитектурный облик храма

Расцвет каменного церковного зодчества продолжался в Ярославле всего несколько десятилетий XVII века, тем не менее здесь выработался художественный облик храма, который отличался, по словам Н. Г. Первухина, «соборной торжественностью». Это дало возможность специалистам говорить о ярославской школе архитектуры, своеобразные черты которой отмечали еще дореволюционные исследователи. «Богатые гости наши, как видно, любили строить храмы самые величественные и огромные. Поэтому все церкви в Ярославле построены в византийском стиле; большая часть из них увенчаны пятью главами; в некоторых из них находятся пространные с трех сторон паперти, а в них придельные храмы. Церкви эти по своей огромности, правильной и прочной постройке, по изящной отделке заслуживают особенное внимание любителей изящного. Таких храмов, которыми красуется наш Ярославль, немного в других местах», — так писал о ярославском церковном зодчестве один из первых местных историков — протоиерей Иван Дмитриевич Троицкий⁹.

Ярославский храм на начальных этапах развития местного архитектурного стиля — монументальный, пятиглавый, четырехстолпный, на высоком подклете, со сложной, асимметричной компоновкой объемов и скромным декоративным убранством. Церковь Ильи Пророка по архитектурным формам близка к более ранним каменным постройкам Ярославля XVII века — церквам Николы Надеина (1620) и Рождества Христова (1644), но превосходит их размерами и гармоничностью облика.

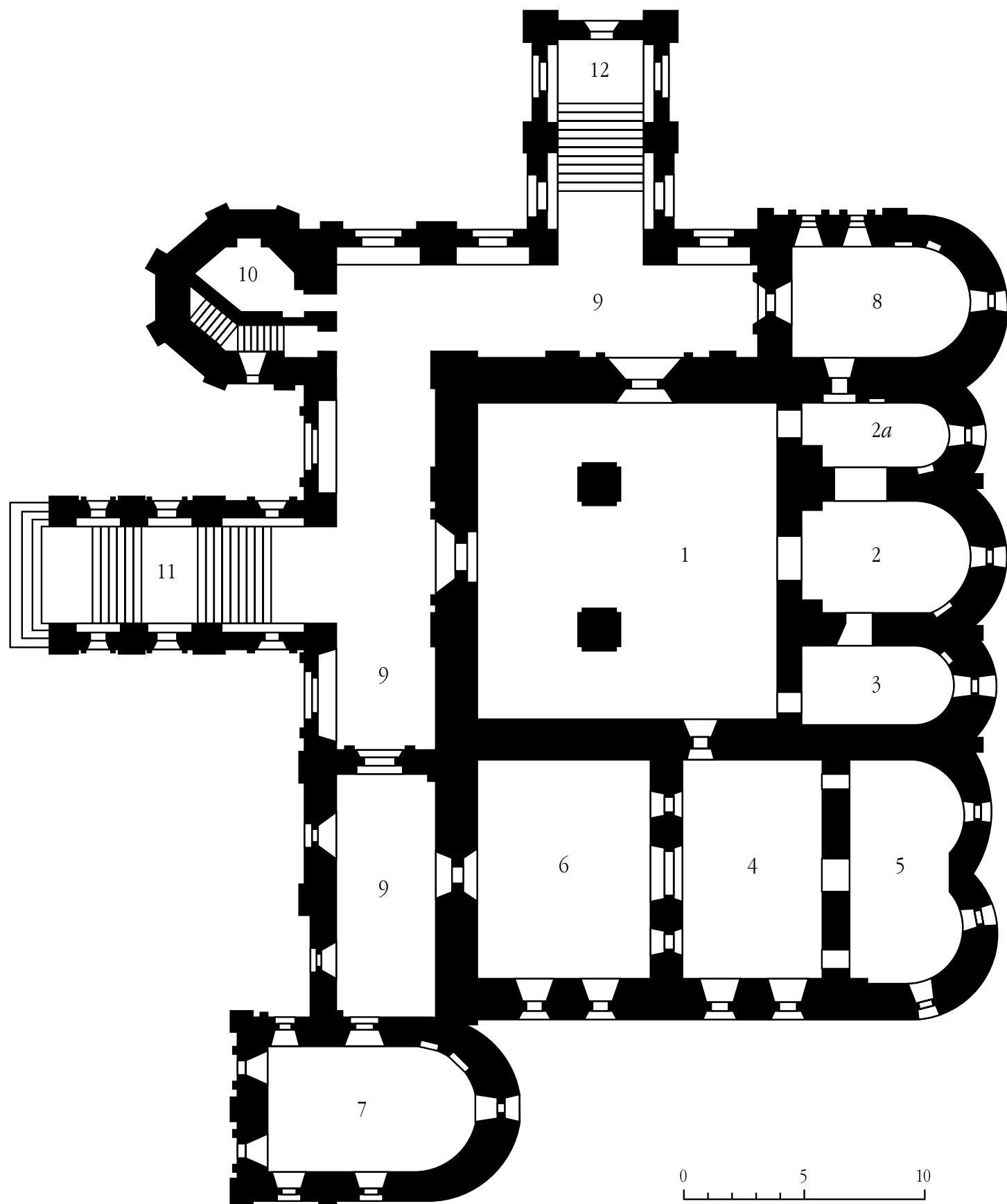
Скрипины дали такое описание Ильинского храма по завершении его строительства:

«В богоспасаемом граде Ярославле, на Пробойной улице, церковь каменная во имя Святого и славного Пророка и Боговидца Илии, а в ней придел преподобного отца нашего Варлаама, иже на Хутыне, новгородского чудотворца.

С правую сторону от юга церковь теплая Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, честного и славного ее Покрова. На тои же стране приделная церковь Положения Ризы великого Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа.

На левой стране от севера придельная ж церковь Святых исповедник Гурия, Самона и Авива. На тои же стране колоколня.

А все те церкви и колоколня созданы вместе на одном основании.

План церкви Ильи Пророка:

1 — центральный храм; 2 — алтарь центрального храма; 2 a — жертвенник; 3 — придел Варлаама Хутынского; 4 — Покровский придел; 5 — алтарь Покровского придела; 6 — трапеза Покровского придела; 7 — Ризоположенский придел; 8 — придел Гурия, Самона и Авива; 9 — галереи; 10 — колокольня; 11 — западное крыльцо; 12 — северное крыльцо

План из книги В. Ф. Марова «Ярославль. Архитектура и градостроительство»

Западный фасад церкви Ильи Пророка
Рисунок В.Ф. Марова

А под теми церквами тринадцать полат, да две полатки под лесницами. И у тех всех церквей и у полат двери, и у окошек затворки все железные, а окончины у всех окошок и в папертях слудяные»¹⁰.

Из скрипинской описи следует, что Ильинский храм был сооружен одновременно со всеми объемами — приделами, галереями, крыльцами, колокольней, — каждый из которых имел свое предназначение и индивидуальный архитектурный облик, а вместе они составляли единый ансамбль.

Церковь Ильи Пророка по своим размерам (40×48 м с крыльцами) одна из самых крупных в городе, ее превосходит только церковь Иоанна Предтечи. В основе ее сложного плана — обширный прямоугольник центрального объема (16×24 м) с тремя алтарными апсидами на востоке. Четыре внутренних столба дают опору внутренним сводам: два — в середине помещения для молящихся, два скрыты за высоким иконостасом. К западному и северному фасадам четверика примыкают просторные галереи с двумя мощными, на ползучих арках, крыльцами, к южному — зимняя церковь Покрова Богоматери. Покровский

придел значителен по общей площади (10×24 м), имеет две апсиды с восточной и трапезу с западной стороны. Северная галерея упирается в миниатюрный придел Гурия, Самона и Авива. Протяженная западная галерея, сдвинутая к югу, завершается двумя шатровыми объемами — массивной колокольней и стройным Ризоположенским приделом.

Колокольня Ильинского храма — самая высокая (36 м) из существовавших к 1650 году на ярославском посаде, поскольку в церкви Николы Надеина колокольня первоначально была ниже и свое шатровое завершение обрела только к концу XVII века, а стоящая отдельно от храма Христорождественская возведена, по мнению специалистов, уже после «великого» пожара 1658 года. По типу Ильинской были построены позже колокольни многих храмовых ансамблей в городе, в том числе и таких знаменитых, как Златоустовский и Николы Мокрого.

Первые каменные посадские храмы Ярославля строились в два этажа; нижний, подклет, внутри был разделен на отдельные помещения, «палатки», которые иногда служили усыпальницами, иногда в них устраивали жилье. Но чаще их использовали с практическими целями — сдавали по найму как складские помещения для хранения товаров, а вырученные средства шли на содержание храма. Как отмечал И. А. Тихомиров в своем очерке о ярославском зодчестве, «превращение подклета... в склад получило начало едва ли не в Смутное время, полное разгромов, пожаров и грабежей, побуждавших жителей прятать свое достояние в более надежные и крепкие места».

Вокруг Ильинской церкви Скрипиними была сооружена каменная ограда со Святыми воротами и кладовыми палатками, к которым примыкали каменные дома для причта, «все вместе представляло нечто в роде монастыря».

Декоративное оформление

Задуман был Ильинский храм величественным и нарядным, хотя, как отмечали многие исследователи, «его наружная архитектура не бросается в глаза той роскошью отделки, как в церкви Иоанна Златоуста, Иоанна Предтечи, но в нем чисто и гармонично выражен обособленный тип ярославского храма»¹¹.

При всей простоте и сдержанности декора, характерной для раннего зодчества Ярославля XVII века, церковь Ильи Пророка заметно выделялась необычным цветовым решением ее фасадов. Первоначально она оставалась небеленой, с красными стенами, даже швы между кирпичами были чуть притушены тонким слоем красной охры. Как отмечал реставратор Л. К. Россов в «Описании технического состояния памятника архитектуры церкви Ильи Пророка», верхние части храма — барабаны и стены центрального куба под карнизами — были украшены полосами глазури охристого, зеленого и синего цветов. Положенные на кладку, они чередовались с неглазурованным кирпичом¹². В дополнение к этому арки порталных входов, наличники окон, ширинки, каменная резьба медальонов имели оригинальную полихромную раскраску. Вопрос о том, какой она была, оставался до конца не исследованным, и только одна, весьма ценная, находка внесла ясность.

В ходе проведения в церкви Ильи Пророка реставрационных работ на рубеже XIX–XX столетий была раскрыта заложенная ранее арка северного крыльца. На лопатке под разобранной кладкой сохранилась

ЯМЗ

Декоративное убранство церкви. Придел Гурия, Самона и Авива и колокольня
Фотография 1960-х гг.

первоначальная раскраска, обследование ее, предпринятое членами ЯГУАК, показало, что лопатка раскрашивалась дважды: сначала — синим, красным, белым цветом, затем — черным, красным, белым. Раскраски выполнялись по кирпичу одна вслед за другой, с небольшим временным интервалом, кирпич под ними выглядел совершенно свежим, а в других местах заметно «прожегся». Известно, что «два пожара, великий и страшный в 1658 году и меньший, местный, в 1670 году, повредили снаружи церковные стены»¹³. Это позволило сделать вывод, что многоцветная роспись наружных стен выполнена до 1658 года, а арка крыльца была заложена сразу после пожара. Сохранились раскраски чудом: использовались «водяные», т. е. разведенныен на воде, краски, которые легко смывались даже мокрой губкой. Раскраска была тщательно зарисована И. А. Тихомировым и недавно обнаружена нами в делах Ярославской губернской ученой архивной комиссии¹⁴.

Натурные обследования памятника, проведенные в 1985 году реставраторами Ярославских реставрационных мастерских (З. В. Полищук, Е. А. Чижов, О. Г. Галашина), показали, что наружные стены храма продолжали раскрашивать и в XVII веке, и XVIII сочетанием красного, синего, зеленого цветов, с использованием геометрических орнаментов в виде треугольников, узких полос, сначала по кирпичу, а с конца XVIII века по побелке. С XIX века Ильинская церковь приобрела монохромную окраску, именно такой облик храма стал для ярославцев привычным, а воссоздание многоцветной орнаментальной росписи, предпринятое ярославскими реставраторами в 1985 году, вызвало даже много споров среди специалистов и жителей города.

Как и многие храмы, церковь Ильи Пророка имела наружные сюжетные росписи: в центральной закомарной арке на западной стене, в небольшой нише, изображен Илья Пророк, по сторонам — пророки со свитками пророчеств в руках, на восточной стене — Троица Ветхозаветная с Авраамом и Саррой, на южной и северной — Спас Нерукотворный с предстоящими¹⁵. На фронтоне западного крыльца помещена сцена «Распятие Христа», ниже, на лопатках над ширинками, — погрудные изображения мучеников Косьмы и Дамиана. Эти композиции, не раз поновлявшиеся, сейчас находятся в плохой сохранности. В 1986 году бригада ярославских реставраторов под руководством Е. А. Чижова восстановила фреску западного крыльца по старой графье.

Графья —
рисунок композиции,
процарапанный
по левкасу иконы или по
штукатурке
на стене, который
потом прописывается
цветом.

Перестройки

Церковь Ильи Пророка почти не утратила первозданного облика, не считая незначительных переделок. Вскоре после ее возведения заложили открытые арки нижнего яруса галерей и крылец. Арки основного этажа галереи, как значилось в описи Скрипиных, изначально были закрытыми.

Ильинский храм имел позакомарное (посводное) покрытие, образцом чему послужил собор Ярославского Спасо-Преображенского монастыря, только в Ильинском храме оно было не конструктивным, а декоративным, т. е. не лежало непосредственно на внутренних сводах, а поднималось над ними. Такая форма кровли являлась распространенной в ярославской архитектурной школе начального периода, как отмечала Э. Д. Добровольская в «Отчете о реставрации церкви Николы Надеина» (1965); она имелась в Николо-Надеинском, Рождественском, Златоустовском храмах¹⁶. Криволинейная кровля, мало приспо-

собленная к условиям русской зимы, была в конце XVII — начале XVIII века заменена четырехскатной крышей, сначала тесовой, позднее железной.

Самое раннее, после «Книги церковного строения», представление об облике Ильинского ансамбля дает архиепископ Самуил Миславский в описании храмов Ярославля 1781 года: «Пол в центральном храме чугунный, а в папертях и приделах кирпичный, покрыта тесом, а 5 глав — средняя по железной обрешетке белым листовым железом, а четыре боковые — черепицей. Ограда каменная, с западной и северной стороны на 85 сажен, и по той ограде сделаны кладовые палатки, которые отдаются в картому [на содержание], да сверх того: при оной ограде имеются двои полаты каменные для священника и дьякона, построенные Скрипиными, а для причетников дома деревянные церковные»¹⁷.

В 1857 году главы Ильинского храма перекрыли железом и покрасили в зеленый цвет, который сохранился до настоящего времени. Маленькие главки колокольни и Ризоположенского придела во время реставрации 1960 года вновь стали черепичными.

Выразительное завершение придела Гурия, Самона и Авива кокошниками, поставленными «на убег», — распространенная в Москве и редкая в Ярославле форма, — сменилось скатным покрытием. Небольшие изменения произошли в облике Покровского придела: в 1807 году были растесаны и увеличены по высоте его окна и стала более крутой форма крыши, при этом разобрали «яко ненужные» две кирпичные стенки с фронтонами.

Главный престол

В Ильинском храме устроено пять престолов, три из них сохранили посвящения деревянных церквей прихода. Центральный храм, как и предыдущий деревянный, давший название приходу, освящен во имя ветхозаветного пророка Ильи, празднование которому совершается Русской Православной Церковью 20 июля (2 августа н. с.).

Пророк Илья — чудотворец, наделенный почти божественной властью. Он почитался как великий отшельник и праведник, грозный обличитель язычников и повелитель небесных стихий. Сведения о жизни и деяниях пророка содержатся в третьей и четвертой книгах Ветхого Завета, житийной литературе. Илья Пророк, по происхождению «фесвитянин из жителей галаадских», родился во времена израильского царя Ахава. Его появление на свет, предсказанное мудрецом, ознаменовалось чудом: ангелы повили новорожденного огнем.

Царь Ахав прогневил Бога поклонением языческому идолу Ваалу, и Илья Пророк предрек ему великую засуху: «не будет ни росы, ни дождя, разве только по моему слову». Вслед за пророчеством Илья удалился в пустыню к потоку Хораф, где ворон приносил ему пищу. Когда поток пересох, пророк отправился в Сарепту Сидонскую. Пребывание его там у бедной вдовы отмечено чудесами: скучная пища в ее доме не истощалась, а умерший сын был возвращен к жизни. Через три года, призванный Богом, Илья отправился к нечестивому царю. По его требованию народ израильский собрался для молитвы об окончании засухи и голода на горе Кармил. Пророк предложил устроить испытание: приготовить два жертвенника и низвести на них огонь. Жертва от Ильи была принята Богом, и огонь поглотил не только дрова, но камни

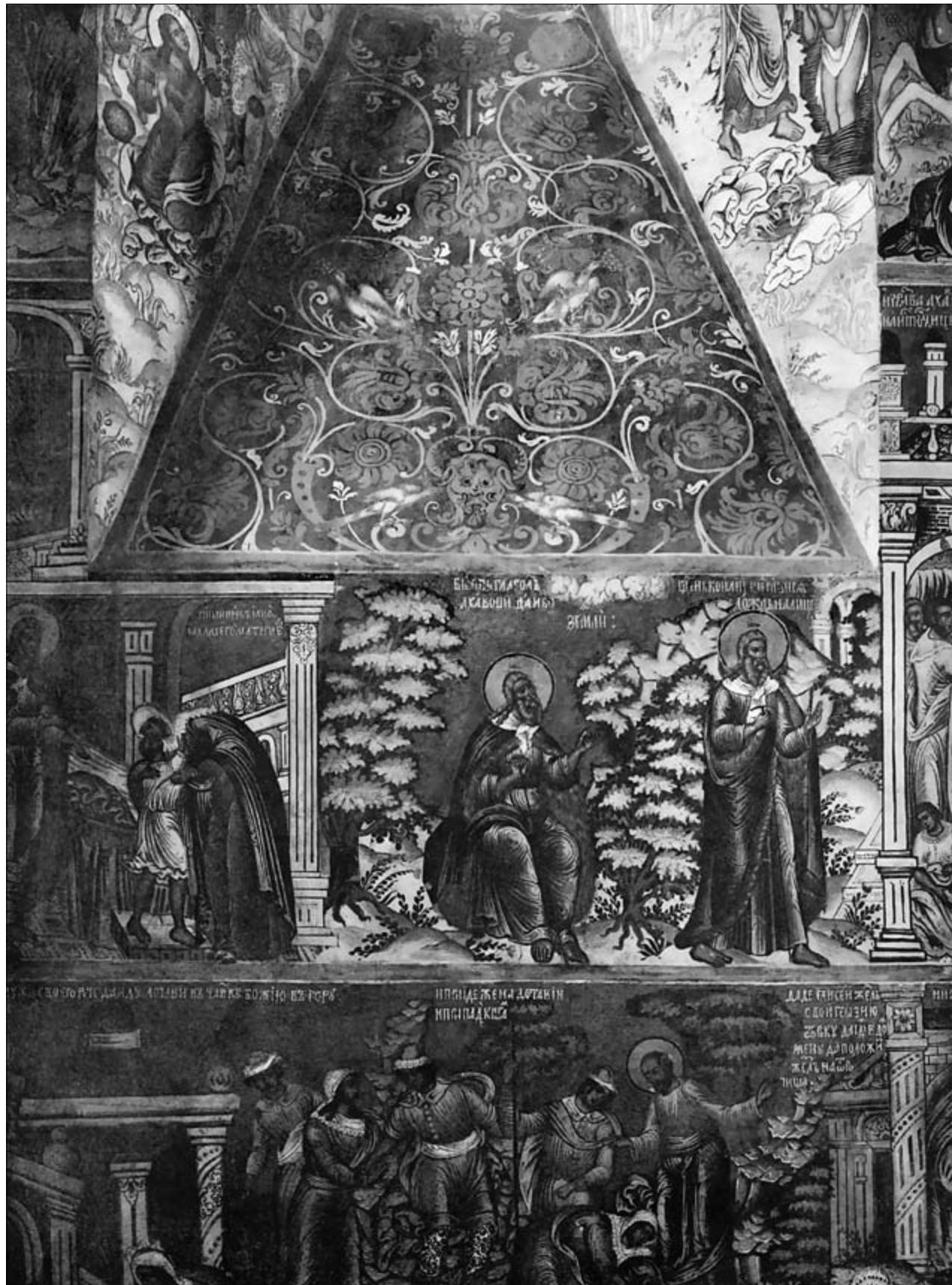

и даже воду, а на призывы четырехсот пятидесяти жрецов Ваала «не было ни голоса, ни ответа». Пророк Илья, истребив жрецов, призвал долгожданный дождь. Далее он предрек не только гибель Ахава, но и позорную смерть от бешеных псов его жены, нечестивой Иезавели. Сын Ахава Охозия дважды посыпал воинов схватить пророка, но те были «попаляемы» небесным огнем.

В конце своей земной жизни Илья «прозре» о намерении Бога взять его живым на небо и, сопровождаемый учеником Елисеем, направился к Иордану. Там он разделил плащом воды реки, и явились «колесница огненная и кони огненные, и разлучили их обоих, и понесся Илья в вихре на небо. Елисей же смотрел и воскликнул: отец мой, отец мой, колесница Израиля и конница его! и не видал его более» (4 Цар. 2, 11–12).

На Руси Илья Пророк почитался с глубокой древности как небесный повелитель, ведающий силами природы — грозами, дождями, градами и молниями, в его честь было воздвигнуто много церквей. В Ярославле посвящения престолов кармильскому пророку имелись в трех храмах¹⁸.

Для торгового Ярославля было также важно, что пророк Илья, наряду с Николаем Чудотворцем, считался покровителем купечества. Это почитание нашло отражение в настенных росписях центрального храма в сюжете «Чудо Ильи Пророка в Нижнем Новгороде» о спасении купца, которое произошло по его молитве перед иконой Ильи Пророка.

Сцены из житий Ильи Пророка и его ученика Елисея. Фрески западной стены центрального храма
Из книги И. А. Вахромеева

Сцены из житий Ильи Пророка и его ученика Елисея. Фрески южной стены центрального храма
Из книги И. А. Вахромеева

Покровский придел

Покровский придел, примыкающий к южному фасаду центрального объема, являлся зимним храмом Ильинского ансамбля. Высокие летние церкви, которые невозможно было отопить, не предназначались для служб в холодное время года. Поэтому в приходах устраивались небольшие по размерам отапливаемые зимние храмы. Чаще всего это была отдельная церковь, стоящая рядом с летней, но иногда теплый придел мог располагаться на галерее, в трапезе, а то и в подклете холодного храма. Пристройка теплого храма вместо южного крыла галереи — прием, не совсем обычный в ярославской архитектуре XVII века.

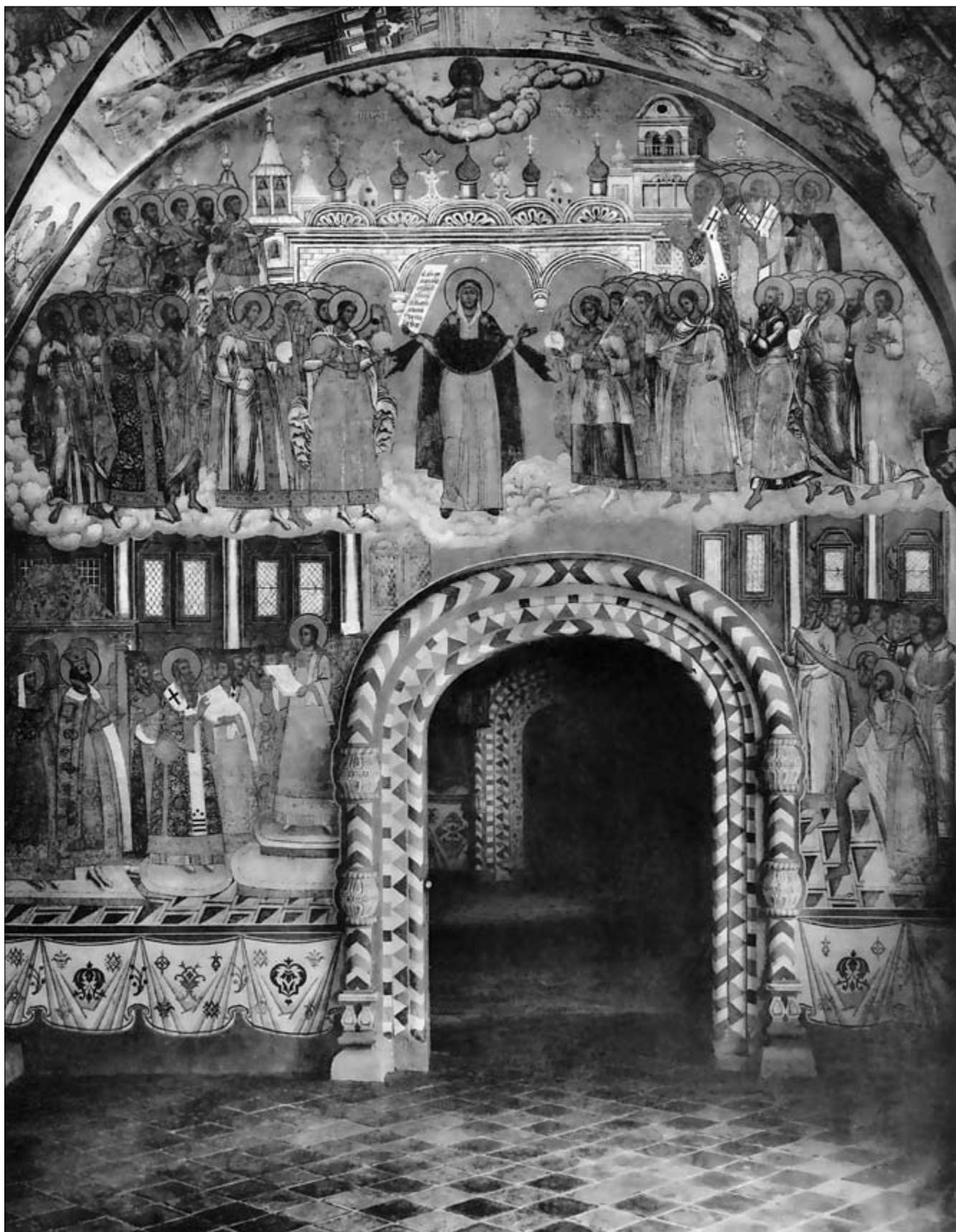
Теплый придел, как и стоявшая до постройки каменной деревянная зимняя церковь, освящен во имя Покрова Богоматери — праздника, хотя и не принадлежащего к двунадесятым, но отнесеного в церковном календаре к разряду великих.

Установление праздника связано с именем юродивого Андрея, жившего в Константинополе. По преданию, незадолго перед кончиной (около 936) ему случилось чудесное видение во время всенощной во Влахернском храме. Он «возвел очи свои вверх и увидел царицу небесную, стоявшую в воздухе и молящуюся, покрывающую людей своим омофором», рядом с Богоматерью явились Иоанн Предтеча и Иоанн Богослов, ангелы и святые. Явление произошло в очень трудное для Византийской империи время, когда она страдала от набегов сарацин, и было воспринято как покровительство Богоматери христианам. Но праздник не был официально закреплен византийской церковью, так как репутация юродивого Андрея считалась сомнительной.

Два с половиной века спустя культа этого праздника, созвучного идеям заступничества и милосердия, распространился повсеместно на Руси, узаконили его киевские князья. Великая идея, заложенная в этом празднике, прекрасно выражена отцом Сергием Булгаковым: «Не только тысячу лет назад молилась слезно Богородица, но молится ныне и здесь, и всегда, и всюду, до скончания века. И не только над присущими тогда ... простерся ее Покров, но и над всем родом человеков, и над всем миром, и над нами, грешными, сияет осеняющий и спасающий покров Богородицы, хотя и не имеем очей, достойных это увидеть. Божия Матерь посредствует между землей и небом. Она есть ходатаица мира, возносящего молитвы к престолу Славы Божией. Она есть любовь и милосердие, милость и жалость, прощение и заступление»¹⁹.

Праздник Покрова приходится на 1 (14) октября. Этот день подводил итоги сельскохозяйственного года, что нашло отражение в народных пословицах: «На Покров — последний сбор плодов». В Покров часто игрались свадьбы, поэтому он воспринимался и как праздник, покровительствующий браку.

Неизвестно, когда в Ильинском приходе была устроена теплая, еще деревянная Покровская церковь, но интересно отметить, что в народном сознании образы ветхозаветного пророка и Богоматери-Заступницы соприкасались. Знаток русского фольклора А. А. Коринфский записал «наивное в своей простоте» предание: «В стародавние годы ... Богородица странствовала по земле. Случилось Ей зайти в одну деревню, где жили забывшие о Боге и обо всяком милосердии люди. Стала проситься Матерь Божия на ночлег, — нигде Ее не пустили, везде услыхала Она один ответ: "Мы не пускаем странников!" Услышал жестокосердые слова проезжавший в это время по небесной стезе над деревнею св. Илья-пророк, — не мог снести он такой обиды, причиненной Деве Марии, и на отказавших Божественной страннице в ночлеге низринулись с

Покров Богоматери. Фреска западной галереи (вход в галерею Покровского придела)
Из книги И. А. Вахромеева

неба громы-молнии, полетели огненные и каменные стрелы, посыпался град величиною с человеческую голову, полил ливень-дождь, грозивший затопить всю деревню. Всплакались испуганные нечестивые люди, и пожалела их Богородица. Развернула Она покров и накрыла им деревню, чем и спасла Своих обидчиков от поголовного истребления. Дошла благость неизреченная до сердца грешников, и растопился давно не таявший лед их жестокости: сделались все они с той поры добрыми и гостеприимными»²⁰.

Посвящение придела празднику Покрова имеет и новгородский оттенок, в Новгороде «эта тема пользовалась особой популярностью», а устроение церкви Покрова в Зверине монастыре (1399) ассоциировалось с покровительством Богоматери архиепископу Иоанну «со всеми его детми новгородцы». Дважды в год новгородцы совершили крестные ходы в Покровские храмы, две новгородские иконы Покрова почтились как чудотворные²¹.

Придел Варлаама Хутынского

Придел во имя Варлаама Хутынского был еще в деревянном Ильинском храме. В своей описи Скрипины всегда его упоминали: «Церковь во имя святого пророка и богоаватца Ильи с преподобным отцом Варлаамом».

Преподобный Варлаам — новгородский чудотворец, живший в XII веке, основатель Хутынского монастыря — является одним из самых почитаемых в новгородском пантеоне святых. Он «олицетворял для новгородцев славу местной истории, духовное начало церковной и монастырской жизни, подобно тому как те же идеи связывались в Москве с Сергием Радонежским»²².

Сведения о Варлааме Хутынском содержатся в его житии, написанном в XIII веке и впоследствии неоднократно дополнявшемся. Алекса Михайлович — так звали в миру Варлаама — родился в Великом Новгороде в семье богатых родителей, после смерти которых он раздал свое имение бедным и принял иноческий постриг. Испытывая с малолетства склонность к подвижнической жизни, Варлаам удалился в уединенное место на правом берегу реки Волхов. На холме, который назывался Хутынь (хутынь, худынь — худое место, где, по народному верованию, обитала нечистая сила), преподобный поставил небольшую келью. Дни он проводил в трудах и молитвах, принял обет носить железные вериги. Весть о святом отшельнике быстро распространилась, к нему за наставлением стали приходить люди разного звания. Варлаам Хутынский был наделен даром прозрения и чудотворений. Так, новгородскому князю Ярославу он предсказал рождение сына, другому человеку воскресил единственного сына.

Постепенно рядом с преподобным начали селиться монахи, и тогда Варлаам построил деревянный храм Преображения Господня, положив основание Хутынской обители. Варлаам умер 6 ноября (день памяти святого) 1193 года, его мощи, обретенные в XIV веке, прославились многими чудесами. Новгородцы почитали святого как молитвенника за свой родной город, его защитника. Каждый год, в первую пятницу Петрова поста, из новгородского Софийского собора совершался крестный ход в Хутынский монастырь. Иноку Хутынского монастыря Тарасию однажды ночью в Преображенском храме было чудесное видение: Варлаам Хутынский молитвами отводил от Новгорода грядущие бедствия и стихии — наводнение, мор. Этот сюжет часто изображался в настенной живописи и иконах.

Придел Варлаама Хутынского миниатюрен, способен вместить лишь несколько человек, служба в нем совершалась всего один раз в году, в день Пророка Ильи.

Придел Гурия, Самона и Авива

Придел, служивший храмоздателям домовой церковью, был посвящен святым исповедникам Гурию, Самону и Авиву, жившим в городе Эдессе в конце III — начале IV века.

Братья Гурий и Самон, как следует из их жития, проповедовали христианство жителям Эдессы, поклонявшимся языческим идолам. Правитель города Антонин бросил подвижников в темницу, где вельможа Музоний, за отказ принести жертву языческому божеству, подверг их мучениям, а 15 ноября 306 года приказал отсечь им головы. В этот же день, но уже в 322 году, преследователями христианства был сожжен в Эдессе дьякон Авив. Мощи святых были положены в один ковчег, им установили общий день памяти.

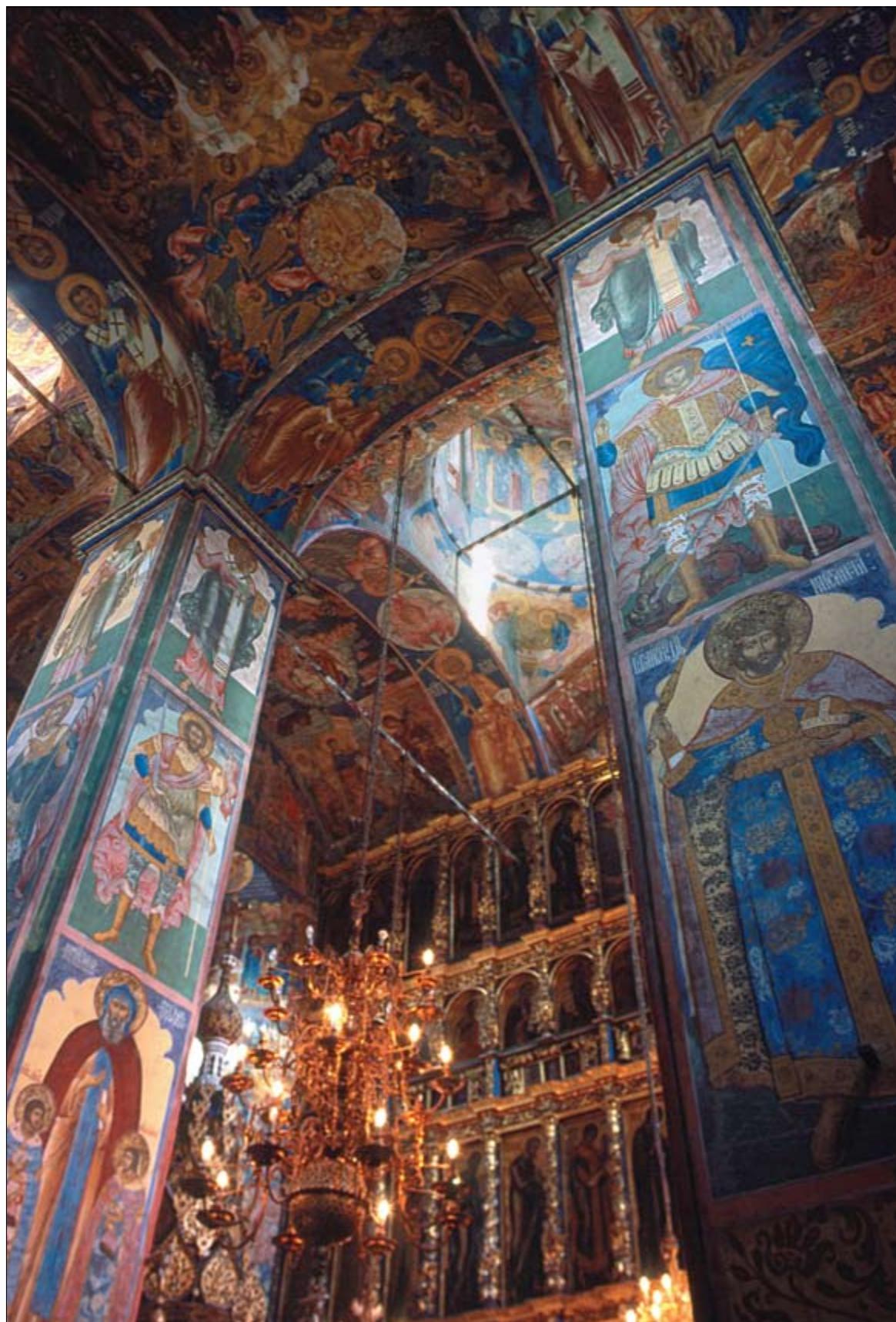
С мощами святых связано следующее чудо: некий воин, будучи в Эдессе, обманом женился на девице Евфимии. Перед отъездом с молодой женой на родину он поклялся при гробе Гурия, Самона и Авива ее матери Софии, что не обидит дочь. Но оказалось, что воин женат, и его первая жена отравила новорожденного сына Евфимии, та, в свою очередь, тем же ядом отравила злодейку. Тогда Евфимию подвергли страшной казни: бросили заживо к покойнице в склеп, заложив вход камнями. Несчастная обратилась с молитвой к святым исповедникам — и была спасена. После этого чуда Гурия, Самона и Авива стали почитать как защитников жен от семейных неурядиц, неверности мужей, а шире — как покровителей домашнего очага.

После смерти Скрипиних придел стал использоваться для хранения утвари и книг. Отец Николай Пятницкий констатировал: «за ветхостью иконостаса служба в этом приделе не совершается, и он обращен в ризницу»²³.

Ризоположенский придел

К завершению строительства Ильинской церкви Скрипины получили от патриарха Иоасафа и царя Алексея Михайловича редкостный и ценный дар — частицу Ризы Христа. В честь этого «пребогатого сокровища» Скрипины пристроили к Ильинскому храму придел — «оригинальное дополнение к архитектурному целому главного храма»²⁴.

Риза Христа, одна из самых чтимых христианских святынь, была принесена в Россию персами. В марте 1625 года посол персидского шаха Аббаса Оругамбек (Урусамбек), грузин по происхождению, торжественно вручил в Москве патриарху Филарету и царю Михailу Федоровичу украшенный драгоценными камнями золотой ковчег, где находилась «часть некоторая полотняная, как бы красновата, соткана из льну». Посол сообщил, что это — часть Ризы Христа, наделенная чудодейственной силой: если прикоснуться к ней «с верою, и того Бог милует», а если «без веры, и у того тотчас очи

Интерьер центрального храма церкви Ильи Пророка
Фотография А. Н. Севастьянова

Росписи свода и верхние ряды иконостаса Ризоположенского придела
Фотография А. Н. Севастьянова

Великий Вход. Фреска конхи алтаря придела Варлаама Хутынского
Фотография А. Н. Севастьянова

Иконостас Покровского придела. Фотография А.Н. Севастьянова

выпадут»²⁵. Шах Аббас, сопроводивший дар письмом, сообщил, что он, покорив Грузию, обрел святыню в 1617 году в ризнице митрополита.

История принесения Ризы (или хитона) Иисуса Христа в Грузию овеяна преданиями, одно из них было изложено в древнегрузинском источнике IX века «Обращение Грузии в христианство». В нем повествуется о том, как некий мцхетский раввин Элиоз отправился в числе паломников в Иерусалим на праздник Пасхи и стал там очевидцем страданий Иисуса Христа на Голгофе. При Распятии воины, как сказано в Евангелии от Иоанна, «взяли одежды Его и разделили на четыре части, и хитон же был не шитый, а весь тканый сверху. Итак, сказали друг другу: не станем раздирать его, а бросим о нем жребий, чей будет, — да сбудется реченное в Писании: разделили ризы Мои между собой и об одежде моей бросали жребий» (Ин. 19. 23, 24). Элиоз выкупил Ризу Христа у воина, ставшего ее обладателем, и отправился с драгоценной святыней домой. Его сестра Сидония, узнав о священной реликвии, приложила Ризу Христа к груди и, не выпуская ее из рук, скончалась. «Никакая человеческая сила не могла изъять хитон из объятий Сидонии», поэтому ее похоронили вместе с Ризой Христа в царском саду. Над ее могилой вырос кедр, который «на долгое время скрыл святыню от изысканий человеческих. В IV веке потомок Элиоза Авиафар, слушавший наставление в христианской вере у просветительницы Грузии святой Нины, показал ей место, где, по преданию, скрыта была священная одежда, и Нина с того времени каждую ночь приходила молиться под сень величественного кедра. Здесь нередко святая подвижница удостаивалась таинственных видений, предзнаменовавших будущую славу этого места. Благоговея перед ним, Нина просила царя Мириана построить здесь храм Божий. Мириан пожертвовал свой сад для сооружения в нем дома Господня. Когда срубили многовековой кедр, то из его корня истекло целебное миро»²⁶. Здесь и построен был кафедральный собор — Свети Цховели. В XIII веке, во время нашествия на Грузию Чингисхана, Риза Христа была вынута из земли и положена в Мцхетский собор²⁷.

Шах Аббас своим даром решил скрепить дружественные связи с Россией, важные для обеих стран, — «таким образом он пытался вынудить русского царя не вмешиваться в грузинские завоевания шаха. Грузия формально находилась под покровительством России, и шах лицемерно заявлял, что она ему не нужна. В свою очередь, русские правители использовали дар шаха в политических интересах... Появление ризы в Москве было признано не земным, но небесным делом. Оно означало признание богоизбранности новой династии Романовых»²⁸.

Подлинность Ризы Христа была засвидетельствована на совете у патриарха Филарета представителями греческой и русской церкви. Дар от персидского шаха приняли в Москве с большой благодарностью, святыню начали носить по монастырям и церквям, уже к концу марта от нее получили исцеление четырнадцать человек. Патриарх Филарет распорядился разослать по всем городам и селам Руси свидетельство о новообретенной реликвии и приказал установить празднование в честь этого события 27 марта. Позже праздник перенесли на день положения Ризы Христа в московском Успенском соборе, 10 июля.

По повелению патриарха митрополит Крутицкий Киприан составил службу на положение Ризы, это событие нашло отражение в нескольких редакциях Сказания о даре шаха Аббаса, одна из самых известных — «Повесть преславна о принесении Ризы Господней в царствующий град Москву» — принадлежит перу известного писателя XVII века князя Семена Шаховского.

Священную реликвию торжественно положили в Успенском соборе Московского Кремля, под медный шатер сени, выкованной в 1624 году знаменитым русским мастером Дмитрием Сверчковым (святыня по-прежнему хранится в Успенском соборе). В первые десятилетия от Ризы в особых случаях отделяли частицы — в Софию Киевскую, Кострому, Ярославль, но в 1681 году, при патриархе Иоакиме, соборным постановлением было утверждено «впредь такого пребогатого сокровища не разделять»²⁹. Тем не менее позднее из этого правила делали исключения — так, в новой северной столице, Санкт-Петербурге, частицы Ризы были положены в Петропавловский собор и церковь Спаса Нерукотворного Зимнего дворца³⁰.

По вопросу возведения сооружения Ризоположенского придела в церкви Ильи Пророка среди специалистов единого мнения нет, бесспорным является то, что в 1651 году придел уже существовал — о нем имеются упоминания в «Книге церковного строения» Скрипиных: «На этой стране [правой] придельная церковь положения Ризы»³¹. Такие знатоки ярославской архитектуры, как Н. Г. Первухин и А. И. Суслов, склонялись к тому, что придел был сооружен после окончания строительства церкви, в промежутке между 1650 (годом дарения частицы Ризы) и 1651 (временем составления описи)³². Известный знаток ярославских древностей И. А. Тихомиров считал, что под придел было приспособлено уже имевшееся, меньшее по высоте помещение, но перестраивал его другой, менее талантливый зодчий. На это указывает, по его мнению, ряд несоответствий в архитектуре Ризоположенского придела: средние лопатки на западном и южном фасадах не доходят до карниза, а заканчиваются окнами, юго-восточная лопатка «переломлена» около алтарной апсиды на той же высоте, а с линии перелома заметна разница в кладках самих стен³³.

Без сомнения, форма завершения придела — шатер — была выбрана храмоздателями не случайно. Шатровые постройки часто имели мемориальный характер, были связаны с важнейшими государственными событиями. Так, первая каменная шатровая церковь — Вознесения в Коломенском (1533) — была воздвигнута в честь рождения наследника престола, будущего царя Ивана IV; собор Василия Блаженного (1561) на Красной площади в Москве — в память о завоевании Казанского ханства. В Ильинском храме шатровое завершение Ризоположенского придела могло подчеркивать ценность находящейся в нем святыни, ее значимость не только для храмоздателей и прихода, но и для всего города. Формы этого раннего шатрового сооружения в городе в XVII веке произвели впечатление на ярославцев и послужили образцом завершения приделов в церквях Иоанна Златоуста, Николы Мокрого, Спаса на Городу.

Частица Ризы Христа была одной из самых почитаемых святынь Ярославля, «страждущие нередко прибегают с молитвой к Господу об исцелении и пред Ризою Господней служат молебны в храме, а иногда принимают ее и в дома. 10 июля, в день Положения Ризы Господней в московском Успенском соборе, и в Ильинском храме, и в приделе в юго-западной башне совершается торжественное празднование, собирающее немало молящихся»³⁴.

Ковчег с частицей Ризы приносили ежегодно для совершения моления в ярославские церкви, в торговые ряды. Летом он находился в алтаре центрального храма, под резной сенью, а зимой — в Покровском приделе. В Ризоположенский придел святыня ставилась только на храмовый праздник 10 (23) июля. Но так было не всегда. В церковной описи 1743 года было указано: «В церкви Ризы Господни царские двери от дерева земного, прикладу нет. На правой стороне икона настоящая — Ризы Господни, пять венцов чеканных, обложена серебром басемным. При том образе ковчег серебряный и в нем часть Ризы Господни»³⁵.

Положение Ризы Христа в Успенском соборе Московского Кремля
Фрагмент храмовой иконы Ризоположенского придела. Середина XVII в.
Из книги И. А. Вахромеева

Басма – тонкие пластинки из серебра, золота и других металлов с тисненым узором, покрывающие поверхность иконы.

В церкви Ильи Пророка частица Ризы бережно хранилась в двух серебряных ковчегах: малом, украшенном эмалью со сканью и драгоценными камнями, время изготовления которого можно отнести к концу XV – началу XVI века, и большом – «сребропозлащенном, довольно ветхом», чеканенном в Ярославле в 1772 году. Аристарх Израилев подробно их описал:

«На верхней стороне ковчежца, около отверстия к святыне, покрытой стеклом, расположены крестообразно 4 драгоценные камышка.

Малый этот ковчежец помещен в другом большом серебряном чеканном и снаружи вызолоченном ковчеге. Форму ковчег имеет продолговатую четырехугольную и стоит на 4-х ножках»³⁶.

Крышка ковчега, завершающаяся крестиком, выполнена в форме пирамиды, на ее гранях помещены «Воскресение Христа», «Сошествие Иисуса Христа во ад» и шестикрылые серафимы. На стенках ковчега отчеканены изображения, связанные с посвящением престолов Ильинского храма – Покров Богоматери, святые исповедники Гурий, Самон и Авив, Илья Пророк и преподобный Варлаам Хутынский. Вес большого и малого ковчегов (3 фунта) указан в церковной описи 1849 года.

На это описание, которое на протяжении нескольких десятилетий оставалось незамеченным, обратила внимание хранитель фонда драгоценных металлов Ярославского музея-заповедника Елена Владимиrowна Бурдакова. Оно полностью соответствовало ковчегу, который по музейным документам значился происходившим из Спасо-Преображенского монастыря. Так вновь была обретена святыня, которая стала достоянием Русской Православной Церкви.

ИКОНЫ ЦЕРКВИ ИЛЬИ ПРОРОКА И ИХ МАСТЕРА

О завершении строительства церкви перед Скрипиными всталась грандиозная задача — оснастить иконами и иконостасами центральный и четыре придельных храма.

Собрание ильинских икон, которое складывалось постепенно на протяжении веков — с конца XVI до начала XX, по полноте и художественной ценности представляет собой замечательный образец в культуре русского средневековья. В настоящее время в церкви Ильи Пророка, коллекциях Ярославского и Ростовского музеев-заповедников, Ярославского художественного музея всего хранится их более двухсот. Еще Нил Григорьевич Первуходин отмечал, что «некоторые из ильинских икон обследованы, и довольно разноречиво, коллекционерами и историками русского искусства, начиная с Д. А. Ровинского; многое, особенно в ризнице и запертых приделах, ждет своего изучения; кое-что еще и не приведено в известность». За прошедшее столетие появились работы об иконах церкви Ильи Пророка И. П. Болотцевой, В. Г. Брюсовой, И. Л. Бусевой-Давыдовой, Т. Е. Казакевич, С. И. Масленицына¹, тем не менее оценка Н. Г. Первухина остается справедливой и сегодня. Тому есть несколько причин: во-первых, предметом изучения стали преимущественно иконы центрального иконостаса, а это менее половины коллекции²; во-вторых, из-за пожаров, естественного старения многие иконы подвергались «починке» — поновлялись, частично записывались, что затрудняет их атрибуцию; кроме того, еще при храмоздателях и позднее одни иконы заменялись другими, их перемещали в иконостасах, заказывали новые.

Не касаясь спорных моментов датировки и авторства икон, попытаемся проследить основные этапы оснащения иконостасов каменного храма.

Главный иконостас

Первый иконостас каменного храма не сохранился, но его облик можно воссоздать по описи Скрипиных:

«Пред деисусом и пред праздниками и пред пророки подсвящники деревянные позолочены, поставлены на железных шандалах, а пред праотцами подсвящники посеребрены. А промеж иконами веревочки ставлены деревянные резные, посеребрены.

4 тябла травные, покрыты по серебру.

Спас Эммануил с ангелами. Икона иконостаса центрального храма. XVII в.
Из книги И. А. Вахромеева

Над праотцами в деисусе херувими резные по дереву: 17 позолочены, а 14 посеребрены».

Подобные иконостасы, характерные для ранних каменных посадских храмов Ярославля, называются тябловыми, они состояли из мощных дубовых брусьев, лицевые стороны которых украшали расписные доски. Древние тябла и сейчас можно видеть в алтаре Ильинского храма, за нынешним иконостасом. Сохранились также две доски первого иконостаса, украшенные травяным орнаментом, — они служат дополнением к иконе Печерской Богоматери в пророческом ряду. На них по серебряному фону выются побеги растений с бутонами и цветами, орнамент выполнен в благородных серо-зеленых, синих, нежно-охристых тонах.

Ныне существующий шестиярусный иконостас выполнен в технике высокой, или флемованной (флемской), резьбы, которая получила небывалое развитие в России во второй половине XVII столетия. Само название резьбы (от немецкого слова *flamisch* — фланандский) указывает на ее происхождение. Из Фландрии она распространилась по всей Европе, в Польше ее приемы освоили искусные белорусские и украинские резчики, а затем принесли ее в более пышных, объемных формах в Москву. Русским мастерам пришлись по душе фантастичность и мощный размах нового стиля, богатого орнаментами, позаимствованными зачастую из западных гравированных «фряжских листов». Ярославские резчики, не отставая от московских, легко восприняли и столь выигрышную технику, и новые инструменты, и западную терминологию; недостатка в заказах у них не было — в городе, как справедливо заметил И. Ф. Барщевский, со времени «приобретения богатства явилась потребность в роскоши, подражании и модном вкусе».

Богоматерь Федоровская с акафистом. Икона местного ряда иконостаса центрального храма. XVII в.
Из книги И. А. Вахромеева

Ангел Благое молчание. Икона центрального иконостаса. XVII в.
Из книги И. А. Вахромеева

Новый «оригинальный трехтоновый» главный ильинский иконостас был выполнен в 1696 году (эта дата указана в реставрационном отчете И. А. Вахромеева, возможно, она основана на имевшихся тогда в храме и утраченных позднее документах), а резал его, как полагают исследователи³, столяр из Толчковской слободы Илья Якимов, за год до этого изготовивший иконостас Покровского придела. Его крупная, сочная сквозная резьба исполнена выразительно:

Иконостас центрального храма церкви Ильи Пророка
Фотография А.Н.Севастьянова

«Святцы». Месяц февраль. Икона первой половины XVII в. Ныне — в собрании ЯМЗ
Фотография А.Н. Севастьянова

Макарий Унженский, молящийся Троице. Икона XVII в. Ныне — в собрании ЯМЗ
Фотография А. Н. Севастьянова

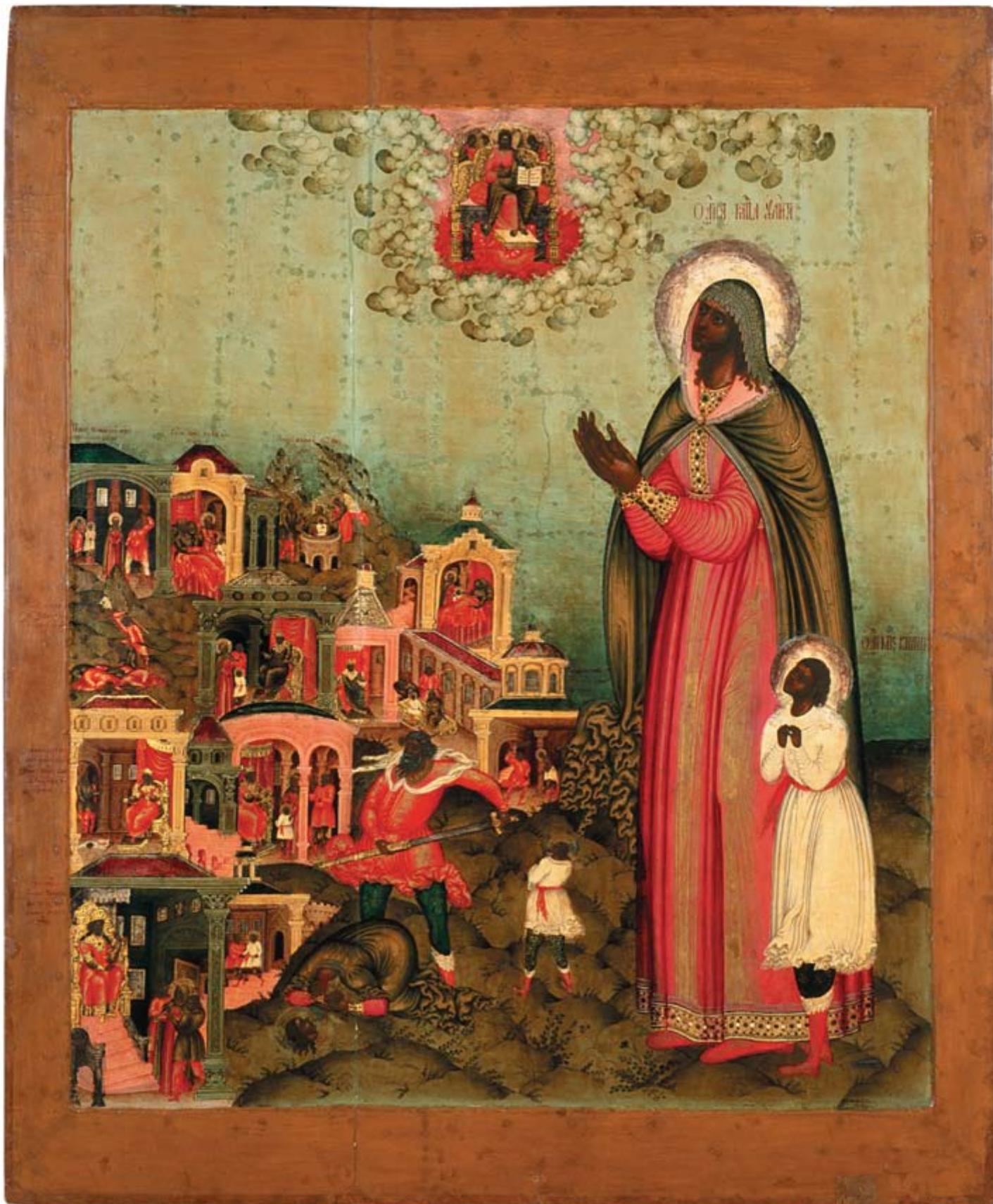
Богоматерь Казанская. Моленная икона первой половины XVII в. Ныне — в собрании ЯМЗ
Фотография А. Н. Севастьянова

София — Премудрость Божия. Икона XVII в. Ныне — в собрании ЯМЗ
Фотография А. Н. Севастьянова

Мученик Вонифатий. Икона XVII в. Ныне – в собрании ЯМЗ
Фотография А.Н. Севастьянова

Кирик и Улита. Икона 1680-х гг. Ныне — в собрании ЯМЗ
Фотография А.Н. Севастьянова

Клеймо рамы к иконе «Богоматерь Знамение». Конец XVII — начало XVIII в.
Местный ряд центрального иконостаса. Фотография А. Н. Севастьянова

круглые колонки между иконами завершены резными капителями и украшены пышной, вьющейся золоченой виноградной лозой с серебристыми гроздьями ягод. Этот излюбленный мотив резьбы иконостасов является одним из символов Иисуса Христа, который говорил своим ученикам: «Я есмь истинная виноградная лоза».

Иконы «старого приходского строения»

Большая драгоценность церкви Ильи Пророка — ранние иконы «самого редкостного мастерства лучшего искусства»⁴. Важнейшим источником информации о начальном этапе формирования иконописной коллекции Ильинского храма является «Книга церковного строения», составленная очень ясно и подробно. Деревянные храмы Ильинского прихода были превосходно оснащены иконами, утварью, книгами, колоколами, часть этого имущества храмоздатели перенесли потом в каменную церковь.

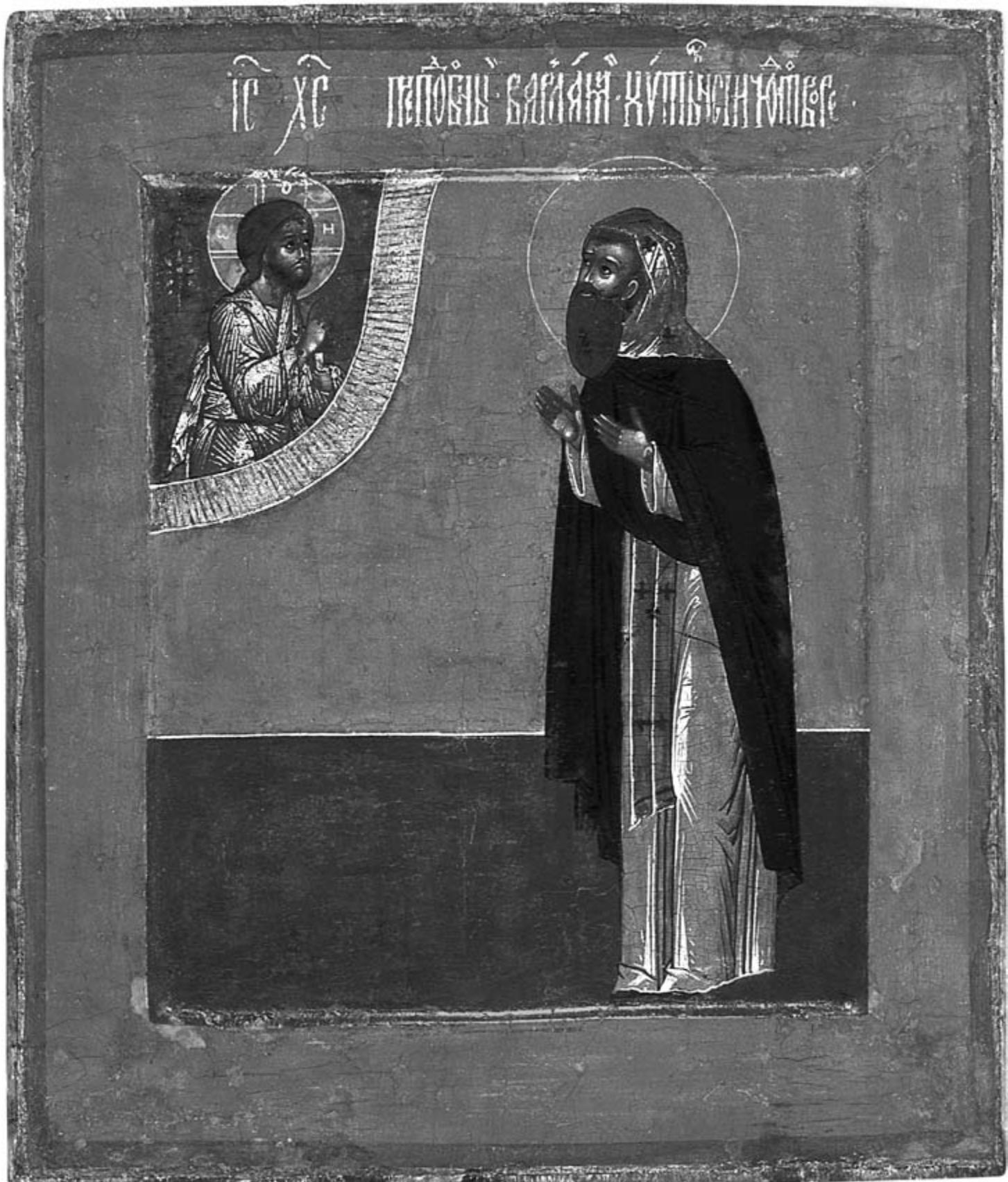
В местный ряд главного иконостаса Скрипиними были поставлены все три храмовые, по посвящению престолов, иконы «старого приходского строения», которые датируются концом XVI — началом XVII века. «На правой стране» от царских врат находился образ «Огненное восхождение пророка Ильи с деянием» (ЯМЗ-41528), на него еще в XIX веке обратил внимание известный ученый, коллекционер Д. А. Ровинский, отнеся к новгородской иконописной школе — «из желтых XVI века»⁵. Следует пояснить, что в XIX веке иконы новгородских писем делили по цвету ликов на зеленые, темные и желтые. В местном ряду иконаостояла около десяти лет, в 1660 году был создан новый храмовый образ — «Илья Пророк в пустыне», заменивший древний, а «старая икона Пророка Ильи поставлена за правым столпом в большой церкви» — на южной стене.

На левой стороне, второй от царских врат, в описи Скрипиных значится «икона местная в житие преподобного Варлаама» (ЯМЗ-41444). Ярославский искусствовед Л. С. Попова, на протяжении многих лет возглавлявшая отдел древнерусского искусства музея-заповедника, посвятила этому составному образу отдельное исследование. Она считала, что его средник был создан в Новгороде в 1560-х годах, а в середине XVII века, как следует из описи, к нему добавили раму с клеймами жития⁶. Как видим, два древних ильинских храмовых образа были созданы, по всей вероятности, новгородскими мастерами.

В центральном иконостасе были поставлены еще две иконы из деревянного храма: Покрова Богоматери (ЯМЗ-41524) — третья храмовая из деревянной зимней Покровской церкви, а также образ Тихвинской Богоматери. Первая икона находится под записью, сейчас она в стадии реставрации. Пробные расчистки, проведенные реставратором В. И. Васиным, предварительно позволили датировать икону концом XVI — началом XVII века⁷. Образ Тихвинской Богоматери XVI века (ЯМЗ-41311) — единственная из древних ильинских икон, которая сохранила свое первоначальное место в иконостасе — слева от царских врат; она по размеру меньше остальных икон, и под нее в 1650 году была подставлена доска с икосами из акафиста Богоматери (этот образ тоже был, скорее всего, поновлен еще в XVII веке, но точный ответ может дать только исследование иконы современными методами).

Среди икон «старого приходского строения» вызывают интерес двенадцать икон «месяцев». Подобные иконы, с глубокой древности бытовавшие в русских храмах, называли *минеями* или *святыми*:

Акафист (неседальное пение) — молитвословие в прославление Спасителя, Богоматери, святого или праздника, состоящее из одного кондака, который поется, двенадцати кондаков и двенадцати икосов, которые читаются. При его исполнении молящимся не разрешалось сидеть. Кондак и икос — соответственно — краткое и про-странное церковные песнопения.

Варлаам Хутынский. Икона XVII в. Ныне — в собрании ЯМЗ
Фотография А. Н. Севастьянова

на них по дням месяцев календарного года размещались святые и праздники. С ильинскими «месяцами» случилась печальная история: в 1975 году из Ризоположенского придела церкви Ильи Пророка были украдены тридцать семь икон, в том числе и хранившиеся там двенадцать минейных. В 1976 году из похищенных были найдены и возвращены музею восемь икон «святцев» и две иконы местного ряда иконостаса придела⁸.

Из-за недостаточно налаженной в то время системы учета экспонатов в Ярославском музее-заповеднике — все иконы в музейных храмах не имели инвентарных номеров и были поставлены на учет только после этой кражи — возвращенные «святцы» были ошибочно записаны как происходившие из церкви Рождества Христова. В действительности рождественские «святцы» были перенесены на хранение в церковь Ильи Пророка еще задолго до кражи в ней и уже с 1974 года (по докладной записке заведующей отделом древнерусского искусства Л. С. Поповой) числились в пропаже. Сейчас трудно установить, по какой причине произошла путаница в определении принадлежности «миней», но восстановление истины пополнит собрание ильинских икон интереснейшими произведениями первой половины XVII века.

В атрибуции «святцев» помогут следующие соображения. По описи церкви Рождества Христова, минейные иконы располагались в храме на южном и северном столбах, по шесть в ряд, — следовательно, они были очень малого размера, намного меньше имеющихся сейчас в собрании музея-заповедника икон. В 1951 году рождественские «минеи» видела Н. А. Демина, крупный знаток древнерусской живописи, она их уверенно отнесла к XVIII веку⁹. А наши иконы созданы, по мнению специалистов, не позднее середины XVII века. Наконец, одним из доказательств принадлежности этих икон церкви Ильи Пророка служит тот факт, что после похищения от них оставались только утраченные ныне рамы с шестью гнездами, а именно в таких рамках, судя по описи, составленной в 1925 году В. А. Перцевым, находились «святцы» на северной и южной стенах центрального храма.

Иконы «старого приходского строения» стояли и в приделах, из них сохранились до нашего времени: северная алтарная дверь из Ризоположенского придела, на которой представлено «Чудо Михаила Архангела»; иконы Толгской Богоматери; Гурия, Самона и Авива; Ветхозаветной Троицы, а также северная дверь из придела Святых Исповедников, на которой изображен редкий сюжет — «Даниил Пророк во рву львином».

Моленные иконы

На Руси издавна прихожане приносили свои родовые святыни в храм, а в Ярославле, как отмечал Н. Г. Первухин в очерке о художественных сокровищах города, «дольше, чем во многих городах, удержался старый обычай держать в церкви свои домашние иконы, так наз. „моление раба Божия — имя рекъ“; часто эти образа делались церковной собственностью, образуя... целый музей иконописи на полочке в иконостасе»¹⁰. В самом деле, в некоторых ярославских храмах из таких икон небольшого размера создавался целый ряд в иконостасе.

У ильинских храмоздателей к семейным иконам, которые они поставили в церковь Ильи Пророка (в центральный храм — 26 икон, в Ризоположенский придел — 16), было особое отношение. Иконы «до-

Величина икон иногда определялась количеством листов серебра или золота, требовавшегося для изготовления оклада, такие листы раскатывались из монет.

Пядничные — иконы малого размера; пядь — старая русская мера длины, расстояние между раздвинутыми большими и указательными пальцами, принималось равным четверти аришина, т. е. 17,75 см.

машнего моления» не одно десятилетие любовно собирались и братьями Скрипиными, и их предками. Их перечень и описание в «Книге церковного строения» дают нам представление о художественных пристрастиях храмоздателей, их знакомстве с творчеством мастеров конца XVI — первой половины XVII столетия из разных городов страны.

В описи моленные иконы обозначены, в зависимости от размеров, «шилистовыми» и «осмилисто-выми».

Показательно, что в описи братья именно при перечислении моленных образов, поставленных в центральный иконостас, указывают имена авторов. Пять из двадцати шести икон принадлежали кисти знаменитого государева иконописца Истомы Савина, почти тридцать лет работавшего по заказу Строгановых. Для их «домашней церкви» в Сольвычегодске, Благовещенского собора, мастер создал несколько икон, его первая подпись «строгановская» икона относится к 1602 году, последняя — к 1629. Истома Савин был также связан многолетними отношениями с северным Антониево-Сийским монастырем, куда в 1595 году была поставлена выносная икона Богоматери его письма, позднее игумен монастыря заказал изографу двадцать пядничных икон¹¹.

Автором всего лишь одного образа, Нерукотворного Спаса, указан не менее прославленный мастер, сын Истомы Савина, — Назарий Истомин. С 1620-х годов, будучи царским иконописцем, мастер часто выполнял заказы царя Алексея Михайловича и патриарха Филарета. Назарием Истоминым были созданы иконы для иконостасов костромского Федоровского собора, церкви Федора Студийского в Московском Федоровском монастыре, что у Никитских ворот, церкви Ризположения Московского Кремля, поновлены росписи в наружных киотах кремлевского Успенского собора, там же выполнены росписи «за престолом над алтарем». По указу патриарха Назарий Истомин не раз создавал иконы «в запас». Надписи на сохранившихся произведениях свидетельствуют, что мастер, «по повелению» Никиты Григорьевича и Андрея Семеновича Строгановых, писал иконы для сольвычегодского Благовещенского собора.

Под влиянием творчества Назария Истомина сложился талант видного царского изографа Ивана Паисеина, которому принадлежало семь моленных икон Скрипиных. Мастер писал иконы для храмов Москвы, Костромы, участвовал в росписи новых царских хором: Столовой избы и Постельной комнаты. В 1642–1643 годах Иван Паисеин возглавил грандиозные работы по росписи Успенского собора Московского Кремля, в которых приняло участие более ста пятидесяти иконописцев из разных городов страны¹².

В создании еще пяти икон «домашнего моления» Скрипиных принимали участие придворные мастера «Иконописной палаты» царя Михаила Федоровича — Влас (3 иконы) и Иван Хворов (2 иконы совместно с Власом).

Значимые для себя и своего рода моленные иконы Скрипины поручили написать костромскому мастеру Петру Костромитину (5 икон), среди них образ соиенного святого одного из храмоздателей — преподобного Иоанникия Великого. Н. Г. Первухин считал, что этот художник был «наиболее любим Скрипиными из царских и строгановских мастеров».

Петр Костромитин — сын священника, служил дьяконом в костромской церкви Воскресения на Дебре. Две моленные иконы письма Петра Костромитина — «Воскресение» и «Богоматерь Знамение» — Скрипины поставили на особое место в Ильинском храме — «пред местными иконами на аналое», оговорив в описи,

Богоматерь Знамение. Составная икона: средник — моленный образ — середины XVII в.;
рама конца XVII — начала XVIII в. Из книги И. А. Вахромеева

что «те иконы после их живота [кончины] Нифантиева и Аникиева» вынуть из киотов и поставить над царскими дверьми. Икона «Богоматерь Знамение» являлась наиболее почитаемой святыней Новгорода. Как повествует предание, в 1170 году, при осаде Новгорода войсками суздальского князя Андрея Боголюбского, новгородцы установили икону Богоматери на крепостной стене и тем чудесно спасли город от разорения. Этот образ был в глазах новгородцев символом небесного покровительства их городу, его изображение стало государственной эмблемой Новгорода: помещалось на печатах новгородских архиепископов, на городском знамени¹³.

Заметим, что некоторые из авторов моленных икон были связаны с именем знаменитых меценатов Строгановых, которые «в течение нескольких десятилетий выступали в роли покровителей определенного художественного направления в московской иконописи конца XVI — начала XVII века, так называемой строгановской школы»¹⁴. Мы еще вернемся к этой связи, явно неслучайной.

Иконы «домашнего моления», размещенные в иконостасе Ризоположенского придела (14 окладных и 2 неокладных), значатся в скрипинской описи без указания имен мастеров¹⁵. До нашего времени сохранилась из них лишь одна — «Макарий Унженский в молении Троице» (ЯМЗ-41360).

Моленные иконы были необычайно богато украшены, о чем есть, кроме описи Скрипиных, другие свидетельства: «Еще имеется в оной церкви их домовых икон мелких около пятидесяти, поставленных в иконостасе и прочих местах приличных, украшенных серебром и жемчугом, дорогой цены стоющих».

В настоящее время только одна икона из собрания Ярославского музея-заповедника дает нам представление о былом великолепии моленных образов. Исследователь ярославского ювелирного искусства Н. А. Грязнова, работая над статьей об изделиях художественного серебра из церкви Ильи Пророка, обратила внимание на описание убора иконы Казанской Богоматери в скрипинской описи: «оклад резной, венец с короною и цата резная ж, на цате киот, сторону по крушку обнизаны жемчугом. У Спаса в ожерелице 13 жемчугов. У Пречистые возглавие и ожерелицо жемчужное, в возглавии яхонт червчат, над ним подниз 11 камешков, 10 жемчужек, в венце с короною и в цате 4 яхонта, 10 винис, 6 бирюз, 9 достоканов, хрусталик, да вставка жемчужная, на спнях 5 жемчугов бурминских, 4 невелик. По углам в киотках 4 евангелиста. Писана с чудотворного образа, что на Пучеже». Описание полностью соответствовало (за исключением нескольких утраченных камней и жемчужин) окладу иконы, которая по каталогу значилась поступившей в музей в 1931 году из соседней с Ильинской церкви Космы и Дамиана (ЯМЗ-795). Действительно, в 1930 году летний храм Космодемьянского прихода был уже разобран, и в церковь Ильи Пророка поступали иконы и утварь из закрываемых и сносимых памятников. Видимо, по этой причине и произошла ошибка в записи: ильинский образ отнесли к иконам из церкви Космы и Дамиана. На наш взгляд, в происхождении иконы из Ильинского храма можно не сомневаться¹⁶.

Храмоздатели дорожили молennыми иконами, в «Книге церковного строения» они наказывали со всей строгостью: «и в те иконы и складни никому не вступатися и своими не называть, и из церкви не выносить ни попам, ни дьяконам, ни иным причетникам, ни роду их, ни племени, и никому до тех икон дела нет. Быти в церкви всем тем... иконам вечно». Однако завещание Скрипиных не было соблюдено. При устройстве новых иконостасов иконы размещались в другом порядке, одни были уbrane в ризницу, другие переписаны, а некоторые даже проданы. В приходно-расходной книге за 1738 год имеется такая запись: «Апреля 21 дня из церкви святого Пророка Ильи старосты церковные Иван Семенович Холщевни-

ков, Матвей Ильич Деревнин, по приговору и за подpisанием рук приходских людей, продали из церквей святых образов. За все взяли пятьдесят рублей»¹⁷.

Иконы первого иконостаса

И. П. Болотцева, посвятившая в своих работах много строк комплексу икон Ильинского храма, отмечала их «огромную значимость не только для ярославского, но для всего русского искусства XVII в.» и признавала, что они «стали своеобразным камертоном в оценке художественного мастерства многих поколений ярославских иконописцев» и «авторитетнейшим кругом образцов, которыми пользовались местные художники вплоть до конца XIX в.».

Состав иконостаса центрального храма указан в скрипинской описи:

«В большой церкви Святого Пророка Ильи церковного строения:

Божия милосердия иконы деисус 4 пояса:

1. Первои пояс деисус 17 икон.
2. Праздников владычных 16 икон.
3. Пророков 17 икон.
4. Праотцев 15 икон».

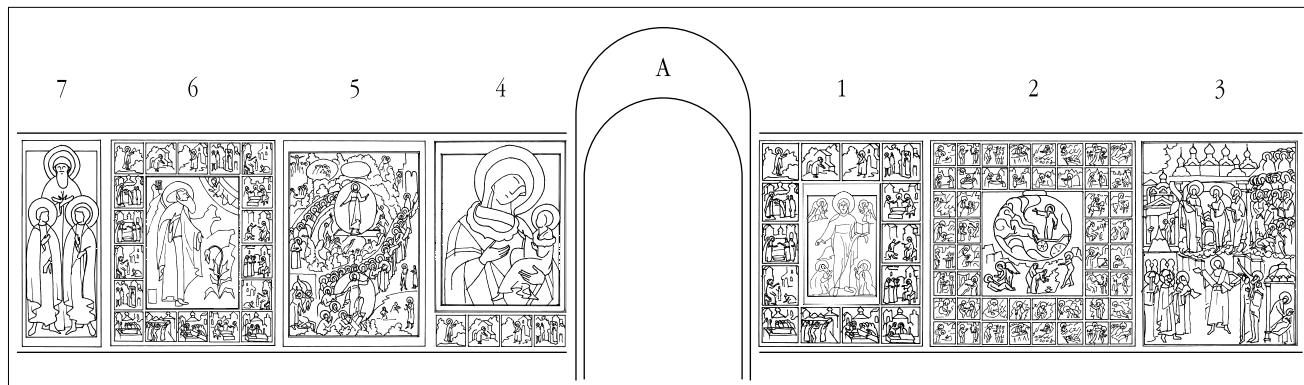
По мнению Т. Е. Казакевич, главным исполнителем центрального иконостаса был Стефан Евфимиев Дьяконов (Духовской) — опытный ярославский мастер, принимавший участие в росписях церкви Николы Надеина (1640), Успенского собора Московского Кремля (1642), Успенского собора Княгинина монастыря (1647). В описи Скрипиных он значится автором иконы Печерской Богоматери (ЯМЗ-41381)¹⁸.

Первым помощником у Стефана Дьяконова был, по всей вероятности, его брат Иван, хотя в описи он указан автором только одной иконы — Архангела Михаила — Ризоположенского придела. В 1652 и 1660 годах он в качестве кормового иконописца первой статьи участвовал в росписи Архангельского собора Московского Кремля, но по челобитной был отпущен в Ярославль, где после пожара 1658 года велись большие работы по «церковному строению». Его поставили «над иконниками и над деревщиками, которые делают иконные деревья» в Успенский собор и Казанскую церковь женского монастыря. В это же время он становится дьяконом ярославской церкви Сочествия Святого Духа и, с его слов, уже «стенного письма не писал, да и иконного не пишет». Но исключения все-таки случались: в 1692 году Иван Евфимиев по заказу митрополита Иоасафа написал храмовую икону «по старому знамени» для ростовского Успенского собора¹⁹.

Наиболее подробно Скрипины перечисляют, описывают, называя иногда имена мастеров, иконы нижнего, местного ряда.

Он имел четкое построение — высота царских врат три метра, боковых дверей — около двух метров, местных икон — 1,60–1,65 метра²⁰. В этот размер не укладывались только две иконы «старого строения» — Варлаама Хутынского и Богоматери Тихвинской, к которым были «подставлены доски» с клеймами.

Первые изменения в составе местного ряда, судя по пометам братьев, произошли уже вскоре после создания иконостаса. Три иконы — Покрова Богоматери, Варлаама Хутынского и ярославских князей Федора,

Реконструкция местного ряда иконостаса церкви Ильи Пророка
по «Книге церковного строения» Скрипиных:

A — царские врата; иконы: 1 — Спас с предстоящими; 2 — Огненное восхождение Пророка Ильи; 3 — Покров Богоматери (позднее — Богоматерь Федоровская); 4 — Богоматерь Тихвинская; 5 — Воскресение (не сохранилась); 6 — Варлаам Хутынский (позднее — София — Премудрость Божия); 7 — Федор, Давид и Константин (позднее — Происхождение Честных Древ)

Давида и Константина — вычеркнуты в описи, их поместили в теплой церкви, а вместо них указаны иконы Федоровской Богоматери, Софии — Премудрости Божией и Происхождение Честных Древ Креста Господня²¹. Образ Софии, по преданию, был особо почитаем храмоздателями.

Но эти перемены в облике иконостаса были не последними. 10 июня 1658 года Ярославль испытал страшное бедствие, на него обрушился пожар, известный под названием «великого». Начался он неподалеку от церкви Ильи Пророка — «в большом (Земляном. — *T. P.*) граду», близ реки Волги, от сильного ветра пламя полилось по строениям. Вскоре огонь, «объде весь град», перекинулся в Рубленый город и даже в закоторосльные слободы. Потрясение от стихии было настолько сильным, что нашло отражение в двух сказаниях о пожаре. Вот что писал очевидец: «О, страшного видения, братие! Воссташе в то время буря велия, и тресковения слышася яко гром, яко людей, скоты, сосуды, изнесенные вон имения, бревна и доски поимаше с земли и вметаше оно во огонь, ово же в воду, и бе страшно видети, яко слияся пламень над всем градом»²².

Последствия пожара были опустошительными для Ярославля: сгорело 29 приходских церквей, торговые ряды, городская деревянная стена, 1480 домов. Церковь Ильи Пророка оказалась на пути огня, но выстояла. Тем не менее от высоких температур деревянная «крыша погоре», многие иконы пострадали, и возникла необходимость поновления иконостасов. Найти мастеров в Яро-славле было трудно из-за большого объема работ по восстановлению храмов, поэтому Скрипины обратились к талантливому иконописцу Федору Зубову, творчество которого они могли оценить, бывая по торговым делам в Великом Устюге.

Федор Зубов

Федор Зубов, уроженец Усолья Камского, получил первые навыки иконного письма, как полагают исследователи, в строгановских монастырских мастерских. В начале 1650-х годов он перебрался в Великий Устюг. Этот город был крупным художественным центром русского Севера, где работали, кроме местных, строгановские и

Федор Зубов. Илья Пророк в пустыне. 1672 г. Ныне — в собрании ЯХМ
Фотография А. Н. Севастьянова

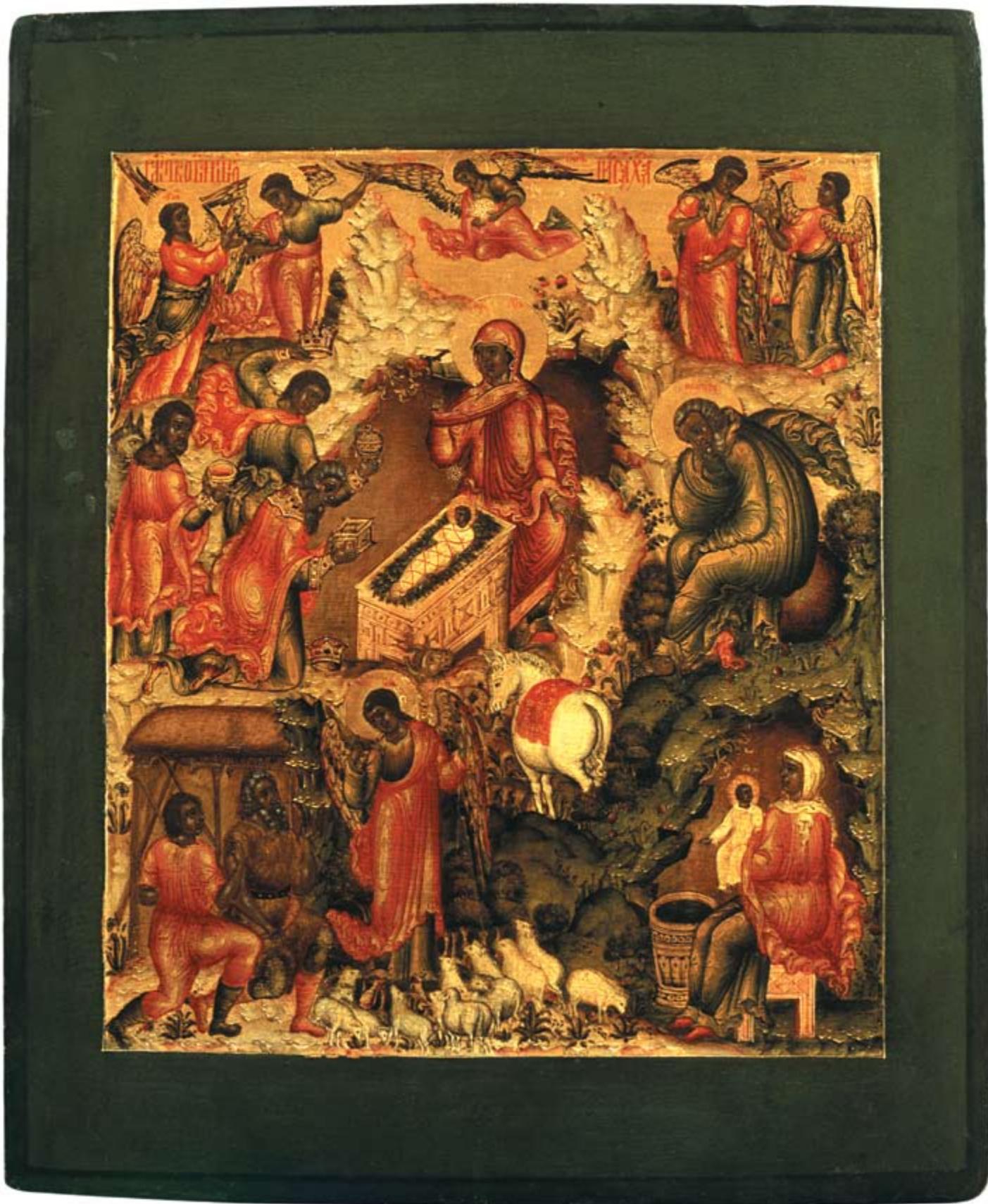
Богоматерь — Гора Нерукосечная
Икона XVII в. Ныне — в собрании ЯМЗ
Фотография А. Н. Севастьянова

Серафим Саровский. Икона начала XX в.

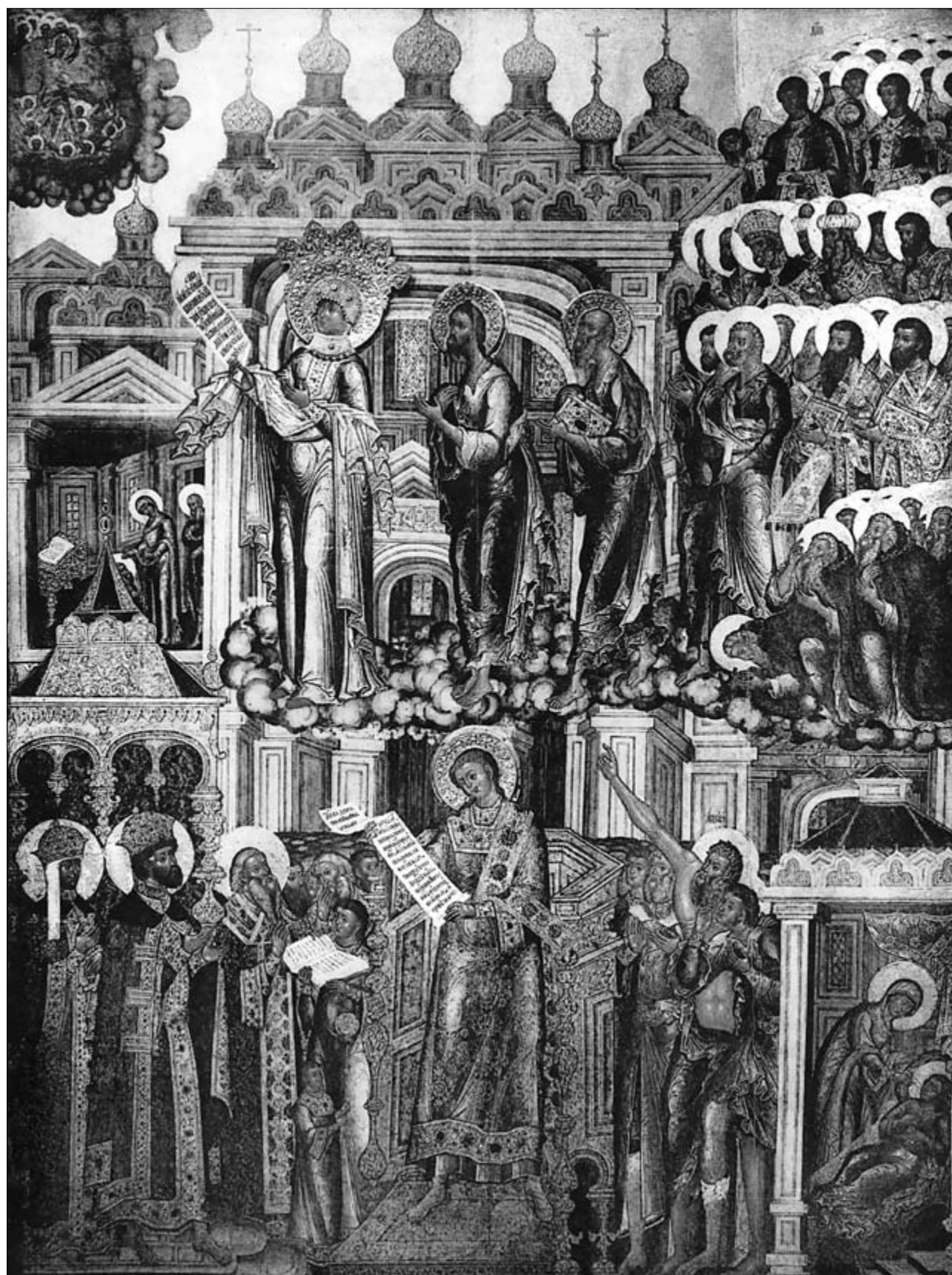
Ныне — в собрании ЯМЗ

Фотография А. Н. Севастьянова

ЯХМ

Круг Гурия Никитина (?). Рождество Христово. 1680-е гг. Ныне — в собрании ЯХМ

Федор Зубов (?). Покров Богоматери. Икона местного ряда центрального иконостаса. 1660–1662 гг.
Из книги И. А. Вахромеева

ЯМЗ

Варлаам Хутынский в житии. Составная икона: средник — XVI в.; клейма — середина XVII в.
Ныне — в собрании ЯМЗ

московские мастера и где сложился собственный стиль иконописи — изысканный, миниатюрный, орнаментальный. Здесь Федор Зубов становится записным устюжским изографом и создает иконы для храмов Великого Устюга, Антониево-Сийского монастыря, принимает участие в создании рисунков-образцов для Сийского иконописного подлинника; мастера не раз вызывали в Москву для иконных дел и стенного письма. В. Г. Брюсовой, автором монографии о художнике, ярославский период творческой жизни Федора Зубова признан одним из наиболее продуктивных.

Выбор храмоздателей не был случайным, как и во всем, что касалось их храма. Для своей домашней молельни Скрипины приобретали, как уже говорилось, работы мастеров, писавших иконы для Строгановых (Истома Савин, Назарий Истомин). Для столь ответственного дела, как восстановление пострадавшего в огне иконостаса, они пригласили иконописца, сформировавшегося под влиянием строгановских мастеров. Характеризуя их «пошиб», Н. Г. Первухин отмечал, что он «типичен наклонностью к узорной роскоши иконы, что особенно сказывалось в сложной компоновке палат и драпировок, а также пристрастием к иконной миниатюре, в которой строгановцы порой достигали изумительного совершенства».

Именитые люди Строгановы, по сути, являлись первыми русскими меценатами, происходившими не из высших слоев русского общества, а из купеческого сословия. По размаху, щедрости, качеству исполнения «церковного строения», будь то возведение храмов, создание первоклассных произведений церковного искусства, а это и иконы, и лицевое шитье, и драгоценная утварь, Строгановы уступали в конце XVI — первой половине XVII столетия разве лишь царям. Они служили примером той высоты, на которую может подняться художественная храмоздательная деятельность посадских людей. Избрание Скрипинами такого ориентира в работах по украшению своего храма становится понятным²³.

Скрипины рассчитывали на полное обновление Федором Зубовым иконостаса в главном храме: мастер должен был исполнить «двери царские и местные иконы и деисусы» (деисусом называли в то время весь иконостас). В январе 1660 года они перевезли из Сольвычегодска мастера с семьей в Ярославль. Но не успел иконописец всерьез приступить к работе, как 10 февраля из Москвы пришла грамота царя Алексея Михайловича, адресованная воеводе Василию Яковлевичу Унковскому: «В прошлых годах до моровова поветрея был у наших иконописных дел иконописец с Устюга Великого Федор Евтифиев, а ныне он Федор от наших иконописных дел бегает, живет по городам в хоронах. А ныне ведомо нам про него Федора учинилось, что он Федор живет в Ярославле у гостя нашего у Аникея Скрипина. И как к вам сея наша Великого государя грамота придет и вы б тотчас иконописца Федора Евтифиева взяв в Ярославле у гостя нашего Аникея Скрипина и дав ему подводы, прислали к нам государю нарочно с приставом»²⁴.

В ответ на государеву грамоту Иоанникий Скрипин отправил 25 февраля в Москву челобитную (кстати, это было последнее послание храмоздателя, меньше чем через месяц его не стало), где написал: «в Ярославле волею Божиего выгорела каменная церковь твоего государя богомолья Покрова Пресвятые Богородицы, иконы местные и царские двери и деисус и все церковные иконы в ней пригорели ... нашел я, холоп твой, у Соли Вычегодской иконописца Федора Евтифиева писать иконы в тое церковь твоего государева богомолья к Покрову Пресвятые Богородицы, и деньги ему наперед дал не малые, чем ему от Соли подняться и долги свои заплатить, и привез я того иконописца с женою и с детьми от Соли Вычегодской в Ярославль на своих подводах ... не вели государь того иконописца выслать к Москве, покамест он в твоем государевом богомолье у Покрова Пресвятые Богородицы церковные иконы напишет».

Федор Зубов (?). Апостольская проповедь. 1660–1662 гг. Ныне — в собрании ЯМЗ
Из книги И. А. Вахромеева

Царь Алексей Михайлович удовлетворил просьбу Иоанникия Скрипина, но Василий Унковский тем не менее настаивал на отъезде Федора Зубова в Москву, и в работе над Ильинским иконостасом наступил перерыв. Через неделю после первой челобитной, 1 марта, к царю повторно отправляется жалоба, на этот раз пишет уже Вонифатий Скрипин: «И ныне государь в Ярославле воевода Василий Яковлевич Унковский твоей государевы грамоты не слушает, взял по нем Федоре поручную запись, что стать ему на Москве в Оружейном приказе, и из Ярославля к Москве сильно высылает и в твоем царском богоилье у Покрова Пресвятые Богородицы иконное письмо остановил», на обороте этой челобитной имеется помета царя Алексея Михайловича: «Не высылать до тех мест, покаместо иконы допишет».

За два лишним года, которые пробыл в Ярославле Федор Зубов, он, надо думать, не только поправил пострадавшие от огня иконы, но и создал для иконостаса церкви Ильи Пророка несколько новых. Среди исследователей до настоящего времени нет единого мнения, какие именно, но чаще всего с Федором Зубовым связывают иконы местного ряда центрального иконостаса: «Благовещение Богоматери» (ЯМЗ-41305), «Покров Богоматери» (ЯМЗ-41306), «Иоанн Предтеча — ангел пустыни» (ЯМЗ-41310), «Вознесение Господне» (ЯМЗ-41309), храмовый образ «Илья Пророк в пустыне» (ЯМЗ-41321), а также «Знамение с предстоящими» (ЯМЗ-41452) из иконостаса Покровского придела и пристенную икону «Апостольская проповедь» (ЯМЗ-41527). Эти произведения, приписываемые мастеру, объединяет «удивительное ощущение красоты и изящества, легкости и просторности чудесного, созданного им мира».

Федор Зубов (?). Благовещение. Икона местного ряда центрального иконостаса. 1660–1662 гг.
Из книги И. А. Вахромеева

20 августа 1662 года, через десять месяцев после смерти Вонифатия Скрипина, Федор Зубов был взят «к государеву иконному делу» из Ярославля в Москву, где работал «беспрестанно денно и нощно»: писал иконы и был у стенного письма в храмах Московского Кремля, монастырях — Чудовом в Кремле, Новодевичицем в Москве, Успенском в Холмогорах, в государевых хоромах, а также чинил образа, расписывал царицынскую колымагу, расцвечивал «Житие Василия Нового», олифил сундуки, покрывал суриком печи и выполнял многое, многое другое. Зубов часто был организатором больших по объему работ, составлял на них сметы. В 1668 году он, как «доброй в иконном художестве» мастер, получил от царя пожалование в 30 рублей на дворовое строение. В феврале 1689 года Федор Зубов умер, пребывая более сорока лет в иконописцах Оружейной палаты, его творчеству посвящено немало искусствоведческих работ. Сыновья Федора Зубова, Иван и Алексей, стали известными граверами Петровского времени²⁵.

Трудно переоценить влияние икон Федора Зубова на творчество местных мастеров. Достаточно сказать: редко в каком из ярославских храмов последней трети XVII века не стояла икона, выполненная по их образцу, а в настенных росписях встречались и отдельные изображения, и целые циклы, заимствовавшие тематику и стилистику зубовских икон.

Состав центрального иконостаса, сложившийся при Федоре Зубове, в последующие годы изменялся незначительно (так, в 1690-х годах в местный ряд поставили моленную икону Богоматери Знамение, для которой была создана рама с клеймами) и к концу XVII века оформился окончательно. Таким он предстает и в настоящее время, за исключением икон моленного ряда.

Пристенные иконы

В русских храмах иконы ставятся не только в иконостасах, но и в алтаре, на аналое, около стен, вокруг столбов. Так было и в церкви Ильи Пророка. Скрипины в своей описи среди пристенных указали с правой стороны иконы: Спаса Нерукотворного, «на ней же, под Нерукотворенным, Не рыдай мене, Мати, а около писаны чудеса Нерукотворенного 16 мест» (ЯМЗ-40899); Николая Чудотворца; Похвалы Богоматери (ЯМЗ-41523); с левой стороны (в завороте иконостаса): образ Пророка Ильи — «старинный, поновлен». Кроме того, вдоль стены при храмоздателях были размещены иконы «старого приходского строения»: уже упоминавшиеся 12 икон «месяцев», а также Воскресение Христово и Апокалипсис, «писан на трех иконах».

Проследить движение пристенных икон в храме довольно сложно, они чаще иконостасных меняли место: их переносили в приделы, ставили вокруг столбов; помочь в этом могут описи церковного имущества. Сохранились, кроме скрипинской, еще две описи церкви Ильи Пророка. Первая была составлена при священнике Николае Пятницком (служил в храме с 1888 по 1918 год), именно по этой описи в начале 1920-х годов Ильинский храм передавался со всем наличным имуществом в ведение Ярославского подотдела по делам музеев. Вторая опись была составлена 1 октября 1925 года заведующим отделом древнерусского искусства Ярославского краеведческого музея Василием Александровичем Перцевым. Именно эта опись, скорее всего, передает истинное размещение икон и утвари в церкви Ильи Пророка ко времени ее закрытия²⁶.

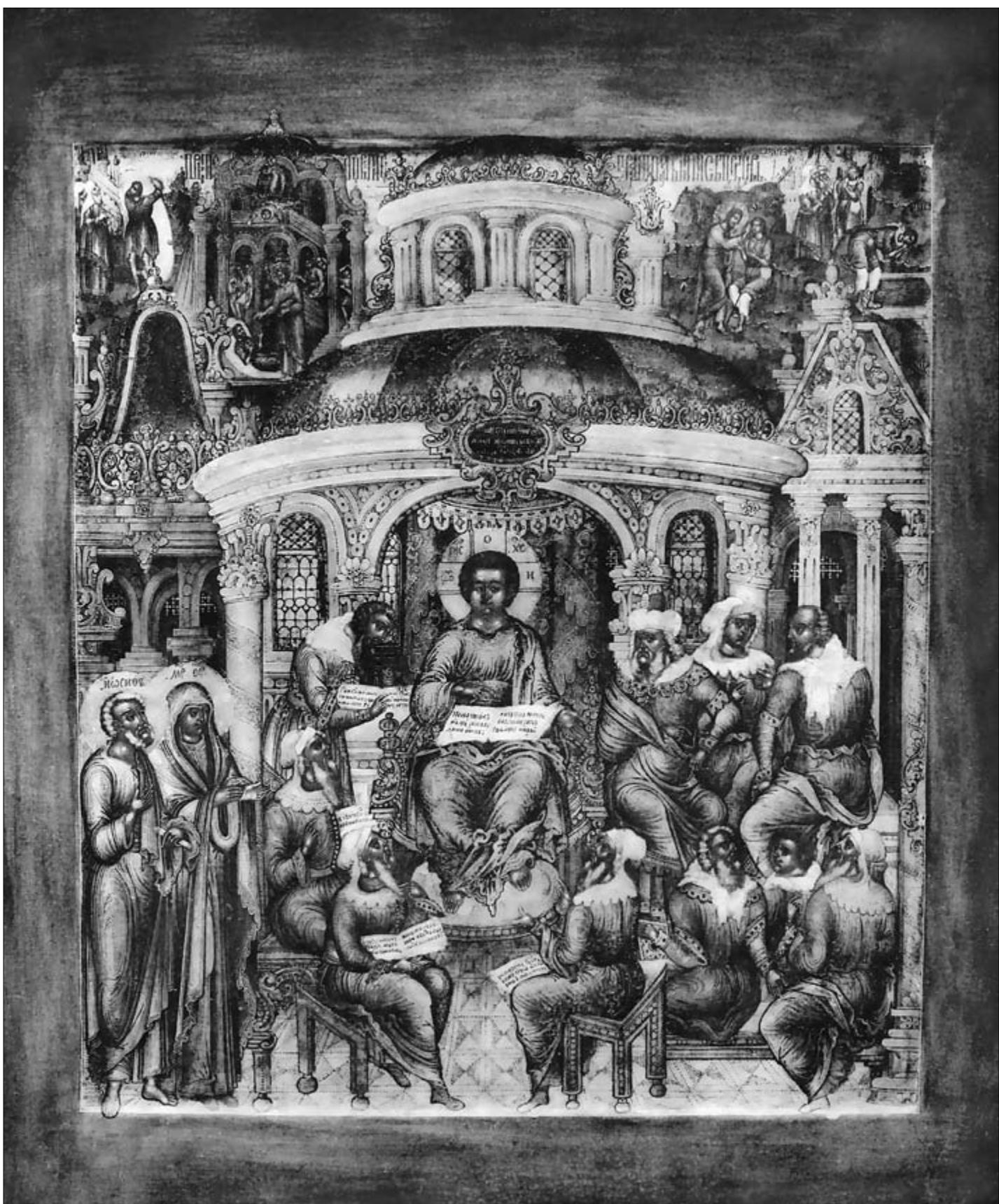
Федор, Давид и Константин. Икона XVII в. Ныне — в собрании ЯМЗ
Из книги И. А. Вахромеева

Богоматерь Толгская. Икона XVII в. Ныне — в собрании ЯМЗ
Из книги И. А. Вахромеева

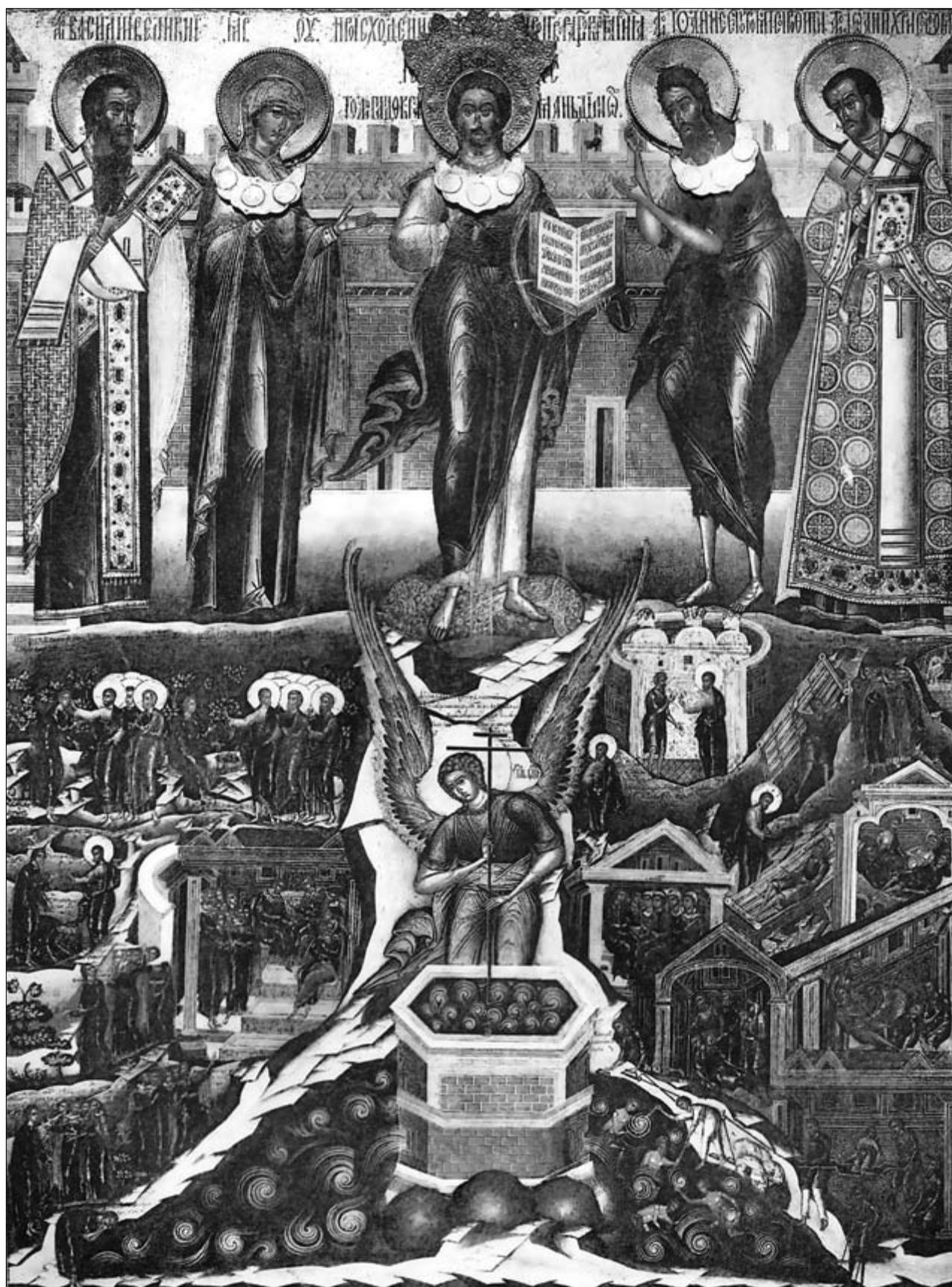
Богоматерь Владимирская. Конец XVII — начало XVIII в. Ныне — в собрании ЯМЗ
Из книги И. А. Вахромеева

Преполовение. Икона XVII в. Не сохранилась
Из книги И. А. Вахромеева

Похвала Богоматери. Икона XVII в. Ныне — в собрании ЯМЗ
Из книги И. А. Вахромеева

Происхождение Честных Древ Креста Господня. Икона XVII в. Ныне — в собрании ЯМЗ
Из книги И. А. Вахромеева

«Предста Царица». Икона XVII в. после реставрации (2000). Реставраторы Н. В. Коновалова, Т. В. Никулина
Фотографию предоставила И. А. Ивенская

Иконостас и иконы Покровского придела

Первоначальный иконостас Покровского придела, если судить по описи Скрипиных, был одноярусным. В 1695 году его заменили на новый, выполненный в стиле «московского барокко». Подрядную запись на его сооружение заключил земский староста Иван Назарьев Мякушкин. Надо полагать, он был в то время старостой церкви Ильи Пророка, в чьи обязанности входила организация всех сторон хозяйственной деятельности прихода, а также забота по содержанию и благоустройству храма. И Иван Назарьев Мякушкин, и его предки издавна проживали неподалеку от Ильинской церкви. В Переписной книге Ярославля 1646 года в Никольской сотне значится «двор посадского человека Назария Мокеева сына Мякушкина — у него дети Ивашко...».

Имя Мякушкиных встречается во многих исторических актах Ярославля XVII и XVIII веков, это был разветвленный местный купеческий род, представители которого занимали важные выборные должности в городе.

Одним из деятельных и богатых граждан Ярославля начала XVII века был Гавриил Евфимов Мякушкин. В 1615 году он, будучи земским старостой, стал одним из основателей Афанасьевского монастыря, в 1620 году его избрали земским целовальником — сборщиком таможенных пошлин. А Иван Назарьев Мякушкин в начале XVIII столетия являлся ярославским таможенным бурмистром — руководителем таможни. Для несения этих выборных должностей требовались особые качества — честность, грамотность, зажиточность, поскольку таможенные головы и целовальники своим личным состоянием отвечали за недоборы.

Сферой деловых интересов Мякушкиных было кожевенное ремесло и торговля. Так, уже упомянутый Назарий Мокеев имел в Никольской сотне отдельный кожевенный двор, где работало двое работников: один кабальный, другой — женатый на принадлежавшей Назарию татарке²⁷.

Мякушкины оставили след в истории Ярославля и как храмоздатели: в 1688 году на средства Ивана Иванова Мякушкина была построена каменная холодная церковь Рождества Христова Леонтьевского прихода, а в 1696–1705 годах старанием Ивана Назарьева Мякушкина — каменный Спасо-Пробоинский храм.

Родовое имя этой семьи запечатлелось даже в топографии города: поблизости от их владений на берегу Волги начинался спуск к реке, который старожилы до сих пор называют Мякушкинским. А в 1742 году в каменном доме, принадлежавшем Николаю Иванову Мякушкину, поселили отправленного в ссылку герцога Бирона, в недалеком прошлом всесильного фаворита царицы Анны Иоанновны. Он прожил со своим семейством 19 лет в усадьбе ярославского купца, пока та не выгорела.

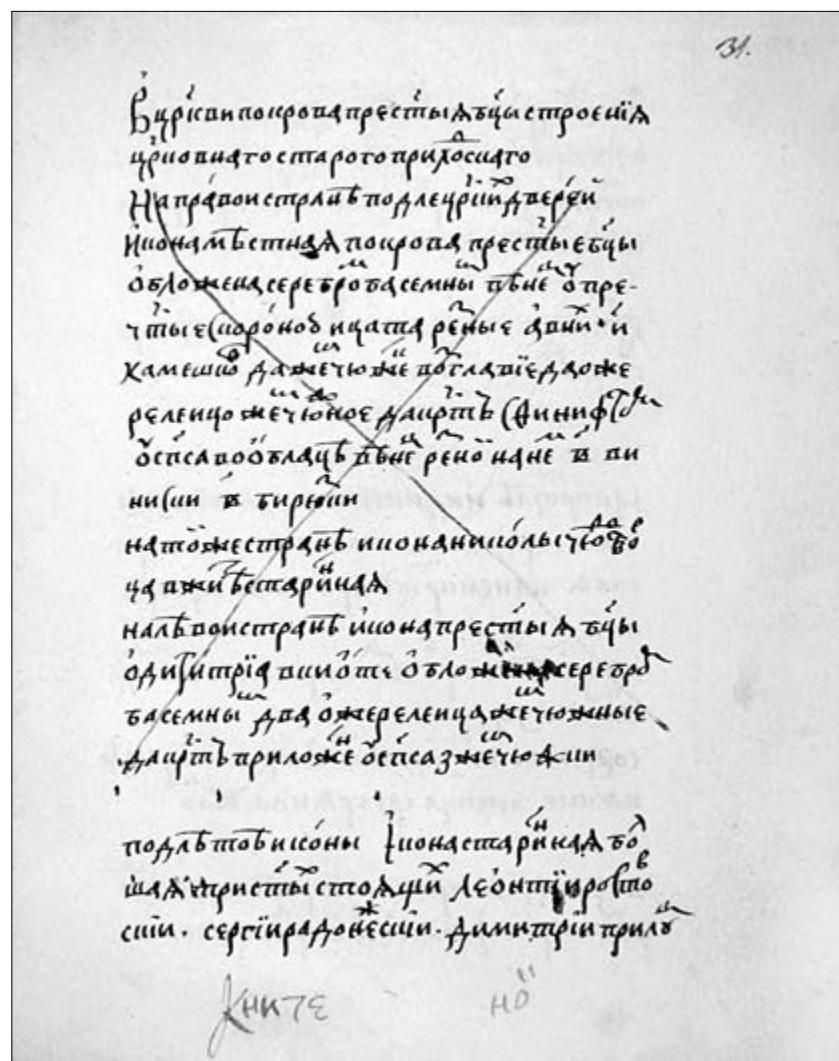
Подрядная запись на постройку Ильинского иконостаса была заключена Иваном Назарьевым Мякушкиным со столяром Толчковской слободы Ильей Яки-мовым 14 сентября 1695 года. Сохранился текст этого примечательного документа, где досконально прописаны этапы и условия предстоящей работы. В нем не только указано, каким должен быть иконостас: «по обе стороны через всю церковь и на заворотах, и амвон столярною флемованною работою», но и названы образцы: «а те царские двери сделать против царских же дверей, как сделаны в холодной церкви в Ярославле у Благовещения Пресвятой Богородицы слово в слово, по размеру. А над теми царскими дверьми вместо шпренгеля поставить фрамуг в циркуль, как в церкви у Леонтия Чудотворца, над царскими дверьми, да иконостас во всю церковь, и в заворот со обоих сторон по киоты. А столбы во всем иконостасе и у царских дверей круглые, флемованною работою, а каптели резные,

а з скрынки против Леонтьевских, и дверь северная, а над нею фрамуга также, как в церкви у Леонтия Чудотворца, и над всеми киотами гzymзы, как в Леонтьевском иконостасе». Заказчик, как видно, прекрасно разбирался в тонкостях столярного дела, не забывая указать, какими должны быть и «гzymзы» (карнизы), и «каптели» (капители) столбов и как оформить завершение царских врат — не «шпренгелем» (щитком), а «фрамугой» (нишей).

Из записи следует, что для работы столяру предоставлялись разные породы дерева — дуб, липа, сосна. Иван Мякушкин многократно оговаривает высокое качество работы: «и во всем иконостасе, и царские двери, и столпы, и тунбы работать самым добрым мастерством, безо всякой охулки», и честность резчиков: «лесу, и kleю, и гвоздей от того дела себе, мне Илье и товарищам моим, кто станет со мною делать, не иметь, и ни с кем не ссужаться, и утайки у того дела лесу и kleю и гвоздям не чинить».

Работу Илья Якимов подрядился выполнить у себя на дворе в три месяца (с 14 сентября по 6 декабря) за «двенадцать рублей», которые полагалось отдавать частями, за каждый этап: «тунбы отдаю — взять два рубля; царские двери отдаю — взять два рубля» и т. д. В подрядной записи оговаривались даже такие детали, как питание мастеров: «и пить, и есть мне Илье и товарищам моим свое». За невыполнение условий договора полагались суровые штрафные санкции: «а буде я Илья того вышеписанного дела против сей записи всего сполна самым добрым мастерством не сделаю ... или в чем-нибудь против сей записи я Илья не устою, — и на мне Илье взять ему Ивану, и на жене моей, и на детях по сей записи за неустойку тридцать рублей денег»²⁸.

Якимовский иконостас, к сожалению, не сохранился и был заменен новым, выполненным в конце XIX века, его цокольную часть украшают расписные деревянные панели, а декорация стилизована под плоскую резьбу XVII столетия. Одноярусный иконостас дополнен двумя рядами изображений праздни-

ЯМЗ

«Книга церковного строения»
Опись икон и утвари Покровского придела

ков, написанных на алтарной преграде. Подобные комбинированные иконостасы не были редкостью в ярославских храмах.

В приделе Покрова Богородицы Скрипиними были поставлены иконы «строения церковного старого приходского»: на правой стороне, возле царских дверей, — Покрова Богоматери, рядом — Николы Чудотворца «в житье, старинная»; на левой стороне — Богоматери Одигитрии и икона «старинная большая» Леонтия Ростовского, Сергия Радонежского, Димитрия Прилуцкого. Ни одна из этих икон, кроме Покрова, перенесенного позднее в центральный храм, не сохранилась. Иконостас Покровского придела был вначале составлен, как следует из описи, из случайных икон старого строения, даже набор богослужебных предметов здесь значился старый, оловянный. Изменения произошли еще при Скрипинах — все иконы и вся утварь в описи ими перечеркнуты, и только к началу XVIII века Покровский иконостас практически полностью был завершен.

Два образа местного ряда связаны с именем Федора Зубова. Мастер считается автором иконы «Знамение с предстоящими святыми Стефаном Сурожским, Леонтием Ростовским, Филиппом, Петром, Алексеем, Ионой, митрополитами Московскими» (ЯМЗ-41452). Подобный тип иконы Богоматери Знамение с избранными святыми был одним из самых распространенных в иконографии Новгорода и воспринимался новгородцами как символ покровительства высших сил их родному городу.

Второй образ — Покрова Богоматери (ЯМЗ-41449) — скопирован с иконы Федора Зубова из центрального иконостаса. Его и царские врата (ЯМЗ-41450/1,2) исследователи относят ко времени создания покровского иконостаса.

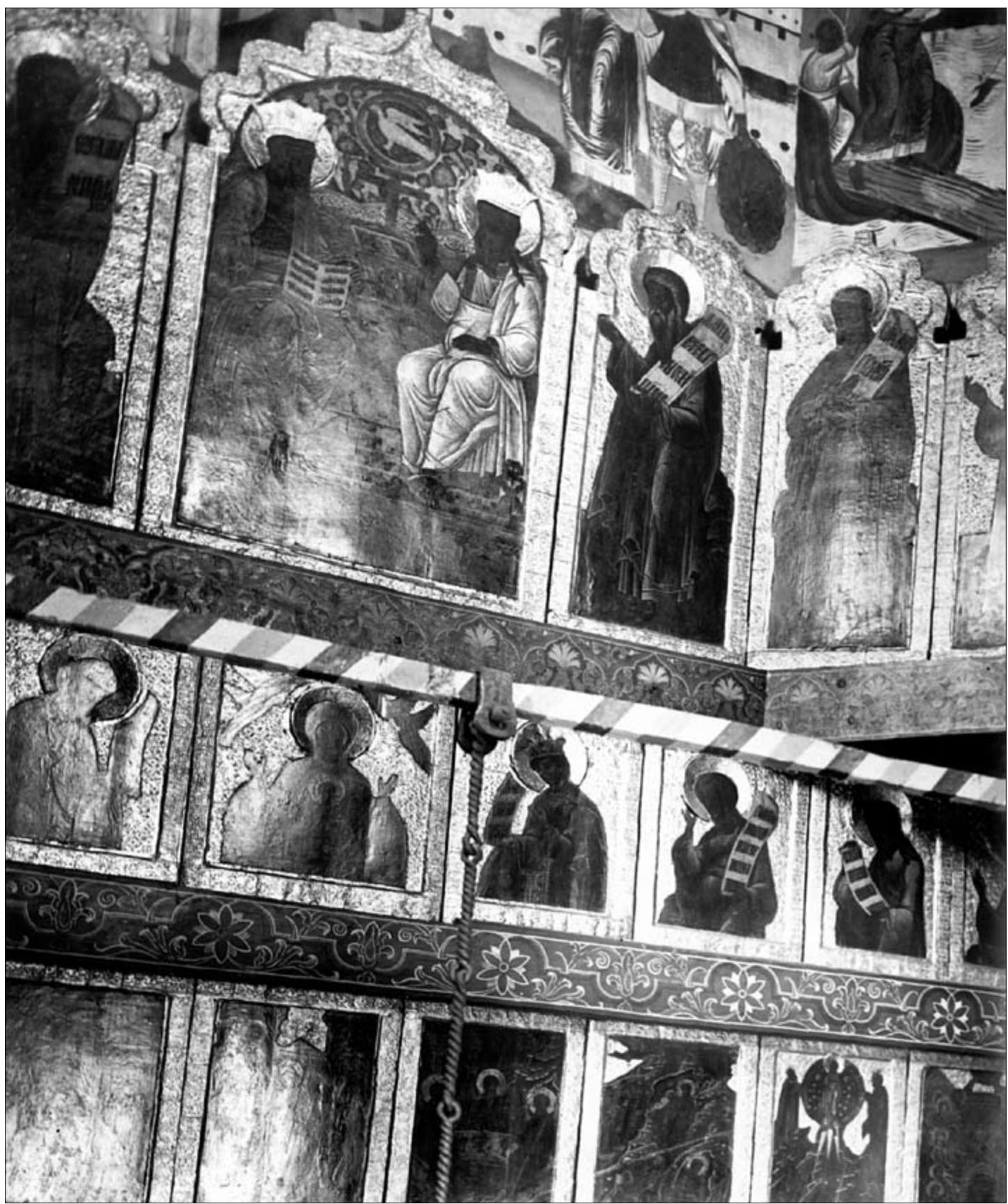
Указанные в «Книге церковного строения» иконы Спаса Нерукотворного и Богоматери Тихвинской в трапезе Покровского придела значатся и в описи В.А. Перцева, но сейчас их местонахождение неизвестно, как неизвестна и судьба иконы «Варлаам Хутынский в житии на трех досках».

Ризоположенский иконостас

Второй многоярусный иконостас, оснащенный, как и центральный, полностью, был заказан храмом здателями для Ризоположенского придела. Это единственный иконостас в храме, сохранивший с незначительными утратами первоначальный облик: к середине XVII века относятся и царские врата, и тябла (кроме нижнего — оно было сделано по типу древнего во время реставрации в начале XX века), и четыре верхних ряда икон, которые украшены басменными медными посеребренными окладами.

В одно из поновлений, проводившихся в Ильинском храме, указывает священник Николай Пятницкий в своей книге о церкви, «древний иконостас этого придела был закрыт другим, позднейшего происхождения, одни из икон оставались на своем месте, другие же хранились в кладовой на колокольне. В 1902 году позднейший иконостас, с разрешения епархиального начальства, был пожертвован в село Станы Угличского уезда, для вновь построенной церкви, и взамен его восстановлен древний, причем иконы были промыты, также промыты и тябла, и по открывшимся на них орнаментам расписаны некоторые новые тябла, в тех местах, где они были уничтожены».

В верхних четырех рядах Ризоположенского иконостаса Скрипины указали только число икон: «В первом деисуса 19 икон, в другом праздников 20 икон, в третьем пророков 19 икон, в четвертом

ЯМЗ

Иконостас Ризоположенского придела
Фотография начала XX в.

Спас Смоленский. Начало XVIII в. Ныне — в собрании ЯМЗ
Из книги И. А. Вахромеева

праотец 13 икон. Все обложены медью, а на меди серебро и позолочено, а венцы серебряные басемные.

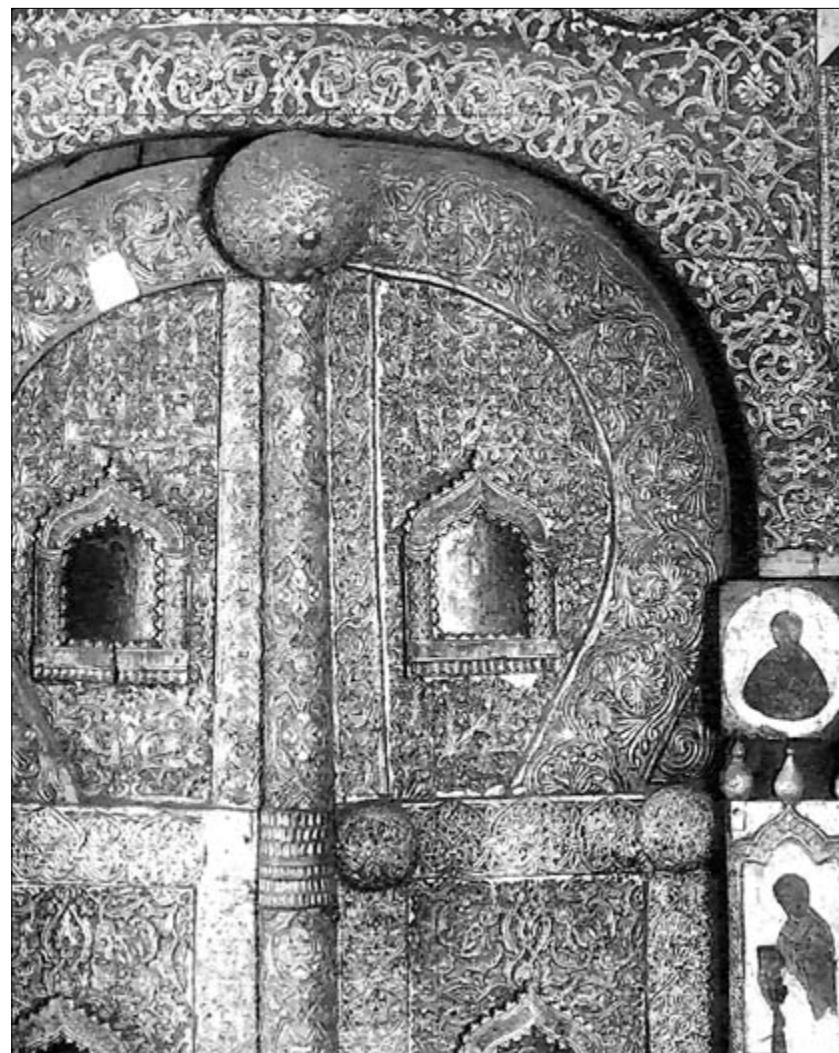
Над праотцы 33 херувимов, на белом железе: половина позолочена сусальным, другая посеребрена».

Вместо указанных Скрипины-ми девятнадцати икон деисусного ряда сейчас в иконостасе девять, но сохранившиеся держатели указывают, что икон этого ряда было больше и они, как в праздничном и пророческом, заворачивались на южную и северную стены. В 1975 году в Ризоположенском приделе произошла упомянутая кража — из двадцати икон праздников осталось только три.

В местном ряду, из перечисленных в «Книге церковного строения», дошли до нашего времени северная дверь с изображением «Чуда Архангела Михаила в Хонех» (ЯМЗ-41469), которая датирована И. П. Болотцовой 1620–1630-ми годами²⁹, и храмовая икона «Положение Ризы Христа в Успенском соборе» Петра Костромитина (ЯМЗ-41470). Скрипины назвали в описи еще двух мастеров местного ряда иконостаса Ризоположенского придела — Ивана Евфимиева Дьяконова-Духовского (икона Архангела Гавриила, справа от царских врат) и Марка Гущина (икона Архангела Михаила, слева от царских врат).

О костромском иконописце Марке Гущине известно немного — он был у стенного письма в московских Успенском (1642–1643) и Архангельском (1652) соборах. Умер в 1655 году в Костроме во время моровой язвы, унесшей жизнь многих костромских мастеров.

В 1660-х годах были созданы иконы Спаса Смоленского (ЯМЗ-45495) и Богоматери Страстной (ЯМЗ-45494), их поставили в местный ряд вместо двух икон архангелов. Похищенные в 1975 году, они, к счастью, были возвращены Ярославскому музею-заповеднику.

Фрагмент царских врат придела Гурия, Самона и Авива. XVI в.
Из книги Н. Г. Первухина

Иконостас придела Гурия, Самона и Авива

В приделе Святых Исповедников иконостас и иконы, по скрипинской описи, — «старого строения приходского»: с правой стороны от царских дверей помещалась икона Богоматери Толгской (ЯМЗ-41419), рядом — икона Гурия, Самона и Авива (ЯМЗ-41422); по левую сторону от царских врат — икона Ветхозаветной Троицы (ЯМЗ-41443); рядом — северная дверь, «на ней писано: Три Отроцы, Даниил Пророк в рове» (ЯМЗ-41418). Создание храмовой иконы и северной двери И. П. Болотцева отнесла к 1620–1630-м годам. Большая ценность придельного иконостаса — царские врата, украшенные низкорельефной резьбой, самые древние в Ярославле на настоящее время (датируются XVI веком). Они стояли еще в деревянной Ильинской церкви, Скрипины написали о них: «царские двери резные, старые»³⁰.

При храмоздателях иконостас придела был одноярусным, иконы двух верхних рядов были созданы в начале XVIII века.

Иконостас придела Варлаама Хутынского

Иконостас алтарного придела был тоже составлен из икон «приходского старого строения», о нем сказано в описи:

«Царские двери, сень, столбы — писаны на золоте.

Деисус, 7 икон того же деисуса.

5 икон поставлены тут же в приделе, вместо местных икон».

Поскольку других сведений об иконах нет, сказать что-либо о них трудно.

В придел Варлаама Хутынского из центрального храма, при перестройке иконостаса в конце XVII века, были перенесены царские врата «с отводными столбцами, писаны иконным письмом, обложены серебром басемным», они и доныне, как показала недавняя реставрация, прекрасно сохранились. Кроме того, еще в XVII веке постоянное место обрела в приделе икона Варлаама Хутынского. В 1680–1681 годах для церкви Ильи Пророка было создано несколько икон праздников мастерами, которые трудились над росписями под руководством Гурия Никитина. Эти иконы, размещавшиеся в иконостасе и на стенах придела, часто, как свидетельствуют описи храма и фотографии в книгах И. А. Вахромеева и Н. Г. Первухина, меняли местами. В настоящее время шесть из них хранятся в Ярославском художественном музее³¹.

Иконы запрестольные и «новоприбыльные»

Для алтарей церкви Ильи Пророка Скрипины заказали двухсторонние иконы (подобные иконы называли запрестольными, ибо их ставили в алтаре за престолом, они были выносными, поэтому изображения имелись с двух сторон иконной доски): в центральном храме была поставлена «во олтари икона запрестольная Пресвятой Богородицы Печерской, к ней молящие преподобные отцы Антоний и Феодосий Печерские. На другой стране Илья Пророк в горе» (сейчас хранится в Ярославском худо-

Богоматерь Знамение. Икона XVIII в. Ныне — в собрании ЯМЗ
Из книги И. А. Вахромеева

жественном музее); в алтарь Покровского придела — «икона запрестольная Богородицы Одигитрия, на другой стране Положение Господне во гроб, — обложена серебром басемным; венцы и цаты басемные»; в Ризоположенский придел — «икона запрестольная Богородицы Казанской. На другой стране Николин образ»; в алтаре придела Варлаама Хутынского находилась «запрестольная икона Знамение Богородицы; на другой стране писаны Илья Пророк, Варлам исповедник» (ныне — в коллекции Ростовского музея-заповедника)³².

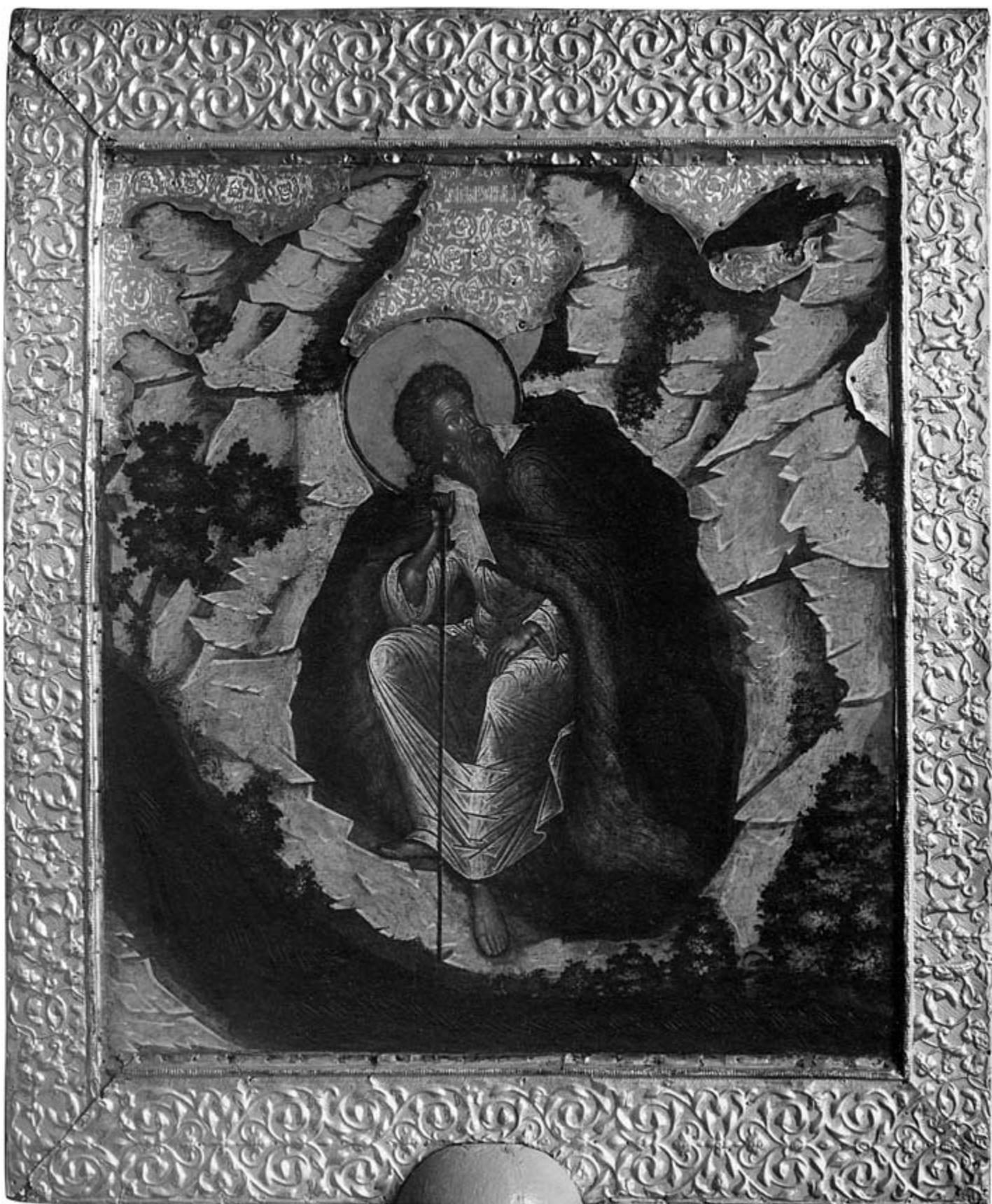
В XIX — начале XX века коллекция ильинских икон пополнилась незначительно: в 1836 году ярославский мастер Алексей Васильев Шеманаев написал для храма икону Митрофана Воронежского³³, в 1883 году чиновники Ярославской палаты государственных имуществ пожертвовали в храм образ Николая Чудотворца. В начале XX века, после канонизации Серафима Саровского в 1903 году, для нового иконостаса Покровского придела была создана икона этого святого (ЯМЗ-41454). Кроме того, по описи В.А.Перцева в Покровском приделе значится картина на полотне «Страшный суд с поучением», но ее происхождение и дальнейшая судьба неизвестны.

ПОНОВЛЕНИЯ ИКОН

Иконы ветшали от естественного старения, испытывали гибельное воздействие пожаров, разрушались от перепадов температуры и влажности. В таких случаях, еще с глубокой древности на Руси, иконы поновлялись. Так, в XI веке митрополит Иоанн в церковных правилах указывал, что когда иконы делаются ветхими, то надо не повергать их, а исправлять. В наставлениях мастерам по возобновлению старинных и обветшалых икон предлагалось: если «где-нибудь сойдут с нее краски, то наведи их вновь»³⁴.

Сведения об исправлении ильинских икон содержатся еще в описи Скрипиних. Так, они сообщают, что образ Ильи Пророка «старинный, поновлен». Позднее иконы, надо полагать, поновлялись одновременно с осуществлением тех или иных художественных работ в Ильинском храме: при выполнении настенной росписи, «исправлении» иконостасов и создании новых икон. Не всегда поновления икон производились «по старому, ничего не меняя», стиль записи зачастую отражал эстетические вкусы того времени, когда она производилась. Как уже упоминалось, это является одной из причин трудностей в атрибуции памятников.

Сохранились документальные свидетельства о поновлениях ильинских икон в 1820–1840-х годах опытными ярославскими иконописцами Василием Васильевичем и Михаилом Васильевичем Сарафанниками и Ефремом Сергеевичем Мухиным. Как следует из записей приходно-расходной книги храма, Василий Сарафанников в декабре 1829 года получил 25 рублей «при начатии им работы иконописной в теплой церкви», в декабре 1830 года с ним рассчитались за золочение иконостаса в этом приделе и возобновление стенного письма. В 1831 году ему выдали 15 рублей «за возобновление иконы местной Варлаама Хутынского», в 1837 году он поновлял икону Покрова Богоматери, в 1839 — «Аpostольскую проповедь»; его сыну Михаилу Сарафанникову в 1831 году оплатили работы по «исправлению» пяти икон центрального иконостаса (в книге названы иконы Саваофа, Богоматери Печерской), в 1836 — двенадцати икон праздников, запрестольных икон, северной двери главного иконостаса, образа Спаса в надпрестольной сени, в

ЯМЗ

Илья Пророк в пустыне. Икона двухсторонняя. Середина XVII в. Ныне — в собрании ЯХМ
Фотография из каталога фабрики Оловянишниковых

1837 — икон Покрова Богоматери, Иоанна Предтечи, Воздвижения Креста Господня, Похвалы Богоматери в центральном храме³⁵.

В 1840–1846 годах иконописец Ефрем Сергеев Мухин поновлял иконы центрального храма — Воскресение Христово, Федоровскую Богоматерь, Апостольскую проповедь, Тихвинскую Богоматерь, Николая Чудотворца; Ризоположенского придела — Спаса с предстоящими, Богоматерь Страстную; в Покровском приделе осуществил чистку иконостаса³⁶.

С конца XIX века реставрация ильинских икон производилась уже на новой, научной основе, ее главной задачей являлось «безопасное сохранение самих памятников», об этом мы расскажем в отдельной главе.

ОСНАЩЕНИЕ ХРАМА В XVII – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

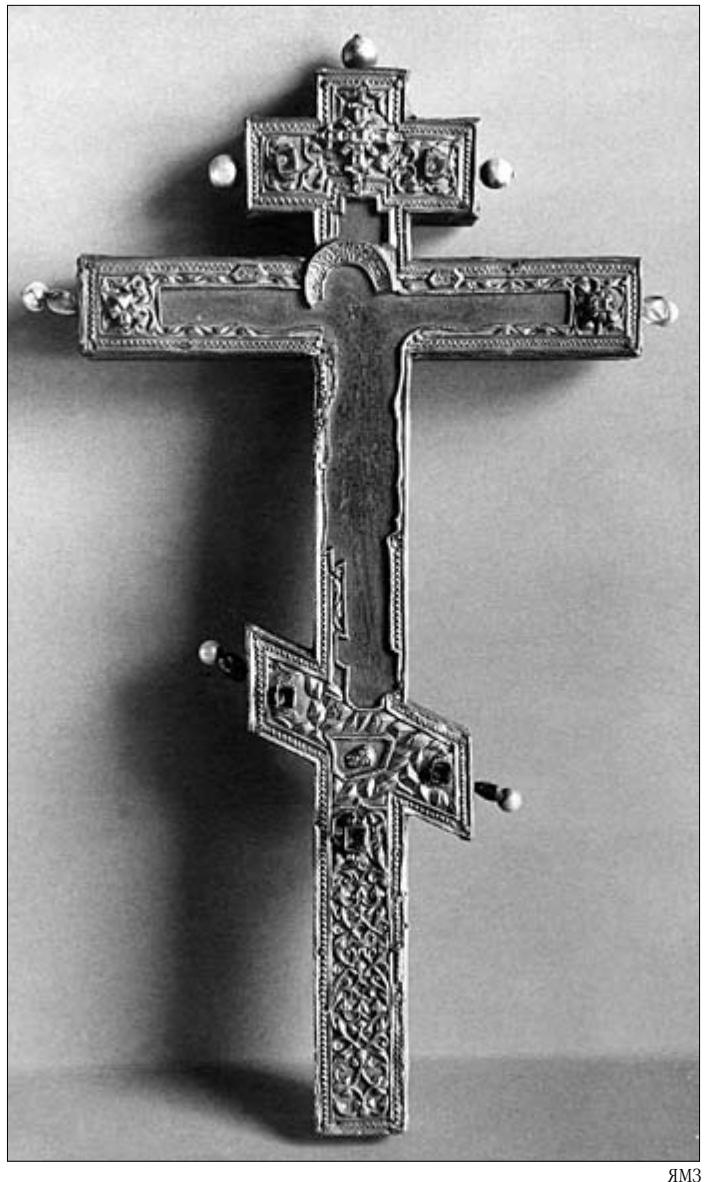
крипини за три года не только завершили строительство церкви Ильи Пророка, но и убрали ее с невиданной для того времени роскошью, заказав паникадила и колокола, драгоценные оклады икон и серебряную церковную утварь, покровы и пелены из атласа или бархата, златотканые священные облачения и оклады Евангелий, украшенные резьбой деревянные кресты и кованые личины замков. Все сделанное ими для храма было отмечено высочайшим мастерством и вкусом, чему свидетельство — произведения иконописи, резьбы, серебряного дела, сохраняющиеся ныне в самой церкви Ильи Пророка, в фондах Яро-славского музея-заповедника, ряда других музеев.

Утварь

В Ильинском ансамбле центральный храм, Ризоположенский и Покровский приделы имели свои наборы утвари, книг для богослужения, облачений. В «Книге церковного строения» братья Иоанникий и Вонифатий перечислили с необыкновенной тщательностью, указывая технику исполнения и описывая драгоценные украшения, все разнообразие серебряной и золотой утвари. Художественные достоинства этих изделий были высоки, недаром их выборочно сфотографировали и поместили в каталоге-прейскуранте фабрики церковной утвари известной фирмы «Товарищество П. И. Оловянишникова сыновья»¹.

Придел Гурия, Самона и Авива, как уже отмечалось, был обращен в ризницу Ильинского храма. Сосуды, кресты, Евангелия в серебряных окладах хранились, судя по описи В. А. Перцева, в шкафу с железной дверцей на южной стене придела, для некоторых предметов были сделаны специальные футляры.

К сожалению, почти все оклады икон и многое из утвари Ильинского храма не дошли до наших дней, именно в этой части своих сокровищ храм понес самые большие утраты. Достаточно назвать цифры: из ста пятидесяти предметов из драгоценных металлов, значившихся в описях церковного имущества XIX–XX веков (оклады икон и утварь), в собраниях Ярославского музея-заповедника и Оружейной палаты Московского Кремля находится всего одиннадцать². К счастью, музеинным сотрудникам в 1920-х годах удалось сберечь наиболее ценные произведения XVII века, имевшие вкладные надписи.

ямз

Напрестольный крест (лицевая сторона). 1657 г.
Из каталога фабрики Оловянишниковых

сия водоосвященная чаша в Ярославле в церковь Покрова Пресвятые Богородицы и святого пророка Божия Ильи на Пробойной улице». Большая по размеру водоосвятная чаша хранилась в обтянутом кожей деревянном футляре⁴.

В церковь Ильи Пророка еще при Скрипинах было поставлено напрестольное Евангелие «в переплете венецианского бархата», оклад которого — одно из прекраснейших произведений ярославского золотого и серебряного дела. На его лицевой доске отчеканены фигуры Спаса Вседержителя с предстоящими Богоматерью и Иоанном Предтечей и четырех евангелистов. По отвороту оклада вязью гравирована надпись: «В лето 7166 [1658] месяца марта в 1 день устроено сие святое Евангелие в богоспасаемом граде

Значительная часть сохранившихся предметов относится ко времени храмо-здательной деятельности Скрипиних. В «Книге церковного строения» братьями указан напрестольный крест и приведено его описание: «Крест благословенный, писан на кипарисе, обложен золотом чеканным и резным. А на нем вверху запона алмазная, три жемчуга бурминских больших. А на ручках две запоны алмазные же, да пять вставок изумрудных, два яхонта лазоревых, два лалика. А весу в нем дерева, золота и с каменьем фунт 38 золотников». На обратной стороне креста выгравирована надпись: «Сей крест Господен соделан в богоспасаемом граде Ярославле на Пробойной улице в церковь Покрова Пресвятые Богородицы и святого славного пророка Ильи в лето 7166-го [1658] году сентября в 1 день». Этот восьмиконечный крест с живописным Распятием в средокрестии, к сожалению, понес утраты: в описи В. А. Перцева значится, что три запоны и жемчуг изъяты в 1922 году, из всех перечисленных в «Книге церковного строения» драгоценных камней креста сохранились только три изумруда³.

В скрипинской описи значится также водосвятная чаша «серебряная, поддон ложчатой, на верхнем краю тропарь Во Иордани крещающущися Господи, да летопись 157 году, весом 10 фунтов 3 чети». Надпись, на которую указали Скрипины, гравирована вязью по кромке чаши: «Лета 7157 [1649] году сделана

Ярославле на Пробойной улице, положено в церковь Пресвятые Богородицы читимого славного пророка Илии к тема присовокупленными пределом Ризы Господа Бога»⁵.

В собрание Оружейной палаты Московского Кремля в 1920-х годах поступила братина, пожертвованная Иоанницием в Ильинский храм, на ней надпись: «Братина Аникия Иванова сына Скрипина пить из нее на здравие славя Бога»⁶.

Ко времени попечения о церкви Улиты Скрипиной относится изготовление чаши для малого освящения воды, дата во вкладной надписи на которой может вызвать удивление: «Лета 7191 [1683] построена сия чаша водосвятная церкви Покрова Пресвятые Богородицы и святого пророка Ильи в богоспасаемом граде Ярославле на Пробойной улице, а подаянием вдовы Иулиты Вонифатия Скрипина жены в помин души своей и прочих родителей своих». Ко времени завершения работы над чашей Улита Скрипина уже скончалась (1682) — вдова либо заказала ее незадолго до смерти (дата кончины Улиты — 8 июля 1682 года, а чашу могли исполнить в начале осени, но уже, по допетровскому летоисчислению, в 1683 году), либо чашу выполнили по ее завещанию⁷.

Еще три замечательных памятника ярославского ювелирного искусства XVII века из церкви Ильи Пророка сохранились почти в первозданном виде — это блюдо для благословения хлебов с надписью: «Блюдо церкви Пророка Ильи с Пробойной улицы града Ярославля»; кропило, или, как его называли в описях, «феник», датированное первой половиной XVII века; а также дискос — тарель звездчатой формы на поддоне, увенчанная гравированным орнаментом⁸.

Об иконе Казанской Богоматери в драгоценном окладе и двух ковчегах для хранения частицы Ризы Христа уже было сказано.

Среди многочисленных утраченных предметов драгоценного убранства церкви Ильи Пророка стоит упомянуть ее читимую святыню — золотой крест с мощами святых, который находился у иконы Спаса

Кандило
Из каталога фабрики Оловянишниковых

ЯМЗ

Смоленского в местном ряду центрального иконостаса, о нем в церковной описи 1659 года сделано следующее замечание: «У Спасова образа настоящая иконы приложен крест золотой с мощами святых, а которых святых мощи писано позади того креста (Ризы Пресвятой Богородицы, мощи Димитрия, Василия Блаженного, Стефана Сурожского и власы Прокопия Устюжского. — T. P.). А вставок на кресте два яхонта лазоревые, два лалика, две искры алмазных, семь изумрудов, около обнизано тридцать жемчугов больших. А весу в том кресте с камением всего двадцать три золотника. И быти тому кресту от Спасова образа никем не отъемлему вечно. А кто дерзнет тот святый крест от Спасова образа взяти, и того судит Бог на Страшном своем суде»⁹.

Большинство ильинских икон были убраны Скрипиными необычайно богато — серебряными золочеными басменными, резными, чеканными окладами с венцами и цатами, украшенными жемчугом и драгоценными камнями. К сожалению, мы сейчас можем изучать их только по церковным описаниям или фотографиям в двух великолепных изданиях — И. А. Вахромеева и Н. Г. Первухина. Последний раз украшения икон упоминаются в описи Ильинского храма В. А. Перцева 1925 года.

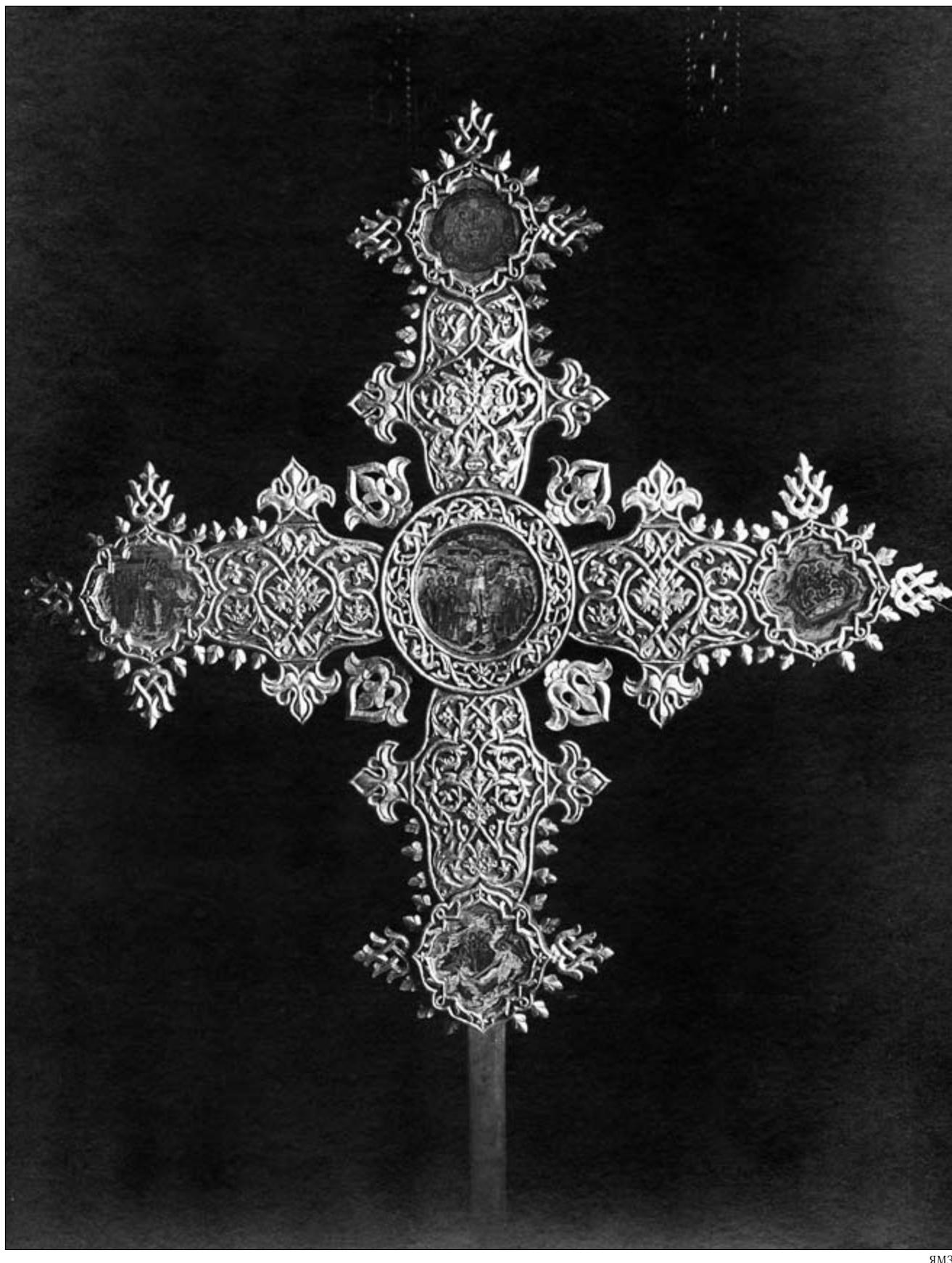
В 1922 году в Ярославле, как и повсюду в России, происходило изъятие церковных ценностей, преимущественно изделий из драгоценных металлов, этим занималась специально созданная комиссия, которая имела отделения на местах. В это время Ильинский храм был уже взят на учет в губернском историческом музее, поэтому проводившаяся акция вызвала противодействие со стороны сотрудников музея, но на их жалобы, обращенные центральным властям, пришла телеграмма от М. И. Калинина: «Предлагаю изъятие ценностей упраздненной церкви Ильи Пророка произвести и все спорные вопросы разрешить на месте при участии экспертов Главмузея»¹⁰.

Как значилось в «Протоколе об изъятии церковных ценностей» от 8 апреля 1922 года, из церкви Ильи Пророка было конфисковано:

- 1) два золотых креста, украшенных камнями и жемчугом, вес — 40 золотников;
- 2) 6 «звездочек с бриллиантовыми камнями в золотой оправе», вес — 18 золотников;
- 3) жемчуг с Евангелия, вес — 25 золотников;
- 4) серебряная дарохранительница, вес — 1 фунт 9 золотников;
- 5) ковчег «в форме креста серебряный» — 3 фунта 2 золотника;
- 6) дискос, две тарелочки, корчик и крест четырехконечный — 2 фунта 55 золотников;
- 7) оклады с трех Евангелий — 8 фунтов 2 золотника;
- 8) 19 «риз с разных икон» — 21 фунт 94 золотника;
- 9) венцы и цаты — 20 фунтов 57 золотников;
- 10) венцы и цаты, украшенные жемчугом, и две цаты «на полотне шиты жемчугом» — 3 фунта 50 золотников;
- 11) 4 серебряных венчика, вес — 41 золотник;
- 12) 9 воздухов.

Всего по списку из церкви Ильи Пророка было изъято в Помгол серебра весом в 1 пуд 28 фунтов 88 золотников¹¹.

По некоторым другим храмам Ярославля эта цифра была значительно больше. Когда и как произошла утрата остальных изделий из серебра (как и облачений, и книг, и пелен, и покровов), неизвестно.

ЯМЗ

Запрестольный крест. XVII в. Из каталога фабрики Оловянишниковых

ЯМЗ

Воздух. Из каталога фабрики Оловянишниковых

ЯМЗ

Кронштейн
Из каталога фабрики Оловянишниковых

Возможно, дальнейшее внимательное изучение предметов фонда драгоценных металлов Ярославского музея-заповедника поможет в дополнение к приведенному перечню выявить серебряные изделия из церкви Ильи Пророка, как это произошло с недавно атрибутированными большим и малым ковчегами для хранения Ризы Христа и с окладом Казанской иконы Богоматери.

КНИГИ

В посадской среде Ярославля традиции книжной культуры были высоки, самый яркий пример тому — личная библиотека государева гостя, ярославца Третьяка Лыткина, пожертвовавшего в первой половине XVII века Красногорскому монастырю под Архангельском около ста пятидесяти книг. Книжное собрание подобной полноты «смело можно отнести к редчайшим явлениям культурной жизни России, если вспомнить, что от этого времени в истории сохранились свидетельства едва ли не о трех наиболее представительных частных библиотеках, принадлежавших царю Михаилу Федоровичу, патриарху Филарету и сольвычегодскому купцу М. М. Строганову»¹².

Убедительным подтверждением интереса ильинских прихожан к книге, как рукописной, так и печатной, служат уже упоминавшиеся факты о создании по их заказу рукописного житийного сборника и о пожертвовании в 1647 году Вонифатием Скрипиным Сольвычегодскому Борисоглебскому монастырю книги Ефрема Сирина «Поучительные слова» с вкладной надписью: «Лета 7155 году марта в 11 день сия книга Ефрема Сирина у Соли Вычегодской на посаде казенные Борисоглебского монастыря церковная Пречистой Богородицы честного и славного ее Одигитрии и прочих храмов той обители святых и славных апостол Петра и Павла, и святых страстотерпец благоверных и великих князей русских Бориса и Глеба, нареченных в крещении Романа и Давыда, и предивного отца Варлаама Хутынского и святых праведных Прокопия и Ивана Устюжских

чудотворцев и святых великомучениц Екатерины и Прасковии, ярославца торгового человека Вонифатия Иванова сына Скрыпина»¹³.

В «Книге церковного строения» Скрипины перечисляют хранившиеся в Ильинском храме рукописные и печатные книги, иногда называя место и время издания, описывая их оформление. Судя по описи, собрания богослужебных книг имелись в церковной ризнице (40 томов) и Ризоположенском приделе (29); кроме того, 20 книг значатся как «старого приходского строения». Если даже учесть, что некоторые издания из этих списков могли дублироваться, всего в библиотеке церкви Ильи Пророка в середине XVII века насчитывалось 80–90 книг.

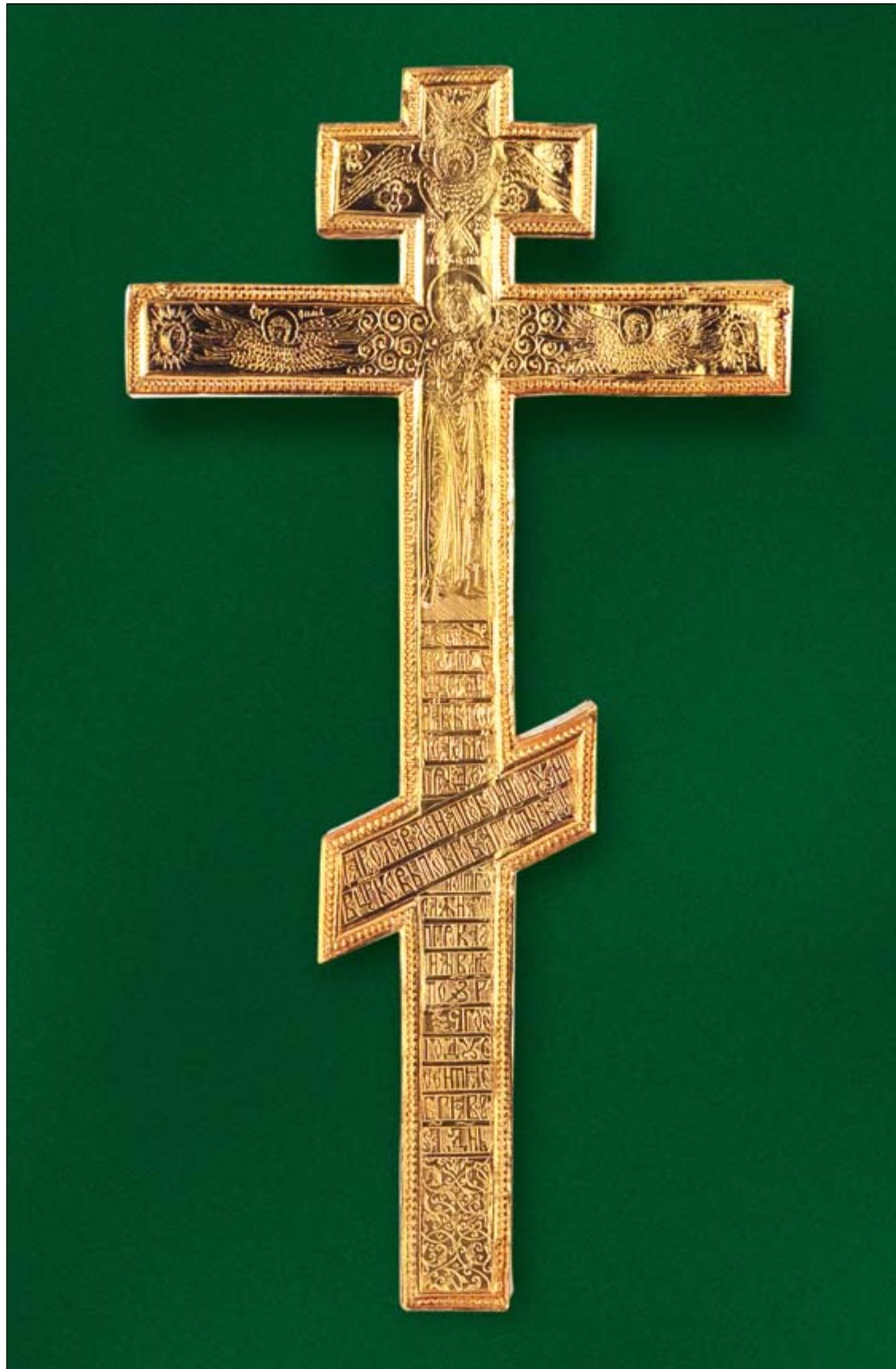
Естественно, основой книжного собрания Ильинской церкви являлась богослужебная литература (Евангелия, Апостолы, Псалтыри, Служебники, Потребники, Служба Ризе Христа), но в нем было немало книг, предназначавшихся для чтения (их называли четьями). В составе Ильинской библиотеки находим и богословские сочинения отцов церкви (книга Маргарит с избранными беседами Иоанна Златоуста), и агиографическую литературу (жития казанских, соловецких чудотворцев, «новых святых жития» вашутинского письма), и популярные у русского читателя того времени Минеи-Четыи, Прологи (сборники, которые составлены из житий святых и поучений богословов, расположенных по числам того или иного месяца), и сборники песнопений с крюковыми или знаменными знаками («Октай на 8 гласов»).

Среди книг, хранившихся в Ильинской церкви, было немало редких и прекрасно оформленных изданий. Так, в списке книг «во олтаре» центрального храма храмоздатели на первое место поставили четыре Евангелия в окладах, обложенных серебром резным или басменным, на «верхней доске» которых имелись традиционные изображения — Распятие в центре и четыре евангелиста в углах. Значительный интерес среди них представляет уникальное издание — Евангелие «слободской печати», напечатанное, как указал Ф.Ф.Грищенко, в Александровской слободе Андроном Невежиным. В научной литературе известны всего лишь два издания слободской типографии этого ученика Ивана Федорова, продолжившего работы по созданию русской художественно оформленной книги — Псалтырь (1577) и Часовник (1577–1580)¹⁴.

Скрипины вносили в описание важные уточнения о времени издания той или иной книги: печатано при царе Борисе, при царе Василии, «Устав большой печатный, выходу 149-го года [1641]»; о месте издания: печати московской, литовской, киевской; об особенностях оформления: «Псалтырь большой печати и бумаги, переплетена по обрезу золотом»¹⁵.

В поздних описаниях Ильинского храма столь подробного перечня книг не имеется, но Николай Пятницкий в начале XX века указывает Евангелие в древнем окладе, которое «начато печати 7113 [1605] г. 30 марта, в Москве, при Василии Ивановиче, в первое лето его царствования, при Гермогене Патриархе, в первое лето святительства его, совершено бысть в лето 7114 [1606] г. июня 29 дня»; Евангелие, печатавшееся при царе Алексее Михайловиче и патриархе Иосифе с 1 ноября по 6 января 1648 года; а также Евангелие 1657 года¹⁶. В описи начала XX века названо Евангелие «в переплете, со всех сторон обложенном чеканным серебром; на верхней доске изображение Воскресения Христа и четырех евангелистов... обложено жемчугом, с двумя серебряными застежками, печатано в 1735 г.» В.А.Перцев упомянул Евангелие «большое в лист в переплете рытого бархата» 1735 года, но уже без серебряного оклада.

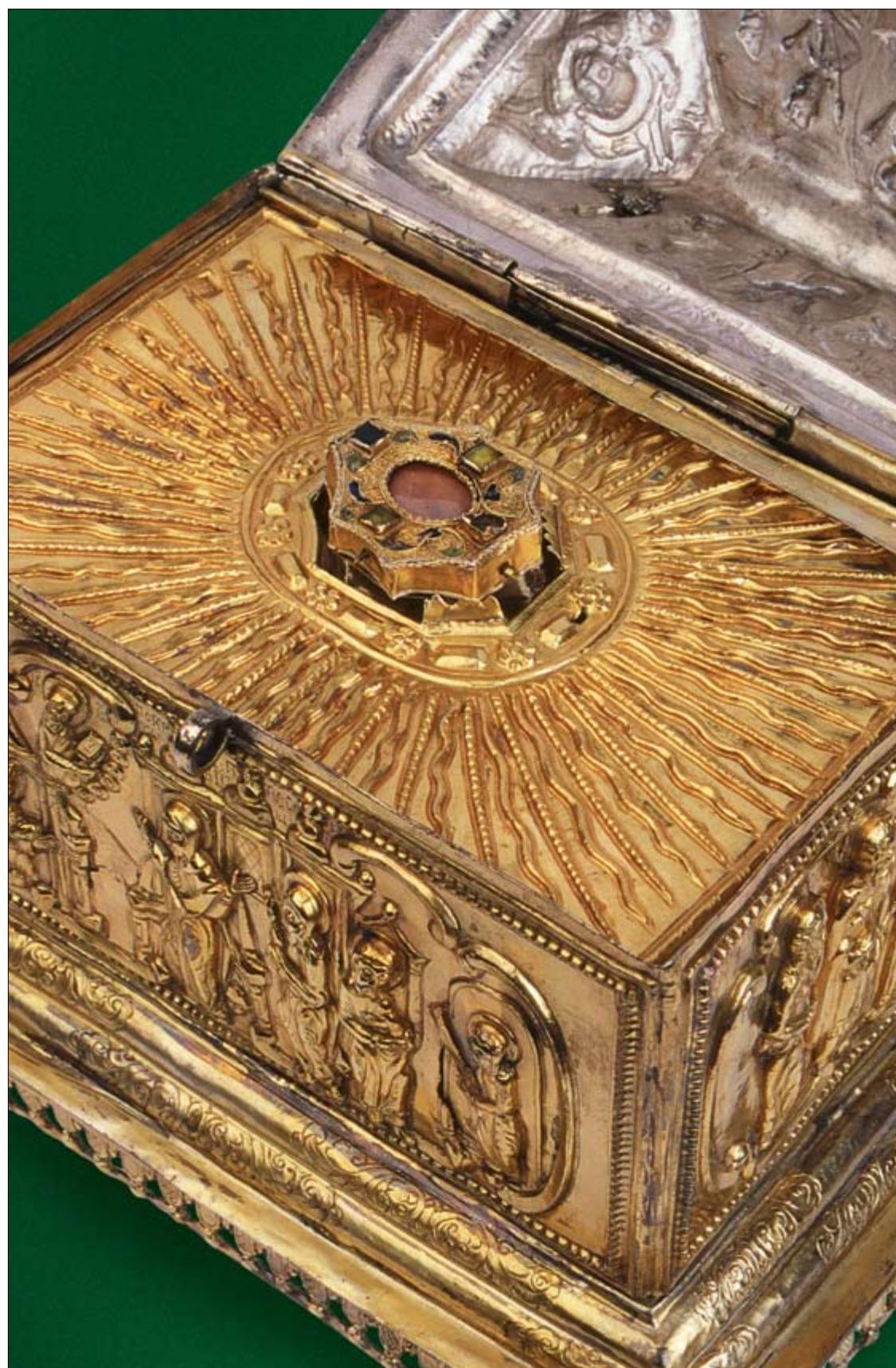
Столь значительное, и по составу, и по количеству, собрание книг в ярославском посадском храме не только свидетельствует о глубоком уважении к книге, знании ее ильинскими храмоздателями, священни-

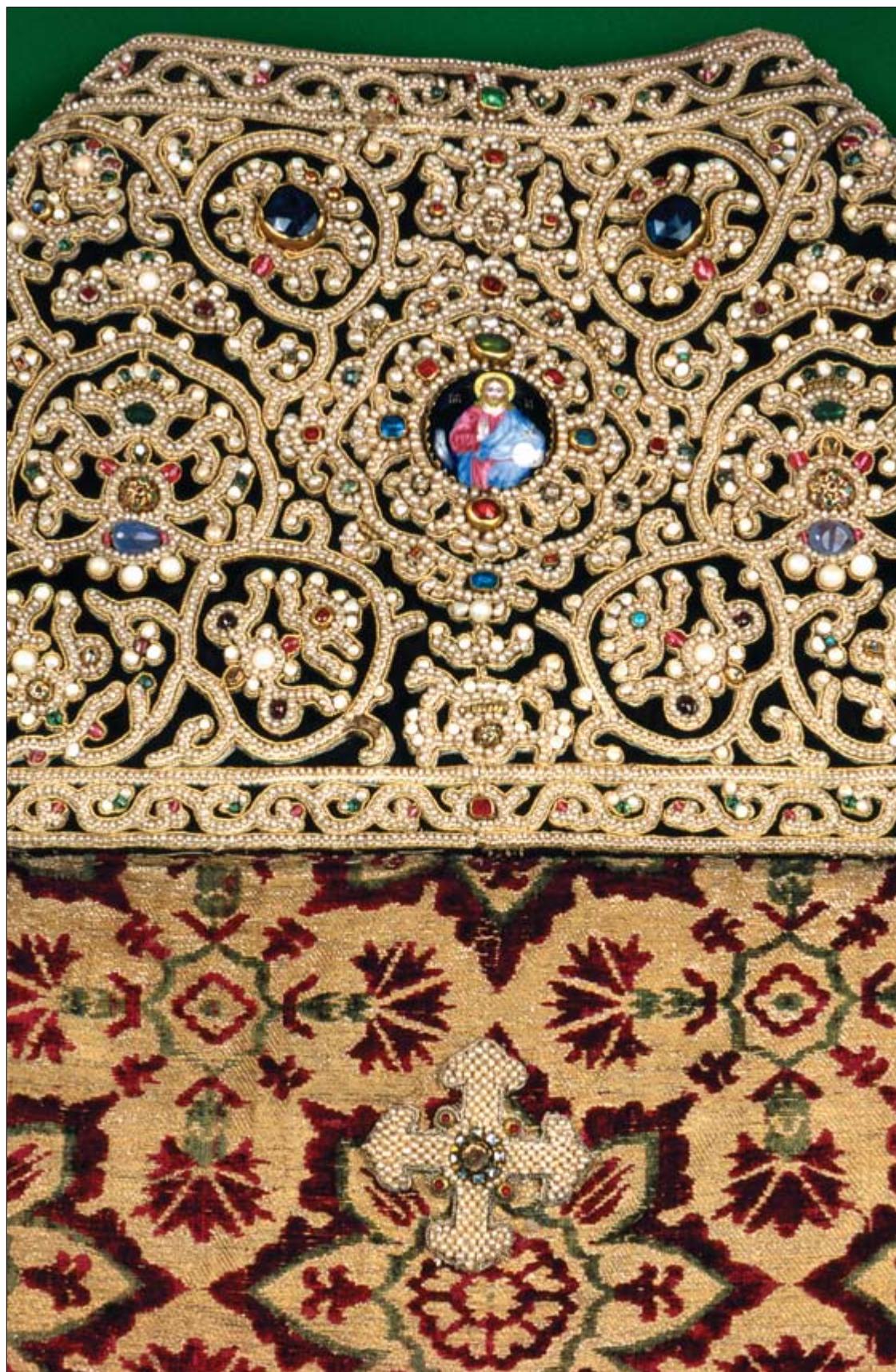
Напрестольный крест (обратная сторона). 1657 г. Ныне — в собрании ЯМЗ
Фотография А. Н. Севастьянова

Ковчег для хранения частицы Ризы Христа. 1772 г. Ныне — в собрании ЯМЗ
Фотография А. Н. Севастьянова

Малый ковчег для хранения частицы Ризы Христа. Конец XV — начало XVI в.
Ныне — в собрании ЯМЗ. Фотография А. Н. Севастьянова

Фелонь. Середина XVII в. Ныне — в собрании ЯМЗ
Фотография А. Н. Севастьянова

ками и прихожанами, но и подтверждает «общий книжный приоритет в культуре города». Наличие такого «приоритета» ярко проявилось в особенностях ярославской школы иконописи и настенной живописи, в ее невероятно широком круге новых литературных сюжетов.

Резьба по дереву

Декоративное убранство православного храма невозможно представить без искусной деревянной резьбы: это и монументальные иконостасы, и киоты для икон, и запрестольные кресты. Прекрасные памятники резного барельефного искусства встречаются повсюду в России, но «ведущую роль в его развитии сыграло Поволжье, в основном Ярославль, где были созданы лучшие образцы такой резьбы»¹⁷.

Во времена построения Ильинского храма это была преимущественно плоская резьба, низкий золоченый рельеф которой затягивал деревянные изделия сплошным растительным орнаментом, превращая их в драгоценные ювелирные произведения. До нашего времени сохранились прекрасные образцы деревянной резьбы, упоминавшиеся еще в «Книге церковного строения»: это и «царские двери резные, старые» из придела Гурия, Самона и Авива, которые происходили еще из деревянного Ильинского храма; и «крест выносной резной позолоченный, травы на нем прорезные» за престолом в главном алтаре. А над престолом Скрипиними указан истинный шедевр русского резного искусства — «сень резная, позолочена»¹⁸, которая до сих пор производит особенное впечатление в «тайном полусвете» алтаря. По образной характеристике Н. Г. Первухина, «ее золоченые узоры беглому взгляду покажутся сначала запутанными: двуглавые орлы, попугай среди цветов (по углам нижней части), ажурные кокошники, зубцы и листья, точеные сосуды с фантастическими цветами, парящие голуби — сплелись над плафоном, окаймленным славянской надписью, в стройный осьмигранный шатер».

Надпись, о которой упомянул Нил Григорьевич Первухин, прекрасно читается и сейчас: «Лета 7165 (1657) году сделана сия сень в церковь Святого славного Пророка и Боговидца Ильи, при державе Государе Царе и Великом Князе Алексее Михайловиче, Всея Великия и Малыя и Белыя Руси самодержце, и при благоверном Царевиче и Великом Князе Алексее Алексеевиче, Всея Великия и Малыя и Белыя Руси самодержце и при Святейшем Патриархе Никоне Московском и Всея Великия и Малыя и Белыя Руси и [при] преоосвященном митрополите Ионе Ростовском и Ярославском».

Легкий, изящный силуэт надпрестольной сени, увенчанной шатром, невероятное богатство орнаментов, их мотивы — фантастический растительный узор, в который вплетены изображения птиц, — перекликаются с формами и декорацией моленных мест — еще двух превосходных образцов ярославской барельефной резьбы. Устроенные, по преданию, для царя Алексея Михайловича и патриарха Никона, места находятся сейчас в центральном храме: царское у южного столба, патриаршее — у северного. И хотя они гармонично вписались в интерьер церкви Ильи Пророка, выполняли их для другого храма — Николы Мокрого. Непосредственным образом для их создания послужило, как полагают исследователи, царское место Ивана Грозного 1551 года в Успенском соборе Московского Кремля, а их прообраз восходит к престолу библейского царя Соломона, у подлокотников которого и на ступенях стояли золотые львы — символы царской власти. Кстати, в Ярославском музее-заповеднике хранятся два льва, выполненных из дерева в технике

объемной скульптуры, они украшали подножия моленных мест церкви Ильи Пророка, судьба которых неизвестна.

Впервые вопрос о переносе моленных мест из церкви Николы Мокрого в Ильинский храм был поднят на заседании Ярославского отделения Центральных реставрационных мастерских, состоявшемся в марте 1928 года при участии И. Э. Грабаря. Предложил это сделать Н. Г. Первухин, беспокоясь о судьбе уникальных памятников, поскольку они оставались в закрытом к тому времени и неохраняемом храме. Члены реставрационного совета по разным причинам его не поддержали, И. Э. Грабарь — из-за следования принципу сохранения памятника, церкви Николы Мокрого, в полном составе; И. А. Тихомиров — из-за опасения за их состояние, так как «они kleены на деревянных гвоздях, пересохли, покоробились, обветшили, их нужно для перевозки разобрать, а это связано с поломками и утратами». Большинством голосов было тогда решено оставить моленные места в церкви Николы Мокрого¹⁹.

В 1938 году, ко времени открытия антирелигиозного музея, царское и патриаршее места были перенесены в церковь Ильи Пророка.

КОЛОКОЛА

По мнению знатоков, Скрипины составили значительный для провинциального города середины XVII века ансамбль колоколов: «сия церковь снабжена колоколами с преизрядным звоном». Братья, видимо, знали толк в колокольных звонах. Как свидетельствует запись в Синодике ярославского Успенского собора, именно на колокол вскоре после их кончины был сделан весьма значительный вклад «на помин души»: «1661 года октября в 10 день дано по Вифанте по Анике Скрипиних в соборную церковь в колокол 155 рублей»²⁰.

В «Книге церковного строения» храмоздатели дали подробное описание ильинским колоколам:

«Да у той же церкви Пресвятая Богородица Покрова и Пророка Ильи на колоколне поставлено 5 [7] колоколов, их же, Нифантия и Аникия, даяния. И тем колоколам роспись:

1. Большой колокол весом 106 пуд.
2. Под ним благовестник повседневной, весом 60 пуд.
3. В третьих колокол весом 34 пуд.
4. Четвертои колокол весом 30 пуд.
5. Пятои колокол весом 20 пуд [к буквенному числу 20 приписано буквенное число 5].
- 6 колокол 20 пуд, 7 колокол 10 пуд [строка приписана другим почерком]»²¹.

Кроме вклада братьев, в храме оставались еще и колокола деревянной церкви: «на колокольнице, старого приходского строения 5 колокол, от меньших зазвонных рядом до пятого колокола, что был прежде благовестной»²².

Изменения в составе ильинских колоколов произошли еще при Скрипинах — в 1659 году в опись были внесены изменения (в приведенном тексте они указаны в квадратных скобках): количество поставленных храмоздателями колоколов исправлено с пяти на семь, вес пятого колокола с двадцати пудов увеличен до двадцати пяти, дополнительно приписаны шестой и седьмой колокола. Абзац, где указаны

старые приходские колокола, перечеркнут. Напрашивается вывод, что ильинские звонь пострадали в пожаре 1658 года и старые приходские колокола были перелиты в новые — шестой и седьмой, а вес пятого увеличен. Итак, можно с большой долей уверенности говорить, что Скрипины снабдили Ильинскую колокольню набором из семи колоколов.

Вес самого большого колокола, благовестника, — 106 пудов — для посадского храма того времени являлся редкостью. Необычным для 1650 года был и принцип устройства звона на Ильинской колокольне. По мнению Н. С. Каровской, посвятившей специальное исследование истории ильинских колоколов, колокольня церкви Ильи Пророка построена под сочетание двух способов звона — очепного и язычного²³.

Первый прием — более древний, пришедший из стран Европы; при нем звонарь находится на колокольне или на земле и раскачивает сам колокол, который ударяется стенками о свободно подвешенный язык. Для колоколов большого размера использовался длинный шест, «очеп», поэтому этот способ звона стал называться очепным. Он имел неудобства: для каждого колокола был нужен отдельный звонарь; при раскачивании больших колоколов требовались немалые усилия; кроме того, очепная система не позволяла исполнять ритмически разнообразные звонь, где задействовано несколько колоколов. С середины XVII века начал распространяться другой, русский способ звона — язычный; при нем звонарь раскачивал не сам колокол, а только язык. Такой способ позволил сократить число звонарей, а ансамбль колоколов превратить в единый сложный музыкальный инструмент. При смешанном способе — в большие колокола звонили с земли, а средние и меньшие колокола закреплялись неподвижно.

К выводу о существовании в церкви Ильи Пророка смешанной системы звона Н. С. Каровская пришла, изучив особое устройство двух решеток, ограждающих западную и юго-западную арки колокольни: они значительно вынесены вовне яруса звона. Подобный выступ позволял свободно раскачивать колокол. В пользу существования на Ильинской колокольне очепного звона может служить и порядок развески колоколов. Позже, при языковом звоне, большие колокола размещались под шатром колокольни, а не в арках, как мы видим на старых фотографиях Ильинского храма.

В 1670 году ильинские колокола опять пострадали: в Ярославле случился пожар, который, в отличие от «великого», получил название «местного». Ярославцы сообщали в челобитной царю Алексею Михайловичу о постигшей их беде: 5 июля, в третьем часу ночи, «от молнии в Ярославле на проезжей большой Михайловской башне загорелась кровля. А в то, государь, время учинились ветры и вихри великие, и от того, государь, запаления в Ярославле соборная церковь и приходские каменные церкви огорели, а деревянные церкви все без остатку, и съезжая изба, и таможня, и кружечный, и гостиный дворы, и ряды все, и на проезжих и на глухих каменных башнях кровли, и в городе дворы, на которых мы, холопы твои, жили и всяких чинов жилецких людей, и тюрьмы сгорели все без остатку...»²⁴

Во время этого пожара большой колокол церкви Ильи Пророка упал и разбился — во второй описи Ильинского храма имелись сведения об отливке нового благовестника на средства Евдокии Чистой, передаем их в переложении священника Николая Пятницкого. «В 1676 г. 25 декабря [благовестник] был перелит, с прибавлением к нему шестого колокола в 20 пудов да меди 28 пудов, отчего получился новый колокол в 154 пуда 3 фунта». Таким образом, к концу XVII века на колокольне осталось шесть колоколов, но их общий вес увеличился.

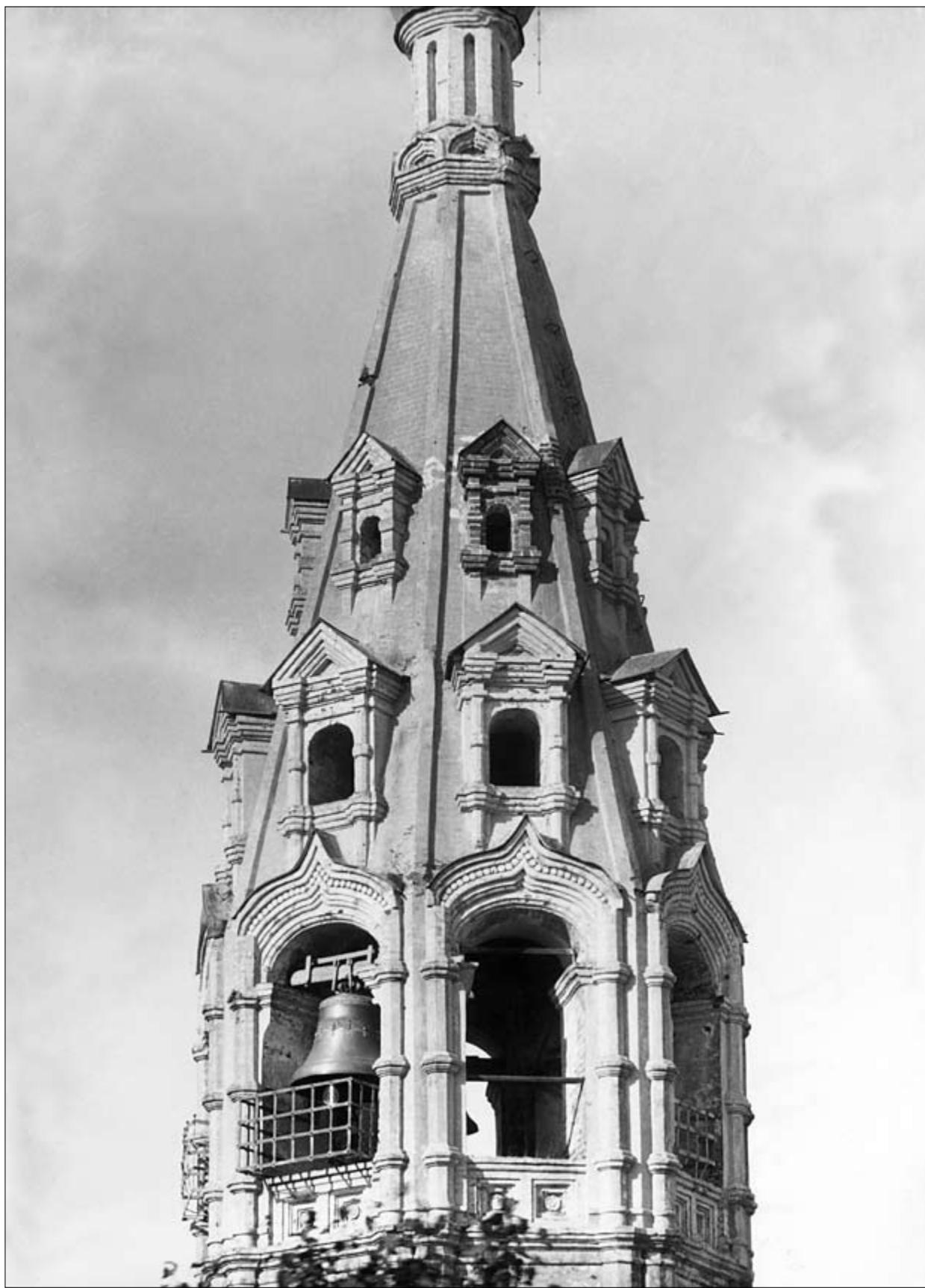
Дальнейшие сведения об ильинских колоколах отрывочны и неточны. В «Записке» ростовского архиепископа Самуила Миславского о храмах Ярославля, составленной в 1781 году, говорится о восьми колоколах, вес которых указан, очевидно, округленно — в 160, 40, 25, 10, 5, 4, 3 и 2 пуда. А в описях церкви XIX века значится только общее число колоколов — 10 (с уточнением, что четыре из них больших, а шесть малых). И только в 1925 году В.А.Перцев прочитал надписи на колоколах. Судя по составленному им инвентарному описанию, ансамбль Ильинской колокольни состоял тогда из девяти колоколов:

- 1) колокол весом в 108 пудов 32 фунта — лит в 1738 году;
- 2) колокол весом в 28 пудов — лит в 1738 году;
- 3) колокол весом приблизительно в 27 пудов — лит 2 сентября 1738 года Осипом Мартыновым;
- 4) колокол весом в 21 пуд 12 фунтов — лит Осипом Мартыновым;
- 5) голландский колокол 1652 года весом 8 пудов;
- 6) голландский колокол 1652 года весом 6 пудов;
- 7) голландский колокол 1652 года весом 4 пуда;
- 8) голландский колокол 1652 года весом 3,5 пуда;
- 9) колокол весом 3 пуда 12 с четвертью фунтов — лит в 1882 году на ярославском заводе Оловянишникова (помета в описи: «передан в Госфонд»).

Приведенные данные свидетельствуют, что от основания Ильинской церкви и до времени ее закрытия состав колоколов менялся. Трудно сказать, сохранились ли первоначальные колокола к концу XVIII столетия, но в описи 1925 года не указан ни один из них (когда появились малые голландские колокола 1652 года, неизвестно, но они не значатся в скрипинской описи и поэтому не могут считаться первоначальными). А большие колокола, отлитые в 1738 году, и в первую очередь благовестник, не соответствуют тем, что приведены в «Записке» Самуила Миславского. Из-за отсутствия документальных сведений остается загадкой, что могло послужить причиной обновления ансамбля колоколов и когда это произошло.

Именно с ильинских колоколов началось увлечение звонами одного из самых признанных знатоков русского колокольного искусства — о. Аристарха Израилева. В 1826 году, девятилетним мальчиком, из села Петровское, под Романово-Борисоглебском, он приехал в Ярославль на учебу в духовное училище и поселился в подклете Ильинской церкви — в сторожке под северной галереей — у своего старшего брата Петра Александровича, служившего в храме сначала дьячком, затем дьяконом. Именно в этом храме под руководством брата Аристарх постигал азы служительских обязанностей, в том числе и звонарских: «с самого начала в праздники я только благовестил в один колокол, а потом научился звонить и во все колокола. Нередко приходилось мне звонить при проезде мимо Ильинской церкви в собор и из собора Высокопреосвященнейшего Евгения, бывшего на Ярославской кафедре и рукоположившего меня во священника... И могу ли я забыть все это, что впоследствии послужило мне в великую пользу?»²⁵

В 1840 году Аристарх Александрович окончил Ярославскую духовную семинарию, в 1842 — был рукоположен во священники Ростовского Рождественского монастыря, в 1885 — возведен в сан протоиерея. Скончался 9 июля 1901 года в Ярославле. Первое знакомство с колоколами, полученное в Ильинском храме, превратилось в дело всей его жизни. В 1861 году он вошел в состав комиссии по осмотру состояния памятников Ростовского кремля, и ему было предложено изготовить камертоны, настроенные на тоны знаменитых

ГАЯО

Колокольня церкви Ильи Пророка. Фотография начала XX в.

колоколов Ростовской звонницы, на случай гибели какого-либо из них, что давало возможность сохранить уникальный ансамбль. Эта работа получила признание не только в России, но и за ее пределами: Аристарх Александрович удостоился наград на выставках в Вене, Париже, Филадельфии. Он не только восстановил старинные ростовские колокольные звонь, но и создал новый, Ионафановский, посвященный пятидесятилетнему служению архиепископа Ярославского и Ростовского Ионафана. Аристарх Израилев настраивал колокола в разных городах России — Москве, Петербурге, Варшаве, Киеве, Нижнем Новгороде.

Во многом благодаря знакомству с бесценными сокровищами церкви Ильи Пророка проснулся у о. Аристарха и вкус к исследовательской работе. Среди десятка публикаций по ярославской церковной истории, принадлежащих его перу, самые ранние книги — по истории храма: он первым описал усыпальницу Скрипиных, изложил историю принесения в Ярославль частицы Ризы Христа, опубликовал вкладные надписи на церковных сосудах²⁶.

В 1929 году по всей стране прокатилась акция по изъятию колоколов из храмов для переплавки — ильинские колокола постигла та же печальная участь. В протоколе объединенного заседания представителей Ярославского музейного управления, Ярославского областного музея и Ярославских центральных реставрационных мастерских от 29 апреля, посвященного вопросу о колоколах закрытых церквей, оставленных на учете Главнауки в городе Ярославле и губернии, значится следующее: «Колокольня Ильинской церкви. Всех колоколов 9, общим весом до 200 пудов, возможно сдать 3 главных колокола весом 108 пудов, 50 пудов, 30 пудов и еще одного малого... 3 пуда 12 фунтов»²⁷. Все девять ильинских колоколов были сняты, из них пять отправлены на переплавку, а остальные сейчас хранятся в Ярославском музее-заповеднике: два из них находятся на звоннице Спасо-Преображенского монастыря — 27-пудовый колокол Осипа Мартынова 1738 года и 6-пудовый голландец 1652 года; два других — на башне Святых ворот — мартыновский колокол в 21 пуд и четырехпудовый голландский.

В августе 1991 года Ильинская колокольня вновь ожила, на сохранившиеся балки яруса звона были подняты шесть колоколов, отлитых в Москве на малом предприятии «Колокол», работавшем при Всесоюзном институте легких сплавов (сейчас — колокололитейная мастерская «Ренессанс»). Вес благовестника насчитывает 15 пудов, двух средних колоколов — 5 и 3 пуда, из трех зазвонных один — в три четверти и два — по полпуда.

СТЕНОПИСИ И ИХ МАСТЕРА

Важнейшим этапом оформления интерьеров Ильинского храма было украшение всех его объемов настенной живописью.

Росписи двух ярославских церквей — Ильи Пророка и Иоанна Предтечи — можно смело считать выдающимся явлением не только русской, но и мировой культуры. Недаром Игорь Эммануилович Грабарь, оценивая их художественные достоинства, подчеркнул: «Здесь русская стенная живопись поднялась на такую высоту, которой она никогда уже позже не достигала. По огромности декоративных замыслов и их блестящему решению роспись этих храмов можно сравнить с совершеннейшими итальянскими фресками раннего Возрождения».

Художественные работы по украшению интерьеров Ильинского храма настенными росписями велись на протяжении нескольких десятилетий, первый этап их выполнения связан с именем Улиты Макаровой, вдовы Вонифатия Скрипина.

Улита Макарова Скрипина

После смерти мужа вдова продолжала жить в скрипинских владениях в Сретенской сотне. В переписных книгах 1668 и 1669 годов в том же дворе значится «у ней прикащик Иван Дмитриев»¹. Это тот доверенный человек Иоанникия и Вонифатия, чье имя часто встречается в таможенных записях Великого Устюга, Сольвычегодска и Тотьмы 1650-х годов, когда братья сами уже почти не выезжали в северные города для заключения сделок. Можно не сомневаться, что Иван Дмитриев был одним из самых близких помощников братьев Скрипиных в последние годы их жизни, а после смерти хозяев не только заботился о вдове, но и продолжал вести ее дела². Сохранилось еще одно свидетельство, подтверждающее это предположение.

В 1970 году в Ярославский художественный музей поступила небольшая по размеру икона «Илья Пророк в пустыне», на обороте которой обнаружились две надписи, в одной из них, XVIII века, под нижней шпонкой, сообщалось, что образ написан в 1672 году в Москве жалованым кормовым мастером Федором Зубовым «по обещанию ярославца торгового человека Иоанна Дмитриева сына Скрипина». Под верхней шпонкой были видны следы первоначального полустертого текста XVII века, расшифрованного

А. А. Туриловым лишь частично: «по повелению ... человека ... Скрипина жены его и вдовы Иулиты ... до-
чери ... (писал сей) образ жалованный кормовой иконописец Федор Евтихиев сын Зубов»³. Как видим,
надпись в XVIII веке была переписана неточно, и до расшифровки раннего текста Иван Дмитриев счи-
тался заказчиком подписной иконы, на самом деле он только передал мастеру «повеление» вдовы на
исполнение образа.

Ко времени написания этой иконы вдова покинула семейное поместье: в Переписной книге 1671
года записано уже обезлюдевшее «место вдовы Улиты Внифатьевской жены Скрипина». Переписные
книги Никольской и Сретенской сотен 1717 года (напомним, они содержат сведения и о переписях 1678,
1709 и 1710 годов) скромно рассказывают о последних годах ее жизни и о судьбе скрипинских владений:
«На оном Ильинском монастыре, на церковной земле 186-го (1678) году написаны... кельи, а в них живет
вдова Алита Внифатьевская жена Скрипина, и после той переписи вдова Улита умре». В том же 1678 году
в книге значится «место дворовое пустое, что бывало гостя Аникия да брата его Вонифатия Скрыпиных»,
в 1709 и 1710 годах земля меняла хозяев, в «711-м году того двора строение згорело». А двор Иллариона,
располагавшийся рядом с владениями дядьев, перешел после его смерти к другому влиятельному и за-
житочному ильинскому прихожанину — Ивану Ивановичу Кемскому⁴.

К сожалению, документы средневековья сообщают немного сведений о вкладе русских женщин
простого звания в отечественную культуру, но можно не сомневаться, что жены часто были достойны
своих уважаемых, деятельных и художественно образованных мужей. Пример тому — Улита Скрипина.
Вдова не оставляла заботами Ильинский храм. Все изменения, которые в нем происходили, заносились
по ее указанию во вторую опись церковного имущества, из которой до нас дошли, благодаря книге о.
Николая Пятницкого, лишь отрывочные сведения. Первое документально зафиксированное пожертвова-
ние Улиты Скрипиной в церковь произошло вскоре после смерти ее мужа: в феврале 1661 года она
поставила свое домашнее серебро, указав в описи: «по приказу мужа своего Вонифатия Ивановича, Улита
Макарьева дочь положила на иконный оклад сосудов серебряных тринадцать тарелок, девять ложек, три
стакана угольчатых, стакан с покрышкою рюмкою, кубок овощной разобран, осмь чарок гладких, ковш
об одном стебли, да ковш о два стебли, две чарки мишурских. А весу в них всего 16 фунтов безошибки [без
шести] золотников».

Больше десяти лет прожила Улита Скрипина рядом с Ильинской церковью. Не без ее участия от-
давались заказы на новые образа и драгоценные уборы на них, при ней отливали большой колокол, для
которого пришлось растесывать арки колокольни. Когда же она решила на закате жизни украсить Ильин-
ский храм росписями, то обратилась к прославленному костромскому изо-графу Гурию Никитину.

Росписи 1680 года

В 1680 году, с 17 июня по 8 сентября, всего за 84 дня крупнейшие костромские и ярославские мастера
исполнили в Ильинском храме одну из лучших стенописей XVII столетия.

Храмозданная надпись на западной стене сообщает: «...зачата сия святая церковь стенным писани-
ем в лето 7188 июня в 17 день при державе Благочестивейшего Государя Царя и Великого Князя Федора

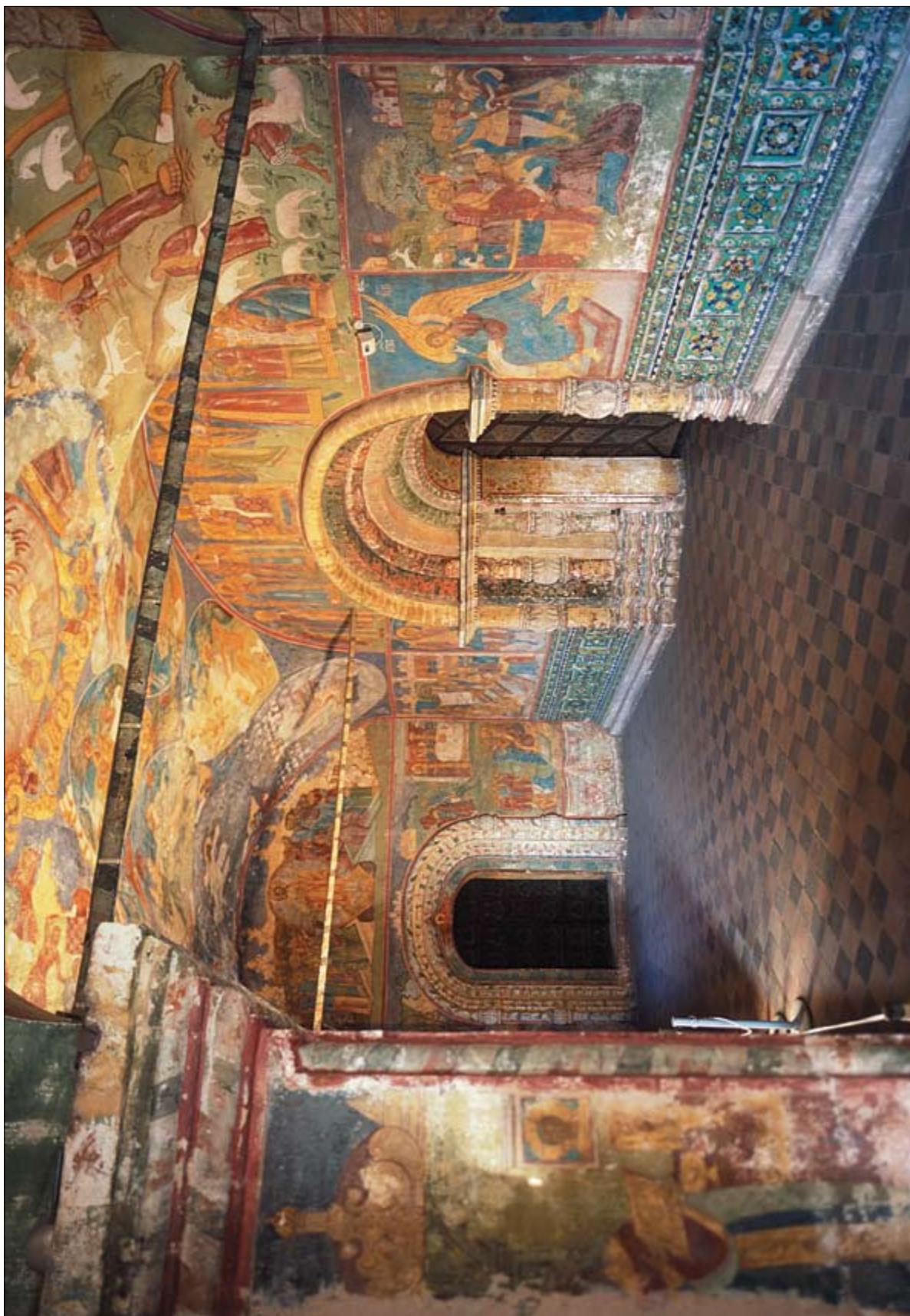
Интерьер центрального храма
Фотография А. Н. Севастьянова

Сцена из жития святых исповедников Гурия, Самона и Авива. Фреска северной стены Покровского придела
Фотография А. Н. Севастьянова

Росписи южной стены центрального храма
Фотография А. Н. Севастьянова

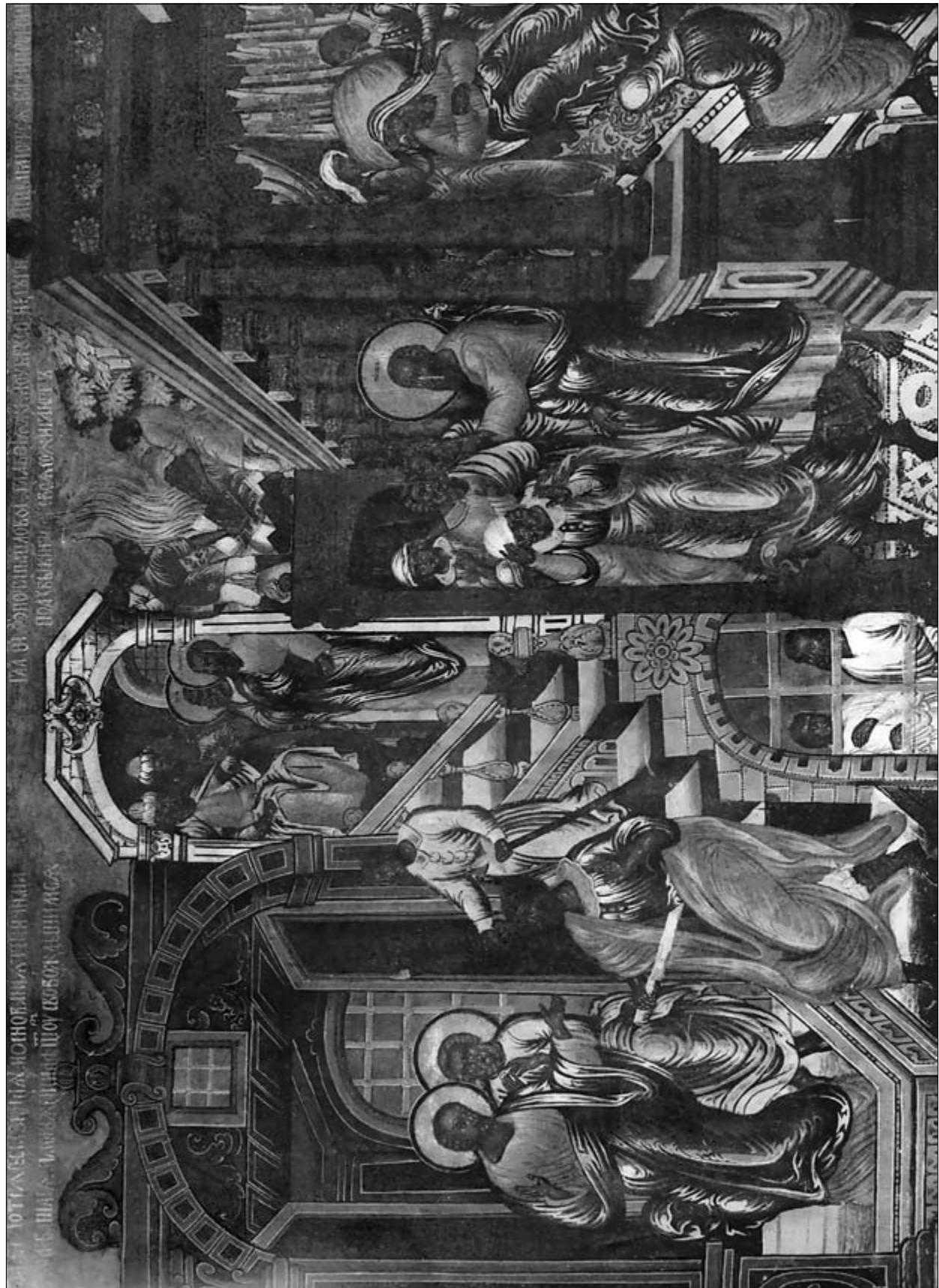
Росписи северной галереи. Фотография А. Н. Севастьянова

Сцены из жизни Ильи Пророка. Росписи четвертого яруса северной стены центрального храма
Из книги И. А. Вахромеева

Сбор плодов учениками пророка Елисея. Фреска пятого яруса западной стены центрального храма
Из книги И. А. Вахромеева

Заключение апостола Павла в темницу и исцеление недужных. Фреска третьего яруса северной стены центрального храма
Из книги И. А. Вахромеева

Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержца, и при его благоверной царице и великой княгине Агафии Симеоновне, и при Святейшем Иоакиме, патриархе Московском и всея России, и при митрополите Ионе Ростовском и Ярославском по обещанию Иулиты Макаровны Скрипиной в поминование своей души и прочих своих сродников. А совершился сия святая церковь в 189 году сентября в 8 день». Роспись датируется 7188–7189 годами от Сотворения мира, но вспомним, что по принятому в допетровскую эпоху юлианскому календарю новый год начинался с 1 сентября, поэтому 8 сентября 7189 года относится к тому же 1680 году нашего, григорианского летоисчисления.

Имена живописцев указаны в клейме на южной стене центрального храма: «189 года сентября в 8 день трудившиеся о Бозе изографы града Костромы Гурей Никитин, Сила Савин, да ярославец Дмитрий Семенов, Василий Казмин, Артемий Тимофеев, Петр Аверкиев, Марко Назарьев, Василий Миронов, Фома Ермилов, Тимофей Феодотов, Иван Петров, Иван Андреянов, Иван Иванов, Филипп Андреянов, Стефан Павлов».

Артель состояла из костромских и ярославских мастеров, возглавляли ее три знаменщика — Гурей Никитин, Сила Савин и Дмитрий Семенов, они выполняли наиболее ответственную часть работы — знаменили, т. е. наносили рисунок будущей росписи. Указанные после знаменщиков шесть иконописцев и Филипп Андреянов — костромичи, происхождение Стефана Павлова не установлено, остальные члены артели (Тимофей Феодотов, Иван Петров, Иван Андреянов, Иван Иванов) — ярославцы.

Ведущую роль в стенописных работах играл прославленный костромской мастер, один из самых талантливых художников-монументалистов XVII века — Гурей Никитин (Кинешемцев). Впервые его имя встречается в документах Оружейной палаты в 1659 году, и уже в следующем он значится иконописцем первой статьи среди пятнадцати костромичей, принимавших участие в росписи Архангельского собора, а в 1662 году Гурей Никитин возглавлял артель костромских изо-графов, нанятых за триста рублей расписать собор Данилова монастыря в Переславле-Залесском. С этого времени под его руководством были выполнены стенописи в ростовском Успенском соборе (1671–1672), Троицком соборе Ипатьевского монастыря (1685), Преображенском соборе Спасо-Евфимиева монастыря (1689).

В XVII веке мастера одинаково хорошо владели и техникой монументальных росписей, и тонкостями иконописания. Гурей Никитин создавал иконы для кремлевских церквей и палат по указанию царя и патриарха, работал для частных заказчиков. Иконописный дар мастера был известен и в Ярославле. В 1669 году к Гурию Никитину обратился прихожанин церкви Николы на Пенье, житель Толчковской слободы Иоанн Плещков, при обстоятельствах, которые изложены в «Повести об исцелении Иоанна и принесении образа Пресвятой Богородицы Федоровской». В сентябре 1669 года Иоанн Плещков впал в «лютую болезнь разслабления», двенадцать недель он «не можаше бо руками владети ни ногами ходити». И вот, в декабре, в Рождественский пост, было ему сонное видение: два мужа «светолепна сединами украшеннаго во одеянии святительском оболченаго» повелели ему для исцеления идти в Кострому поклониться чудотворной иконе Федоровской Богоматери, сделать с нее список и построить в честь ее храм. Наутро Иоанн смог встать и отправиться в Кострому; совершив там молебен перед святыней, он узнал «о иконописце искусне, костромитине Гурии Никифорове, яко муж благочестив и боялся Бога, жительствуяй в девстве даже до кончины

Апостол Павел перед Синедрионом. Фреска третьего яруса северной стены центрального храма
Из книги И. А. Вахромеева

своей». Мастер согласился исполнить заказ только в Великий пост, и, когда время пришло, он «воздержася от брашен, исповедася грехов своих, святых тайн причастися и тогда начать того святого дела касатися»⁵. По принесении в Ярославль иконы Федоровской Богоматери от нее начали совершаться чудеса, в честь образа прихожанами была построена церковь Федоровской Богоматери. Позднее для иконостаса нового храма Гурий Никитин написал образ Спаса, который был поставлен справа от царских врат, «всеми видим и поклоняем».

Гурию Никитину и мастерам его артели Улита Скрипина заказала в 1680 году ряд образов для Ильинского храма. Из его мастерской, как предполагают исследователи, вышли иконы праздников, поставленные в придел Варлаама Хутынского⁶, — «Рождество Богородицы», «Воздвижение Креста», «Рождество Христово», «Сретение», «Успение», «Сошествие Святого Духа», — а также иконы «Вонифатий» и «Кирик и Иулита», посвященные святым — небесным покровителям храмоздателей.

Верным соратником и помощником мастера был земляк Сила Савин. Его имя неизменно следует вторым после Гурия Никитина почти во всех стенописных работах, осуществлявшихся ими в 1660–1680-х годах. Сила Савин был царским иконописцем, с 1673 года аттестовался по первой статье. В отличие от Гурия Никитина, не оставлявшего жительства в Костроме, он прожил с семейством в Москве 13 лет, с 1666 по 1679 год.

В стенописных работах в Ильинском храме принимали участие еще семь костромских иконописцев: Василий Козьмин, Артемий Тимофеев (Крылов), Петр Аверкиев (Дунаев), Марко Назарьев (Назаров), Василий Миронов (Буйголова), Фома Ермилов, Филипп Андреянов. Это была на редкость слаженная артель, состоявшая из выдающихся мастеров первой и второй статьи, творчество которых высоко ценили при царском дворе. В том или ином составе они участвовали в стенописных работах, руководителем которых являлся Гурий Никитин. Костромичей часто вызывали в Москву для исполнения ответственных заказов царя и патриарха. Это и написание икон для антиохийского патриарха Макария (1668), для церквей Спаса Нерукотворного «за золотой решеткой» в Кремле (1670, 1676), Покрова Богоматери на бывшем дворе боярина Ильи Даниловича Милославского в Московском Кремле (1673), Евдокии (царской домовой), «что у великого государя наверху» в Теремном дворце в Кремле (1678), Покрова села Измайлово (1679); и создание стенописей в церкви Григория Неокесарийского (1668), соборах Новоспасского монастыря в Москве (1666) и Знаменского в Новгороде (1702); они были также «у письма потешной книги для царевича Петра Алексеевича» и расписывали государевы знамена.

Костромские иконописцы не раз обращались с челобитными к царю об убытках, которые они терпели из-за частых вызовов в Москву, ибо «московские иконные и стенные письма земские старосты в службы им не ставят и тягло емлют большое». В мае 1676 года все костромские мастера ильинской артели были по царской грамоте освобождены от выплаты тягла «для почести воображения святых икон» и переведены на фиксированный оброк; кроме того, они получили исключительное право на торговлю иконами в родном городе⁷.

Глубина религиозного чувства у некоторых костромских мастеров нашла выражение в их духовной аскезе: Гурий Никитин прожил жизнь «в девстве» и остался бездетным, принял постриг Петр Аверкиев (1693), Филипп Андреянов (до 1715).

Третьим знаменщиком для росписи церкви Ильи Пророка Гурий Никитин пригласил яро-славского кормового живописца Дмитрия Семенова (Сибиряка). Его имя дважды встречается в документах Оружейной палаты: в июле 1679 года Дмитрий Семенов написал «самым добрым мастерством» иконы «Всех святых», «Федор Стратилат», а также храмовый образ для церкви Иоасафа Царевича в подмосковной царской усадьбе Измайлово; в ноябре этого же года он был вызван вместе с ярославскими иконописцами в Москву для росписей Смоленского собора Новодевичьего монастыря. По приказу боярина Богдана Матвеевича Хитрово мастер исполнил наружную фреску «Стена еси девам, Богородице» над северным входом собора. Через десять лет после работы в церкви Ильи Пророка, в 1690–1691 годах, Дмитрий Семенов возглавил живописные работы во Введенском соборе Толгского монастыря, где под его началом трудились и два мастера ильинской артели — костромич Петр Аверкиев и ярославец Иван Андреянов.

Следом за костромскими изографами в клейме указаны ярославские, первым значится Тимофей Федотов (Феодотов). Он происходил из семьи потомственных иконописцев: его прадед Федор Ульянов в 1640 году вместе с братом Даниилом участвовал в росписи ярославской церкви Николы Надеина, дед Никита Федоров был в 1642–1643 годах у стенного письма в московском Успенском соборе, отец Федот Никитин значился в Переписной книге Ярославля 1646 года (в Благовещенском приходе) записным иконописцем. Братья мастера, Никита и Петр, участвовали в росписях Успенских соборов Троице-Сергиева монастыря и Ростовского кремля, московского Архангельского собора. И сам Тимофей Федотов был опытным мастером, в 1670 году он упоминается среди участников росписи ростовского Успенского собора, в 1674 — ярославской церкви Николы Мокрого, в 1675 — ростовской церкви Спаса на Сенях, по заказу царя писал иконы на медных досках «в закомары» церкви Спаса Нерукотворного. Под началом выдающегося ярославского мастера Дмитрия Григорьева Тимофей Федотов расписывал в 1684 году Успенский собор Троице-Сергиева монастыря, в 1686–1688 — вологодский Софийский собор. В 1717 году он написал список с чудотворной иконой Владимирской Богоматери для вологодского архиепископа Павла⁸.

Об остальных ярославских мастерах сохранилось совсем немного сведений: имя иконописца Ивана Петрова больше нигде, кроме Ильинской росписи, не упоминается; об Иване Андреянове (Андранинове) известно, что он был кормовым иконописцем, вместе с братом Степаном участвовал в росписи Успенского собора Троице-Сергиева монастыря и Введенского собора Толгского монастыря; Иван Иванов в 1680 году значился по третьей статье у стенного письма в московском Успенском соборе.

Каждый мастер имел в артели свои обязанности: одни писали лики святых, другие — одежды, третья — архитектурные фоны. Дивными орнаментами украшали стенное письмо травщики, ими могли быть Артемий Тимофеев, который в 1673 году вызывался в Москву для государственных иконописных и травных дел, а также Филипп Андреянов, писавший в 1697 году подзоры в Грановитой палате Московского Кремля.

Ответственной частью работы являлась подготовка левкаса и красок, от качества которых зависела долговечность и колорит настенной живописи. О ярославце Тимофееве Федотове известно, что он специально заранее приезжал в Вологду перед началом росписи вологодского Софийского собора для приготовления красок. В.Г.Брюсова, осуществлявшая реставрационные работы в Ильинском храме в 1950-х годах, отмечала, что по отменному качеству, необычайной крепости и белизне штукатурного грунта

ильтинские стенописи представляют собой явление исключительное, а пигменты, использованные Гурием Никитиным, присутствуют далеко не во всех стенописях Ярославля⁹.

Росписи приделов Варлаама Хутынского, Положения Ризы Христа и Трех Исповедников выполнялись, скорее всего, одновременно со стенными работами в главном храме. И. Л. Бусева-Давыдова справедливо заметила по поводу датировки живописи Ризоположенского придела: «...вряд ли Улита Макаровна допустила бы, чтобы столь важное помещение осталось неукрашенным». Это замечание можно отнести и к семейному храму Скрипиних с усыпальницей под ним.

В составе росписи центрального храма, придела Трех Исповедников и семейной усыпальницы, в сюжетах икон мы находим изображения небесных покровителей членов скрипинского рода — «в вечном молении за создателей храма»¹⁰.

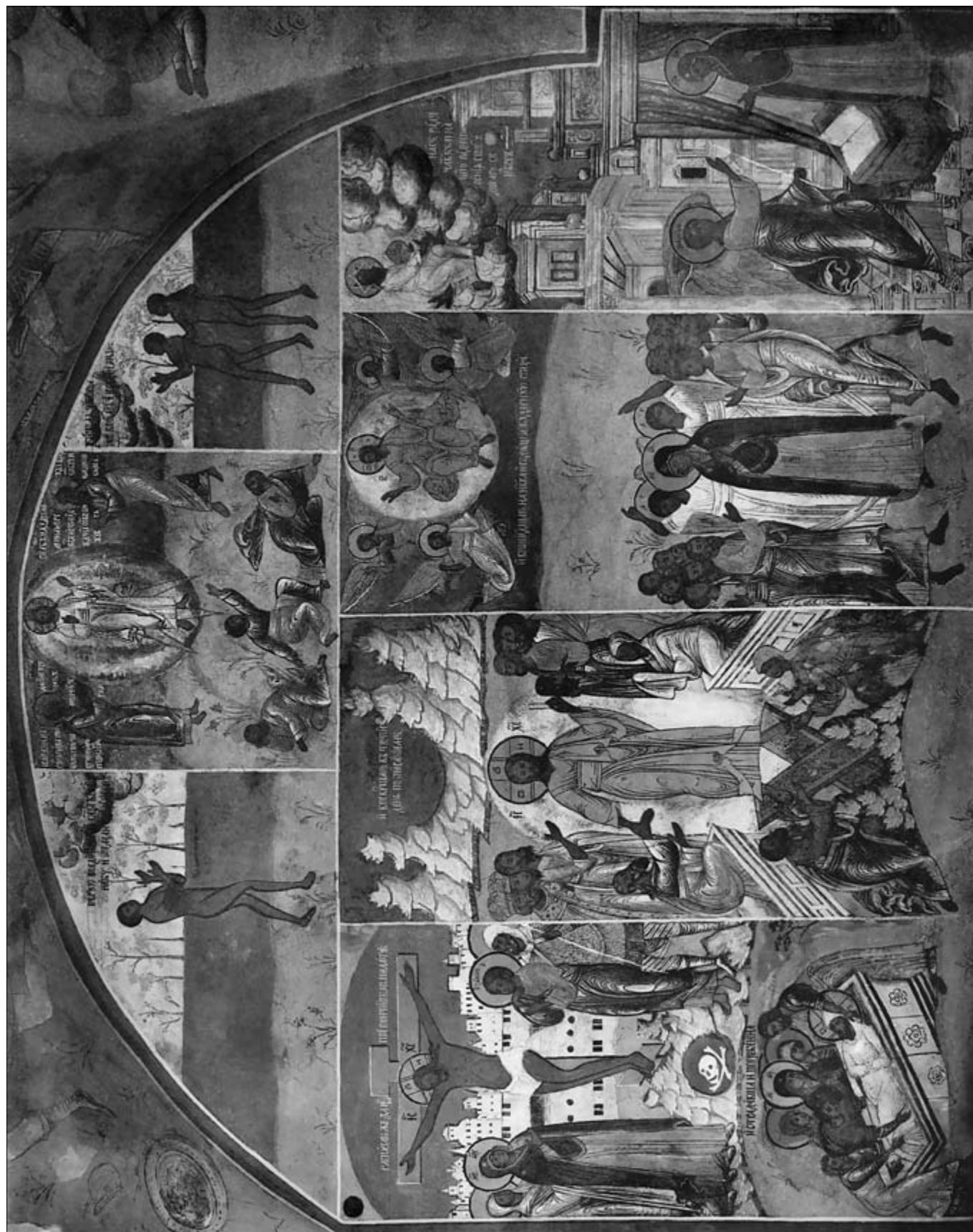
Росписи Покровского придела

Дата росписей Покровского придела церкви Ильи Пророка стала известна относительно недавно. В 1955 году, при проведении реставрации живописи теплого храма, известный реставратор и искусствовед Вера Григорьевна Брюсова обнаружила на восточной стороне столбов, отделяющих трапезу от помещения для молящихся, под слоем поновлений XIX века следы старой храмозданной надписи. Сохранность ее оказалась очень плохой, но текст на южном столбе удалось фрагментарно расшифровать, что и позволило датировать росписи 1697 годом¹¹.

В надписи с перечислением мастеров на северном столбе Веру Григорьевне удалось прочитать имена костромских художников Иоанна и Петра Аверкиевых, но они были рядовыми исполнителями. Главенство в артели В. Г. Брюсова отдала ярославским иконописцам Федору Федорову и Федору Игнатьеву¹².

Талантливый мастер Федор Федоров был внуком священника церкви Козьмы и Дамиана, Карпа, сыном выдающегося иконописца Федора Карпова. Федор Федоров много работал в Ярославле: по документальным источникам он являлся третьим знаменщиком во Введенском соборе Толгского монастыря в 1691 году, вторым — в церкви Спаса на Городу в 1693 году, руководителем работ — в церкви Николы в Меленках в 1705–1707 годах, в церкви Федоровской Богоматери — в 1715–1716, а также в церкви Михаила Архангела — в 1730–1731. Ярославские мастера этого времени уже гораздо реже, чем их предшественники, вызывались в Москву, о Федоре Федорове известно, что он в 1679 году был у стенного письма в кремлевской церкви Спаса Нерукотворного, в 1681 — «чистил и мыл сени ... у великого государя вверху»¹³.

Покровский придел был теплым, отапливается в зимнее время. Система отопления в нем менялась, колебания температуры, влажности приводили к значительным разрушениям живописи, повреждению ее красочного слоя. Стенописи придела гораздо чаще, чем в других объемах храма, подвергались поновлениям. В 1830 году иконописец Василий Сарафанников прописывал свод и стены трапезы темперными красками, а декоративный пояс был покрыт сплошным слоем масляной краски. Первоначальная штукатурка с живописью в местах отставания от кирпичной кладки была сбита и заменена новой.

Символ Веры. Росписи южной стены галереи Покровского придела. Из книги И. А. Вахромеева

Священник Николай Пятницкий справедливо заметил о проводившихся в Покровском приделе по-новительных работах: «Три надписи, сохранившиеся до 1904 г. на стенах, о произведенных в разное время (1830, 1853, 1871) переделках в этой церкви с указанием, на чьи средства произведены работы и под чьим наблюдением, говорили только о ревности этих лиц не по разуму. Люди захотели истратить большую сумму денег на украшение храма сообразно со своим вкусом; впоследствии несравненно большие суммы пришлось израсходовать на удаление всего нового и восстановление утраченного»¹⁴.

Росписи галереи

Датировка росписей галереи церкви Ильи Пророка, не нашедшая отражения в документальных источниках, до настоящего времени является дискуссионной. Н. Г. Первухин, основываясь на стилистическом анализе живописи, высказал предположение, что стенописные работы на галерее производились в два приема с перерывом в несколько лет: в конце XVII века и в 1715–1716 годах; мнение исследователя поддержали Э. Д. Добровольская, И. Л. Бусева-Давыдова.

Имя автора росписей галереи тоже неизвестно, но в ряде работ по истории ярославской монументальной живописи им назван ведущий иконописец Ярославля конца XVII — первых десятилетий XVIII века Федор Игнатьев. В роли второго знаменщика он в 1695 году принимал участие в грандиозных стенописных работах в церкви Иоанна Предтечи, а в 1700, как полагают специалисты, в этом же храме возглавил артель ярославских мастеров, трудившихся над росписями приделов и галереи.

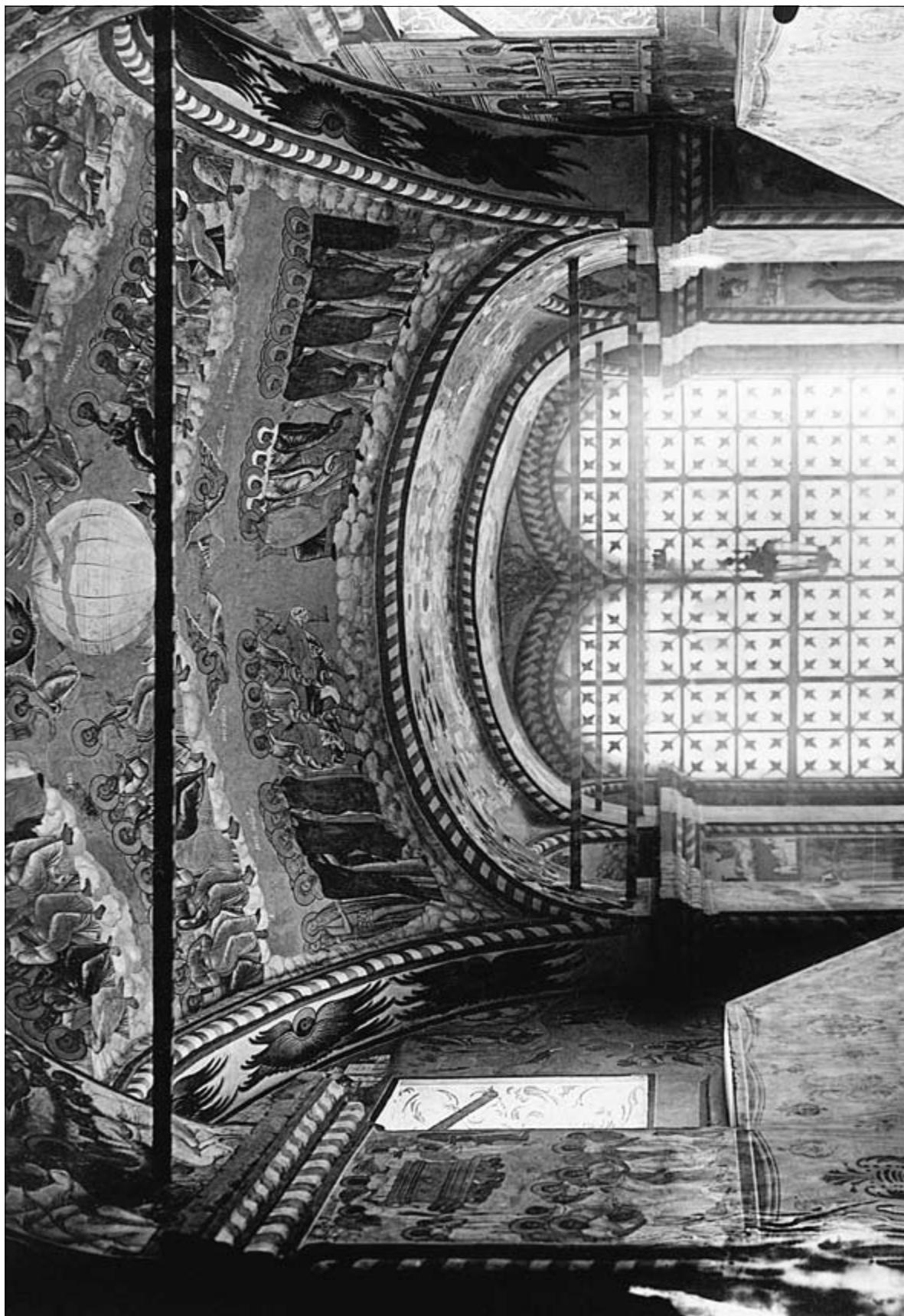
Федор Игнатьев был сыном священника Игната, служившего в Казанском монастыре. Его братья Иван, Кондрат и Василий тоже занимались иконописанием. Всю жизнь он прожил в Ярославле, в приходе церкви Благовещения Духовской сотни. В Переписной книге Ярославля 1710 года об Игнатьеве сказано: «Федор мастерство имеет, пишет иконы».

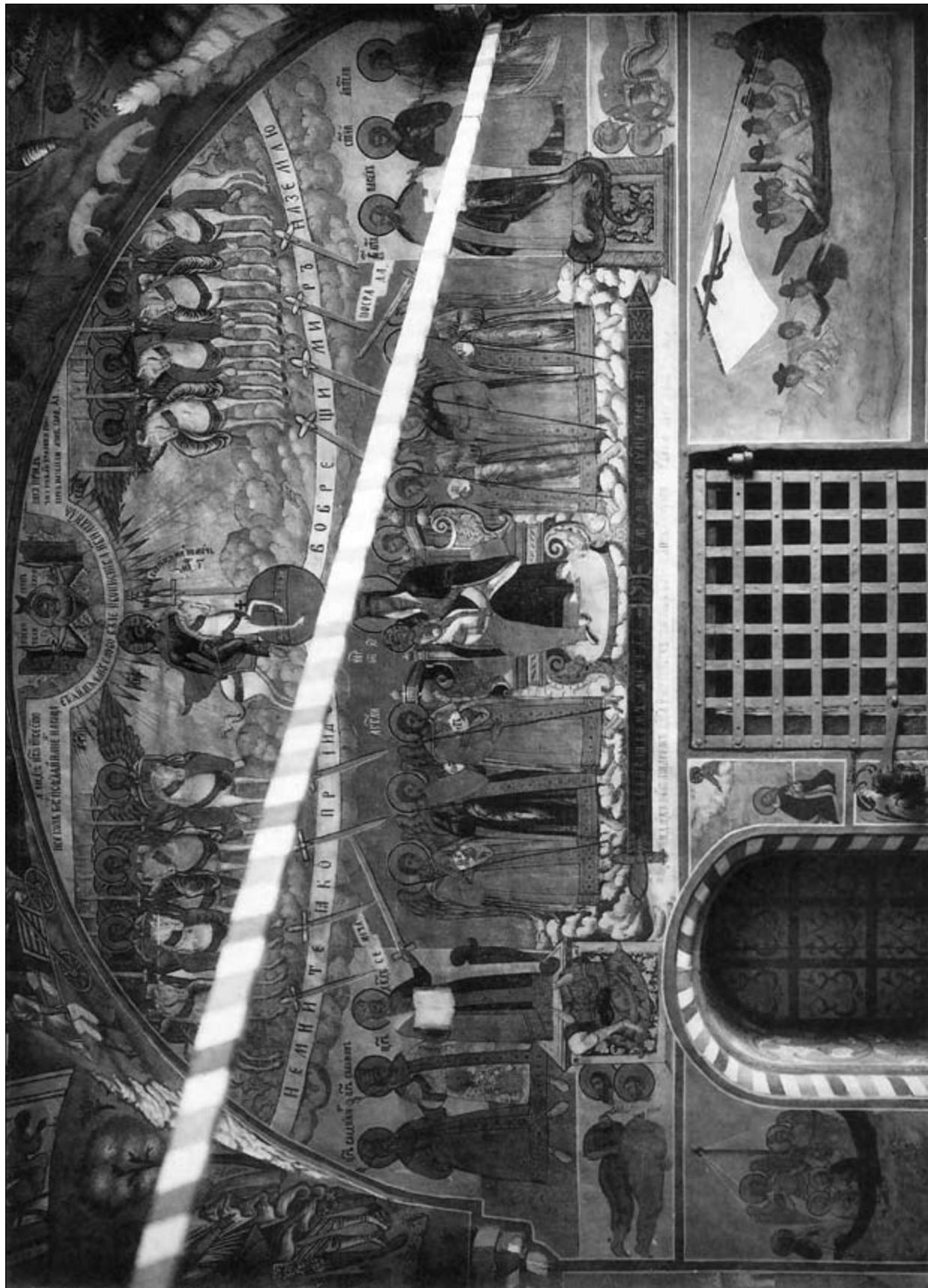
Впервые имя Федора Игнатьева встречается в документальных источниках в 1679 году, когда он в составе ярославской артели «писал местные иконы, деисусы, праздники, пророки и праотцы в дворцовое село Измайлово в церковь Покрова». Мастер принимал участие в росписи Успенского собора Троице-Сергиева монастыря в 1684 году, причем в летописи его имя указано третьим среди двадцати трех ярославских мастеров. Федор Игнатьев, как свидетельствуют источники, был руководителем стенописных работ в церквях Рождества Богородицы в Больших Солях (1711), Федоровской Богоматери (1715), вторым знаменщиком в церкви Иоанна Предтечи (1694–1695). Кроме того, ему приписываются руководство росписями церквей Зачатьевской Ростовского Спасо-Яковлевского монастыря (1689), Благовещения в Ярославле (1709), вологодской церкви Иоанна Предтечи в Рощенье (1717), участие в живописных работах в церкви Богоявления (1692–1693)¹⁵.

Федор Игнатьев был выдающимся мастером, он на несколько десятилетий в конце XVII — начале XVIII века определил стилевые и иконографические особенности ярославской фрески. Этот «великий выдумщик» освоил и воплотил в стенописные композиции многие новые сюжеты, взятые им из разных источников того времени — сборников поучительных притч, житийной литературы, сказаний о чудотворных иконах.

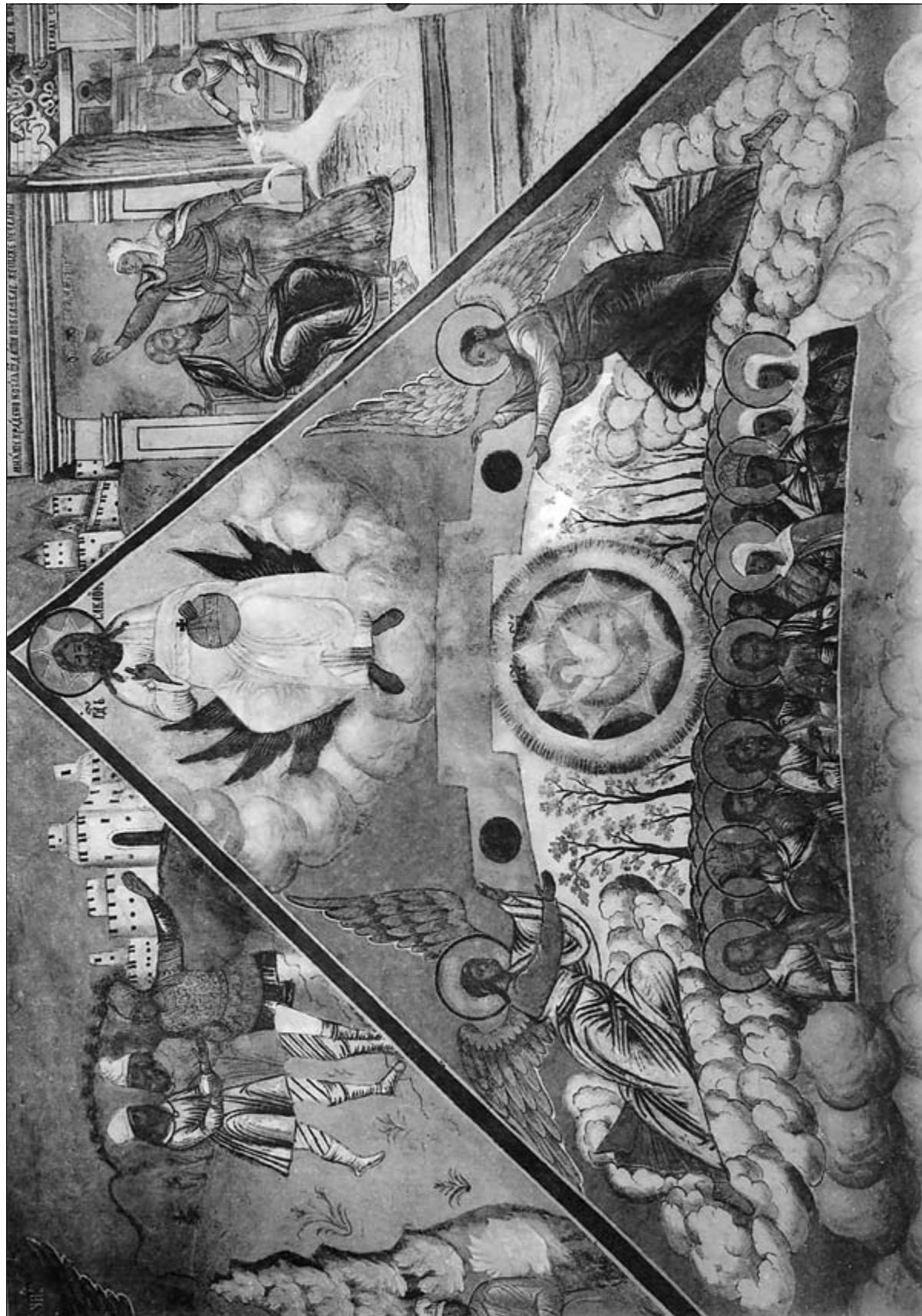
ГАЯО

Росписи западного крыльца. Фотография И. А. Лазарева (?). Начало XX в.

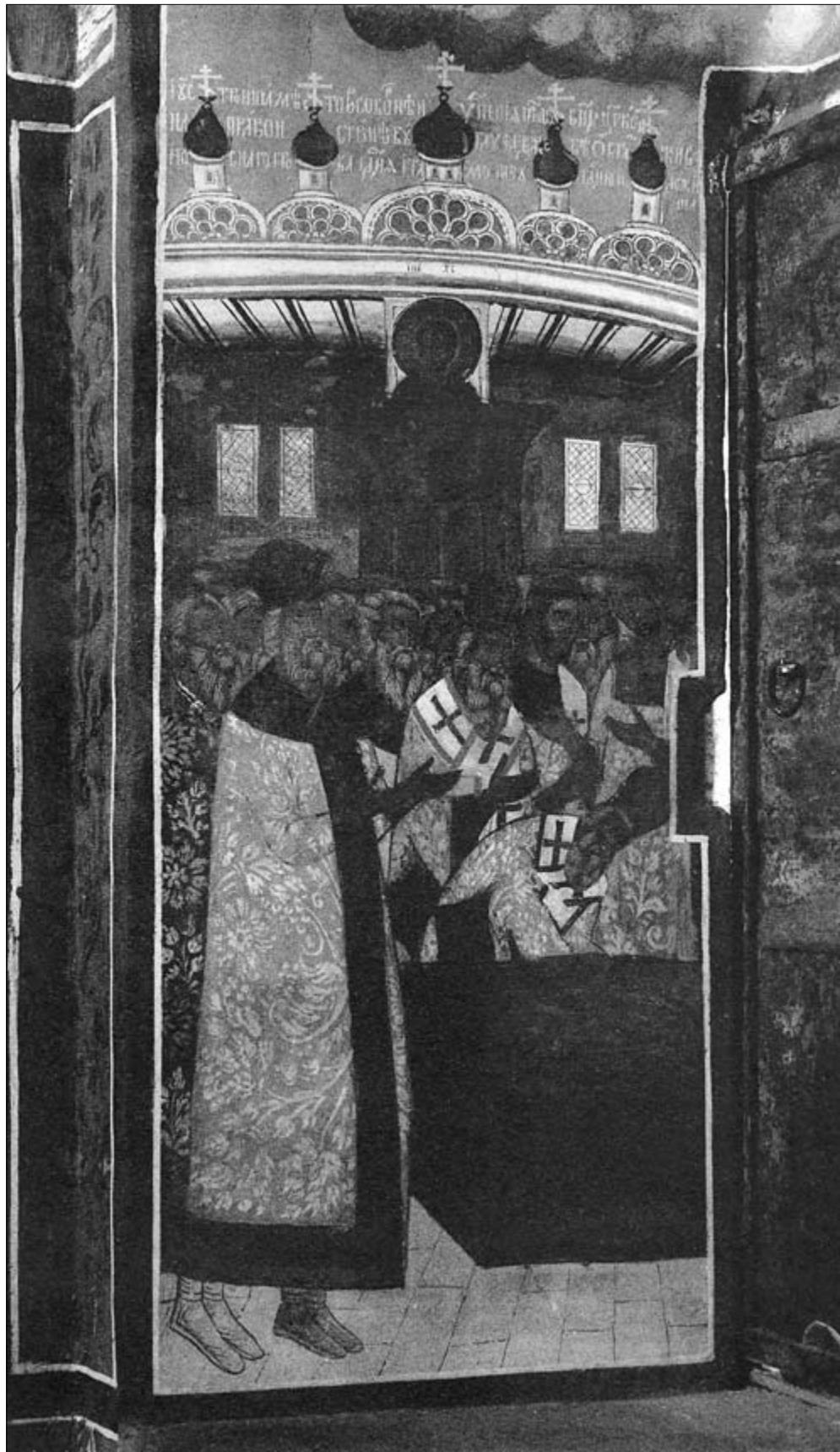

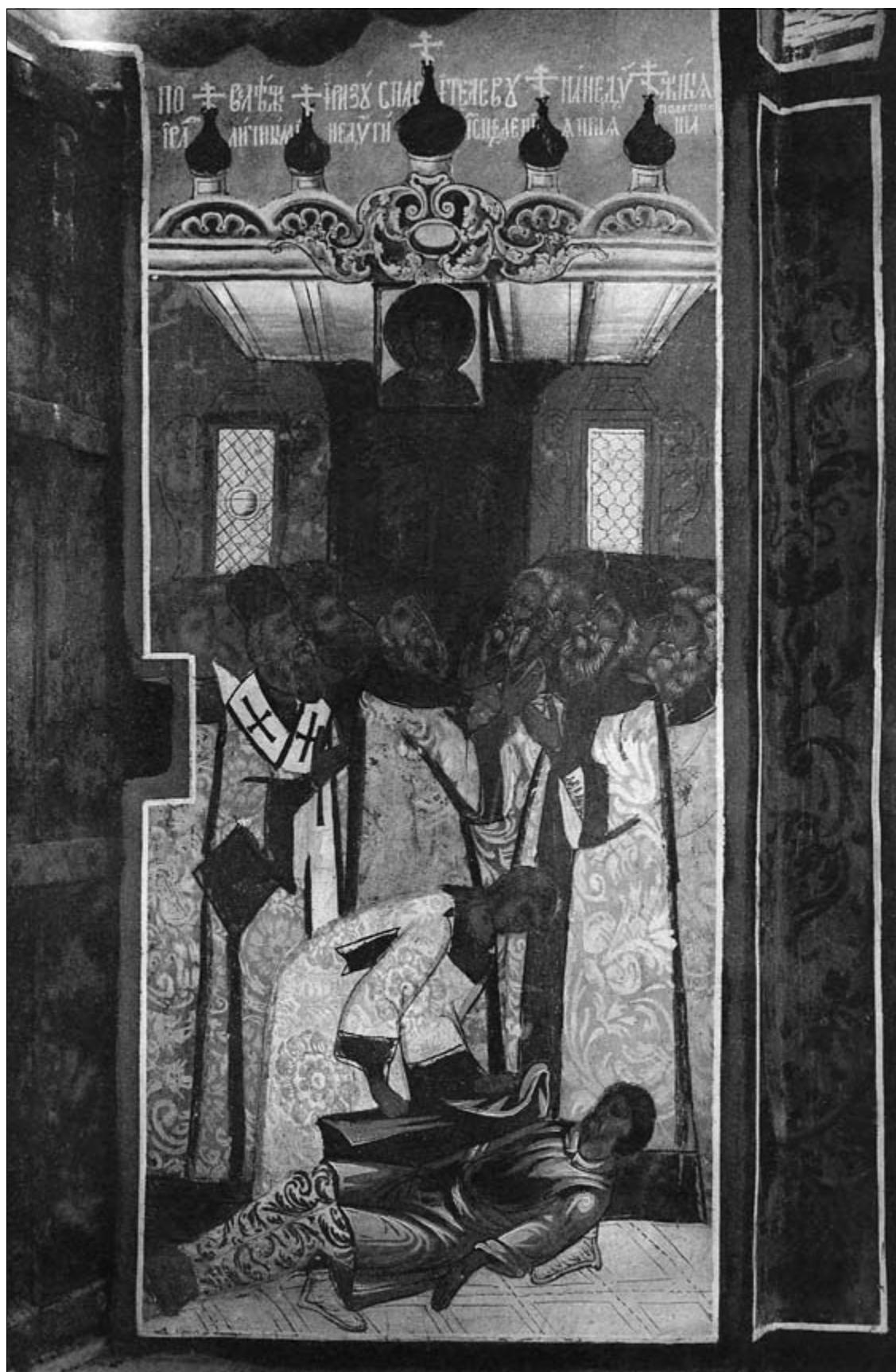
«Апопеоз мечи». Фреска западной галереи. Из книги И. А. Вахромеева

Страшный суд (фрагмент). Небесный Иерусалим. Фреска свода западной галереи. Из книги И. А. Вахромеева

Положение Ризы Христа в московском Успенском соборе
Фреска откоса окна западной стены Ризоположенского придела
Из книги И. А. Вахромеева

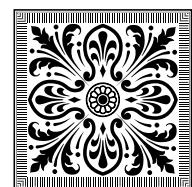

Исцеление недужных от Ризы Господней
Фреска откоса окна южной стены Ризоположенского придела
Из книги И. А. Вахромеева

В церкви Ильи Пророка Федору Игнатьеву приписывают не только руководство росписями галереи, но и создание иконы «Покров Богоматери» из Покровского придела и рамы для иконы «Знамение» из местного яруса центрального иконостаса.

Еще до выполнения живописных работ, в 1680-х годах, галерея была украшена поясом из ярославских поливных многоцветных изразцов. Обычно их применяли для украшения фасадов храмов (Иоанна Златоуста, Иоанна Предтечи, Богоявления и др.), на галерее Ильинской церкви мы видим редкий пример использования фасадных изразцов в интерьере.

С завершением стенописных работ церковь Ильи Пророка была окончательно оформлена и приобрела тот облик, который мало изменялся на протяжении длительного времени.

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Братья Скрипины позаботились о содержании Ильинской церкви — они «дали по душах своих и по душах родителей своих в вечный поминок в Ярославле пол 7-мы [семь с половиной] лавки», да 13 «полат больших что под церквами и колоколнею, да две полатки маленьких под слесницами», которые наказали «отдавать внаем всяким людям, выбрав илиинского прихоженина, доброго человека, в старосты», а все доходы делить натрофе: третью — на церковное строение, другую третью — священнику, третью — дьякону и на поминование по «Нифантие и Анике и по их родителях». Во второй описи они добавили: «А не вступатися в те лавки ни роду нашему ни племени, ни попам, ни дьяконам, ни прихожанам никому тех от церкви лавок не отымать и своими не называть. Отданы те лавки непременно церкви Божией, и быть им церковными вечно»¹.

После смерти храмоздателей попечение об Ильинском храме осуществлялось совместными действиями священнослужителей, церковных старост и прихожан. Сведения о причте, приходе, доходах и хозяйственной стороне жизни церкви Ильи Пророка известны из разных источников — клировых ведомостей, приходно-расходных книг, переписных книг и топографических описаний Ярославля. Много ценных подробностей, взятых из не дошедших до нашего времени церковных документов, сообщает книга священника Николая Пятницкого, посвященная храму.

Доходы и расходы

Заветы храмоздателей по распоряжению вложенным ими имуществом для обеспечения содержания Ильинской церкви и ее причта неукоснительно выполнялись. В 1721 году в храме была заведена «Книга записная о заборе денег и о расходе, что собрано в коем году и что издержано, и кто был старостами, и в каких годах, и что отдано священником на поминование создателей и дьяконам с пономарем и за панихиды, в коих днеах бывает память по создателях, такожде сторожам за сторожу». Начиналась она со слов: «Понеже заповедано от создателей сего святого храма Вонифатия, Иоанникия и Улиты, чтобы выбрать из прихожан Ильинского прихода человека доброго и вероятия достойного и велеть той церкви священнику с приходскими людьми, чтобы оный выбранный имел у себя книгу сию, чтобы по ней сбирать с полат и лавок деньгами и строить вновь и ветхое починивать и отдавать за ту постройку и в церковь покупать

вино церковное и ладан, воску по пуду по всякий год, велеть оный воск переделывать в свечи и ставить пред образы создательские, о коих образах заповедано в заветной от них книге, коя имеется в той церкви за подписанием рук их, в ней же пишут, что в церкви имеется всякой церковной утвари, о евангелии, кресте, сосудах церковных, о ризах и стихарях, о иконах их моления, о полатах и лавках и коликое число имелось при их бытности и что ныне имеется, и почему отдавать священнослужителям»².

Судя по этой книге (в ней более подробно, чем в скрипинской описи, перечислены церковные владения), храму принадлежали 12 «полат по стенам от собору», т. е. встроенных в церковную ограду, 15 кладовых палаток в подклетах, 23 места в городских торговых рядах — в овощном, шерстяном, калачном, треушном женском и других, а всего 52 лавки и палатки. Другой источник — «Приходно-расходная книга по торговым палаткам и лавкам Ильинской церкви за 1753 г.» — сообщает об арендаторах этих помещений и доходах с них. Всего в книге перечислено 37 человек — это канцелярист Михайло Протопопов, торговые люди Григорий и Дмитрий Оловянишники, Иван Рукавишников, Михаил и Григорий Поповы, Василий Мякушкин и др. Арендная плата за лавки и палатки указана разная — от полутора до 12 рублей³.

Деньги, получаемые за сдачу торговых мест в наем, были основным источником доходов Ильинского храма: «довольствуется церковь подаянием приходских людей. В церкви доходу на церковные потребы собирается от 20 до 30 рублей в год, да со вложенных Скрипинами, состоящих в торговых рядах 7 лавок и с имеющихся под церковью и в стене ограды лавок и палаток собирается картомных денег [арендной платы] в год по 200 и более рублей, из которых священнику и дьякону с причетниками по завещанию строителей выдается по 37 рублей ежегодно, а остальное употребляется на прочие потребы церковные»⁴.

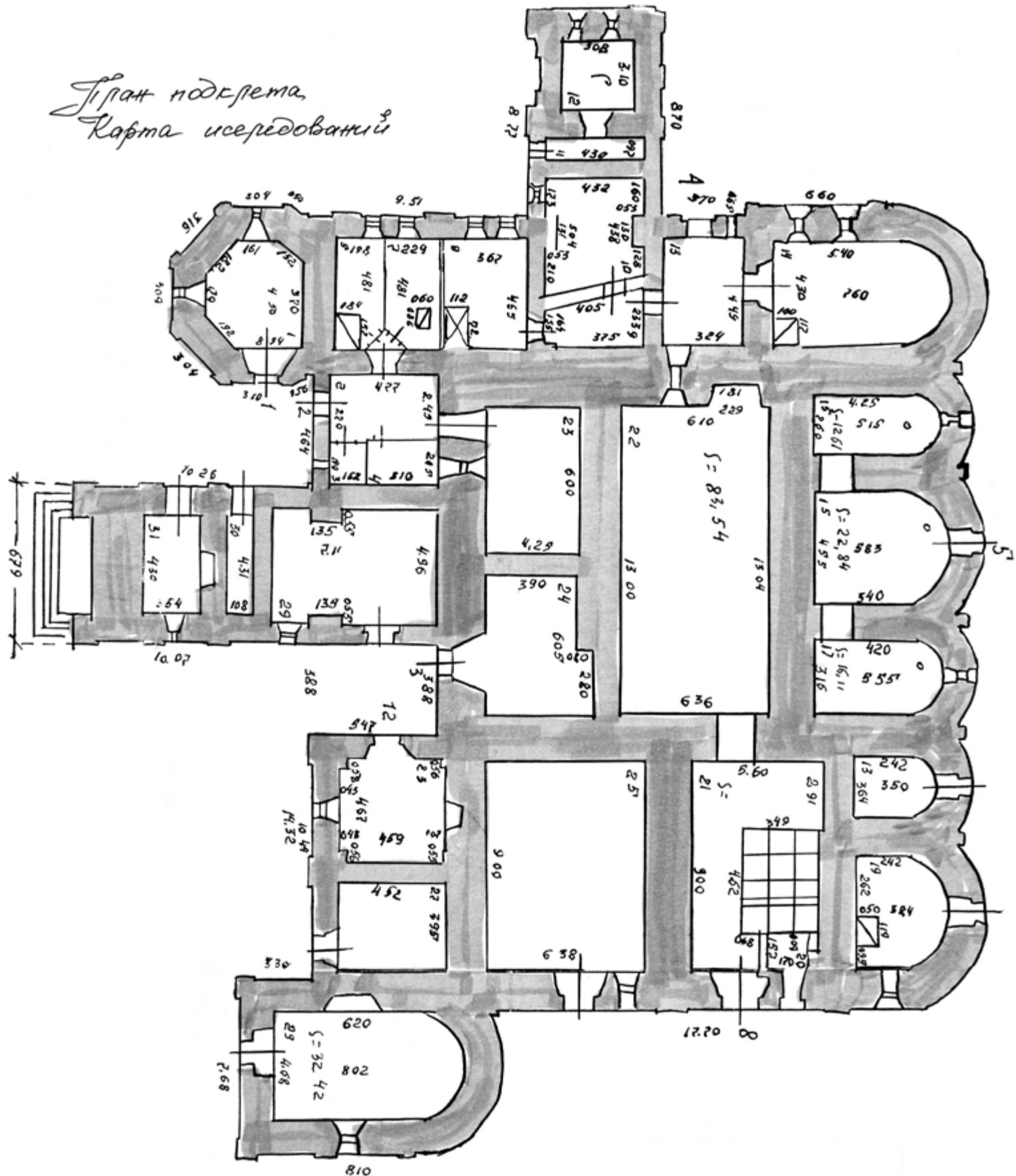
Как видим, храмоздатели оставили достаточные средства не только на повседневные нужды храма, доходов от оставленных ими палаток и торговых мест хватало и на его дальнейшее благоустройство (для сравнения напомним, что стоимость работ по сооружению иконостаса в 1695 году составила 12 рублей).

Неизвестно, какие товары хранились в подклетных палатках Ильинской церкви, но И. А. Тихомиров, ссылаясь на сккупость и невежество некоторых прихожан, крайне негативно относился к подобному использованию храмовых помещений:

«Церковные старосты с ведома причта сдавали палатки под склады мяса и рыбы. Не говоря уже о несоответствии хранения убоины в месте молитв, покаяния и проповеди сострадания и любви, нужно заметить, что такое пользование палатками наносило большой вред зданию.

Вода, образовывавшаяся от таяния льда, которым набивали палатки под убоину, уходила в почву, проникая под фундамент и ослабляя его. Булыжная выбутка давала осадку, кирпичная выверстка трухла и высыпалась. Иногда фундамент расползлся в стороны. Следствием того и другого являлись трещины в стенах здания, особенно в его сквозных — богатых отверстиями — частях, каковы колокольни и галереи. Нередко трещины рассекали здание от фундамента до кровли. Тогда принимались чинить его. Эта чинка заключалась, главным образом, в закладке пролетов, чем рассчитывали увеличить устойчивость стен, а достигали одного лишь обезображивания всего сооружения. В конце концов добыча нескольких десятков рублей наемной платы на палатки влекла за собою расход уже в несколько десятков тысяч рублей на надлежащую поправку расшатанного здания безрассудным и хищническим пользованием (Ильинская, Предтечевская и др. церкви)»⁵.

Гірат подгрема Карта исследований

План подклета церкви Ильи Пророка. Предоставила С. Н. Столярова

Любопытное свидетельство об использовании кладовых палаток в подклете церкви Ильи Пророка относится к 1724 году: некоторые из них были тогда заняты казенным табаком и солдатской амуницией, а правительство за аренду церковному старосте не платило. Последний тяготился лишением дохода, и в расходной книге за 1729 год встречается такая запись: «в том же году дано секретарю и подьячим, чтобы опорожнить кладовую с табаком, — 3 руб. 20 коп.»⁶

Ильинский храм владел в XVII веке землей, «в каком количестве и где неизвестно», но в 1723 году она была продана «Ивану Ильичу Соколову, и на полученные с него 10 рублей куплено на избу для дьякона»⁷.

Расходование средств на содержание храма и его причта было связано с повседневными нуждами: причту за службу, на покупку воска для свеч, ладана и красного вина, платы сторожу и дворнику, дьякону и пономарю «на поминование о создателях». Кроме того, все городские приходы были обложены ежегодным церковным оброком: на содержание епархиального двора, архиерейских судебных чиновников, сборщиков налогов (десятильничье), на путешествия владыки в Москву (в московский подъем), выкуп пленных (окуп), на дворовое строение и т. д. В начале XVIII века церкви Ильи Пророка полагалось выплачивать: церковной дачи — 3 рубля 5 алтын 5 денег; десятильничего — 10 алтын; в московский подъем — 6 алтын 4 деньги; в дворовое строение — 21 алтын 4 деньги; певчим — 2 алтына с полу- и полуполуденьгой; «полонянникам» (пленным) с 4 дворов по 8 денег — 5 алтын 4 деньги; полковым попам — 3 алтына 2 деньги⁸.

Повседневные расходы Ильинского храма, как свидетельствуют документы, оставались на протяжении долгого времени практически неизменными, а вот доходная часть церковного бюджета с конца XVIII века в силу многих причин постепенно, но неуклонно снижалась. А в результате генеральной перестройки центральной части Ярославля и сноса торговых рядов церковь Ильи Пророка потеряла все принадлежавшие ей лавки, в том числе находившиеся в церковной ограде. Взамен городская администрация назначила ежегодное пособие в доход храма — 57 рублей 20 копеек; сумма эта, казавшаяся в XVIII веке немалой, к концу XIX стала, как справедливо заметил настоятель Ильинской церкви о. Николай Пятницкий, в какой-то мере символической. Правда, оставались подклетные помещения, за которые, как указывает «Книга доходов, данная из Ярославской Духовной канцелярии на 1823 год», было «собрано с содержателей 10 церковных палаток... 355 рублей», что дало более половины годового дохода храма, составлявшего 698 рублей 50 копеек. Около трехсот рублей приносили эти кладовые и в начале XX века⁹.

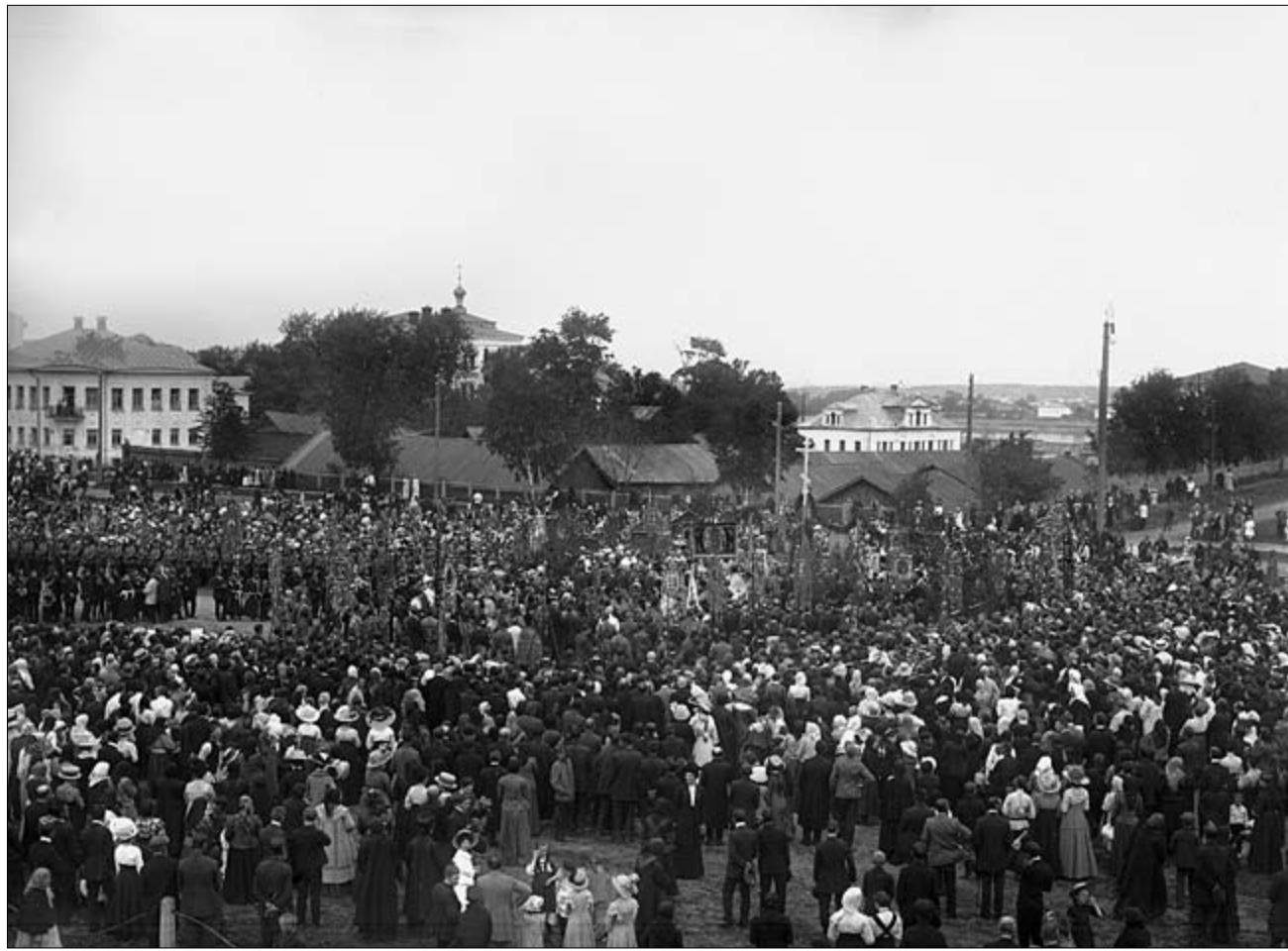
Прихожане

Точная численность Ильинского прихода известна с 1781 года; для центральной части Яро-славля, со значительным количеством храмов на ограниченной территории, она была немалой: «приходских дворов 41, в них жителей 92 мужчин и 119 женщин, всего 211 душ». Среди прихожан, как уже отмечалось, было тогда немало зажиточных посадских людей. Естественно, что с давних пор в приходе велся обычай материально поддерживать нищих, больных, престарелых: при церкви Ильи Пророка в XVIII веке действовала деревянная богадельня, «построение ярославца посадского человека Алексея Романова Полозова с 2 мужчинами и 13 женщинами», организованная, по-видимому, после пожара 1711 года¹⁰.

ГЛЯО

Плац-парадная площадь. Крестный ход в честь прибытия Николая II в Ярославль. 21 мая 1913 г.

ГАЯО

Плац-парадная площадь. «Всеградский» крестный ход
Фотография начала XX в.

Как повелось, прихожане сообща участвовали в своих церковных праздниках, в Ильинском храме их было пять — по числу престолов. К событиям приходской жизни общегородского масштаба раннего времени следует причислить храмовый праздник в Ильин день, 20 июля, «почему и бывает из собора за литургию крестное хождение с четвертой частью городских священнослужителей»¹¹. Этот крестный ход к середине XIX века уже не проводился.

Численность Ильинского прихода уже в начале XIX века из-за перестройки города по новому плану значительно уменьшилась, зажиточные и влиятельные прихожане выстроили дома в более отдаленных от центра районах города и стали прихожанами других храмов. Чтобы спасти церковь Ильи Пророка от закрытия, к приходу еще в 1834 году был приписан батальон внутренней стражи — ильинский священник стал и духовником, и законоучителем его служащих. Судя по «Списку ярославского внутреннего гарнизона батальона 1-й роты офицерам и нижним чинам, которые в святую четыредесятницу должны исполнять христианский долг. 1836–1848 гг.», Ильинский приход тогда увеличился на 205 человек¹². Но, «вследствие отдаленности казарм от батальона и усложнившихся священнических обязанностей в нем (привод к присяге свидетелей в батальонном суде, преподавание Закона Божия

в писарском классе, учебной команде и фельдшерской школе, воскресные собеседования), стало затруднительно совмещение с ними прямых приходских обязанностей, и в 1890 году, по заявлению священника [Николая Пятницкого], он был освобожден от исполнения пастырских обязанностей в означенном батальоне».

На 1906 год приход церкви Ильи Пророка состоял всего из 16 дворов, в которых проживало 29 мужчин и 23 женщины¹³.

Священнослужители

Вначале причт церкви Ильи Пророка был трехчленным — священник, дьякон и пономарь. С середины XVIII века он становится четырехчленным (в штат вводится дьячок), с 1839 года — вновь трехчленным (священник, дьякон и псаломщик), а с 1870 в нем остаются только священник и псаломщик.

Первые священно- и церковнослужители, еще деревянной Ильинской церкви, имена которых удалось установить по переписи 1646 года, уже упоминались: это поп Федот, дьякон Кондрат, пономарь Овдокимко и просвирница Мавра.

Отец Николай Пятницкий привел в своей книге данные о служивших при храме с 1723 года. Переписная книга Ярославля 1717 года позволили частично восполнить сведения о самых первых служителях каменной церкви Ильи Пророка и уточнить данные начала XVIII века¹⁴.

Имя настоятеля храма, служившего в нем еще при жизни Улиты Макаровны, — Михаил Семенов. Жил он в Сретенской сотне. Вполне возможно, что он и был преемником попа Федота.

Следующим священником, с 1690-х годов, был Егорий, умер он до переписи 1709 года.

Его сменил и до 1714 года был священником Ильинской церкви Семен Григорьев.

Еще до 1709 года начал служить в Ильинском приходе второй, придельный священник Ипат Матвеев, в 1717 году он также значится при церкви.

Первый настоятель, имя которого упоминает Н. Пятницкий, — Гавриил Иванов. Заметим, что Ипат Матвеев в это время (1723) уже при храме не значится. Переписная книга 1717 года уточняет: Гавриил Иванов перешел к церкви Ильи Пророка в 1714 году. Нельзя не упомянуть еще об одной подробности из этой записи: о. Гавриил жил в той самой келье, где закончила свою жизнь Улита Макаровна Скрипина.

Преемником Гавриила Иванова в 1729 году стал бывший ильинский дьякон Иоанникий Дмитриев, прослуживший в церкви Ильи Пророка до 1750 года. Как уточняем из Переписной книги, прибыл он в 1706 году в возрасте 21 года.

Следующими священниками Ильинского храма были¹⁵ Иоанн Тимофеев (1751–1769), Федор Петров (1769–1774), Иоанн (1774–1778), Федор Петров (1778–1792), Иоанн Герасимов (1792–1823, 1826–1838). В 1824–1825 годах церковные документы подписывал за местного священника Андрей Дмитриев (Норский), священник Ильинско-Тихоновской церкви. С 1839 он уже служил только в Ильинском храме до своего перевода в Духовскую церковь в 1845 году, где 30 января 1849 был возведен в сан протоиерея. Священник Николай Цветаев был назначен в Ильинский храм 15 октября 1845 года, а 31 мая 1851 перемещен в церковь Петра и Павла при мануфактуре.

Более тридцати лет, с 31 мая 1851 до 12 августа 1888 года, служил в церкви Ильи Пророка священник Михаил Иванович Владыченский, выпускник Ярославской духовной семинарии. За несколько лет до смерти он был уволен за штат. Михаил Владыченский покончился в подклете Ильинского храма, у входа в усыпальницу. На металлическом надгробии над его захоронением отлита надпись: «Здесь погребено тело усопшего раба Божия, настоятеля Ильинской церкви иерея Михаила Ивановича Владыченского. Родился в 1816 г. Рукоположен в иереи в 1836 г. Скончался 31 марта 1893 г.» Автор некролога нашел замечательные слова о пастыре: «Положив начало своему священническому служению среди многотысячного населения фабричных людей (в приходе Петропавловской церкви при Ярославской Большой мануфактуре. — *T. P.*), покойный ... и при переходе к Ильинской церкви продолжал самоотверженно служить низшим классам народа. В холерные 1870–1871 годы кто напутствовал умирающих в подвальных помещениях, в больницах и богадельнях и даже на Волге на судах и плотах? Отец Михаил»¹⁶.

В 1830 году поступил в Ильинский храм причетником Петр Александрович Израилев, в 1851 он был посвящен в дьяконы и служил при Михаиле Владыченском до 1859 года¹⁷.

Последним священником Ильинского храма, с 1888 по 19 февраля 1918 года, являлся Николай Пятницкий, автор книги «Ильинская церковь в городе Ярославле». Он был сыном священника церкви села Дмитриевского Романово-Борисоглебского уезда. Отец Николай в 1872 году закончил обучение в Ярославской духовной семинарии, до 1874 учителяствовал в Тверской губернии, а затем вернулся в Ярославль. Некоторое время он преподавал русский и церковно-славянский язык в семинарии и епархиальном женском училище. В 1880 году Николай Пятницкий был рукоположен архиепископом Ионафаном совершать богослужения для учеников семинарии в одном из храмов Архиерейского дома, затем перемещен в Углич, а с 16 августа 1888 года назначен священником в церковь Ильи Пророка. С 1890 года «безмездно» исполнял пастырские обязанности в «ярославской лечебнице для приходящих больных», с 1903 года Николай Пятницкий являлся благочинным самого большого по числу храмов II округа Ярославля, в 1909 — возведен в сан протоиерея¹⁸. В феврале 1919 года протоиерей Пятницкий был переведен, согласно его прошению, в Пошехонский уезд¹⁹, о дне его кончины и месте захоронения в настоящее время сведений не имеется.

ИЛЬИНСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Важный поворот в истории церкви Ильи Пророка произошел в конце XVIII века, он был связан с учреждением Ярославской губернии и с генеральной перестройкой города по регулярному плану.

В 1775 году, в результате проводившейся императрицей Екатериной II административной реформы, Россия была разделена на 50 губерний во главе с гражданскими губернаторами. Для нескольких соединенных вместе губерний назначались генерал-губернаторы, или наместники, они надеялись чрезвычайными полномочиями и несли ответственность только перед императрицей. По указу Екатерины II от 23 февраля 1777 года Ярославль становится центром наместничества, а известный вельможа того времени Алексей Петрович Мельгунов — первым ярославским наместником. Императрица писала в рескрипте сановнику: «Мы, почитая за благо учредить вновь Ярославскую губернию, всемилостивейше в оную определяем вас в должность генерала-губернатора и поручаем вам оную губернию, не упуская времени, объехать, и, по данному от Нас вам примерному росписанию оной в двенадцать уездов, на месте удобность их освидетельствовать, и как о сем, так и какие вновь города для приписания к ним уездов назначить нужно будет, Нам самолично представить»¹. В 1781 году управлению Мельгунова было подчинено Вологодское наместничество, а в 1784 — Архангелогородское.

Алексей Петрович Мельгунов и регулярный план Ярославля

Алексей Петрович Мельгунов (1722–1788), выдвинувшийся в число самых влиятельных государственных деятелей при Елизавете Петровне, ближайший соратник императора Петра III, в 1762 году был поставлен во главе Новороссийского края, где «явили... многие опыты ума своего и деятельности», в 1765–1767 годах руководил Камер-коллегией. Имя Мельгунова в истории Ярославля связано со многими славными начинаниями, но мы рассмотрим подробнее его градостроительную деятельность, поскольку благодаря ей жизнь Ильинской церкви во многом преобразилась.

Поселившись в качестве наместника в Ярославле, Алексей Петрович на первых же порах обратил внимание на облик города: «кроме нескольких церквей, он увидел дома здесь почти все деревянные, улицы

Первоначальный регулярный план Ярославля 1769 года (фрагмент):

- 1 — кремль; 2 — Спасский монастырь; 3 — церковь Ильи Пророка;
- 4 — проектировавшийся гостиный двор. Из книги В. Ф. Марова

кривые и тесные». Новые функции губернского города потребовали генеральной перестройки Ярославля — сооружения зданий для создаваемых губернских учреждений, комфортного жилья для целого штата чиновников, благоустройства улиц.

Алексей Петрович не первый пришел к мысли о перепланировке города, еще в 1769 году по указу Сената «комиссией по каменному строению Петербурга и Москвы» был составлен и утвержден Екатериной

II проект первого регулярного плана Ярославля. По нему улицы в границах Земляного города должны были располагаться прямоугольной сеткой, а главную площадь предполагалось устроить западнее нынешней. По этому плану ограда церкви Ильи Пророка выходила на восточную торцевую сторону площади, на противоположной стороне которой проектировался гостиный двор. Горожане к этому плану отнеслись неодобрительно и всячески препятствовали претворению его в жизнь: для устройства главной площади необходимо было снести много жилых домов, купечество осталось недовольно удаленностью гостиного двора от пристани; кроме того, «наличие площади с гостиным двором выявляло только торговый характер города»².

Коренная перестройка города стала для Алексея Петровича Мельгунова первоочередной задачей, по его распоряжению взамен прежнего проекта, к осуществлению которого еще не приступали, составили новый, утвержденный императрицей 19 марта 1778 года. Автором «Высочайше конфирированного плана» некоторые исследователи называют выдающегося петербургского архитектора И. Е. Старова, проектировавшего города Екатеринослав и Николаев³. Главными композиционными узлами новой планировки становились ярославские храмы⁴. Особенно ярко это проявлялось в организации центра города, отправной точкой которого становилась Ильинская церковь. Храм по плану занимал срединное положение в центральной части Ярославля, от него должны были начинаться улицы-лучи, завершившиеся тоже старинными храмами или крепостными башнями. Перед церковью предполагалось развернуть трапециевидную Ильинскую площадь с двумя корпусами присутственных мест и дворцом наместника между ними.

Претворение плана в жизнь

Больших трудов и усилий стоило Алексею Петровичу Мельгунову приводить новый план в исполнение, можно смело сказать, что он начал строить новый город. Как отмечал К. Д. Головщиков, «нужно было ему бороться при этом и с предрассудками жителей, обыкновенно и теперь еще пристрастных к прежнему порядку вещей и почитающих святынею дома своих предков; нужно было и удовлетворить жителей бедных, принужденных поселяться на новых улицах и строить новые дома. Но ум и энергия Алексея Петровича сумели все превозмочь и выйти из затруднений полным победителем. Для этого прежде всего он озабочился изыскать средства платить жителям за старые, подлежащие сломке дома и лавки и начал отводить места и отпускать ссуды на новые постройки».

Преобразованию центральной части Ярославля мешали также каменные ограды храмов и всевозможные постройки внутри них. А. П. Мельгунов сообщал в письме архиепископу Самуилу Миславскому 11 июня 1783 года: «По случаю производимых ныне в Ярославле по Высочайше конфирированному плану разного казенного и публичного строения и расположения по кварталам улиц многие оные взошли в Земляном городе [на] состоящие около церквей каменные ограды и священно- и церковнослужительские деревянные, большою частью старые, а иные совсем ветхие и маленькие домики, которые, за неположением по плану в Земляном городе деревянной постройки и по ветхости их, а ограды за стеснением от них улиц, необходимо подходят к сноске...

ЯМЗ

Северный корпус присутственных мест (1781–1785)
Фотография конца XIX — начала XX в.

не угодно ли будет [снести] ограды, около церквей состоящие, поелику они надобности ныне для церкви не составляют, в рассуждении того, что кладбищей внутри города при церквях давно уже нет, а состоят оные за городом». Самуил Миславский согласился, только в ответном письме предложил ограды «обратить» на строительство домов для причта⁵.

Обустройство главной площади и близлежащих улиц происходило в сжатые сроки и не без силового давления со стороны губернских властей. Алексей Петрович Мельгунов, управлявший наместничеством одиннадцать лет, не увидел его столицу преображенной, начатое им дело по благоустройству города продолжили его преемники. Скончался Алексей Петрович шестидесяти шести лет в Ярославле 2 июля 1788 года, его похоронили в Толгском монастыре. Знаменательно, что именно в церкви Ильи Пророка состоялась панихида по этому человеку, сыгравшему ключевую роль в ее судьбе.

В 1790 году назначенный после смерти А. П. Мельгунова генерал-губернатором Евгений Петрович Кашкин, «обозревая самолично все обстроение города Ярославля», обратил внимание наместнического правления на то, что многие старые дома «выдались в улицы и площади, чем не токмо большие улицы теряют свой вид и устройство, но в некоторых местах мешают и свободному проезду прямо по улицам, многие в такой ветхости, что дерево уже обгнило и на-клонившись избы на сторону подвергаются совершенно разрушению и падению». Губернатор предложил хозяевам таких домов «объявить, дабы от сего времени через год переместились, избрав приличные их состоянию места, ежели по недостачеству своему не могут выстроиться на таких улицах, в которых неминуемо должен быть сохраняется узаконенный планом фасад, то избрали бы себе места в слободах и в других урочищах, свойственных самому простому об-

ГАО

Южный корпус присутственных мест (1786)
Фотография конца XIX — начала XX в.

строению, где могут быть в состоянии выстроиться... Ежели же в течение годичного времени не очистят тех мест, то, несмотря уже ни на какое их извинение, дома их сломаны и места розданы будут другим»⁶.

Именно тогда, в ходе перестройки города, церковь Ильи Пророка потеряла принадлежавшие ей торговые места и лавки, многих прихожан, переселившихся в другие районы Ярославля; а также была снесена ограда храма с встроенным палатками и домами для причта. Городские власти компенсировали утрату последних, построив вместо них «дом для церковнослужителей 3-этажный, сделан из... бывшей ограды около сей церкви»⁷.

Главная площадь города

За короткий срок, благодаря умелой организации дела и настойчивости А. П. Мельгунова и его преемников, был претворен в жизнь грандиозный план перестройки центральной части Яро-славля, формирования его главного ядра. Три площади — большая Ильинская, огромная прямо-угольная Плац-парадная и Соборная, с кафедральным Успенским собором, — сливались, плавно перетекая одна в другую к территории Стрелки. Подобное архитектурно-планировочное решение и по своим размерам, и по глубине общего художественного замысла было одним из самых значительных и ранних в градостроительстве русской провинции XVIII века. Оно позволило парадно раскрыть весь центр Ярославля с его многочисленными храмами, создавая архитектурно насыщенный силуэт города. В 1806 году, по оформлении ансамбля площадей, впечатление от этого захватывающего зрелища пере-

Вид на церковь Ильи Пророка с колокольни Успенского собора
Почтовая карточка начала XX в.

дал профессор Демидовского лицея Фридрих Шмидт: «В Земляном городе находятся самые красивые здания, и когда идешь туда от кафедрального собора через Флоровский каменный мост на Медведице, то взору представляется превосходная картина. Сперва выходишь на просторную, ничем не занятую площадь и здесь видишь вокруг нее, между великолепными массивными домами, 15 каменных церквей со своими колокольнями»⁸.

Этот ансамбль не сохранился в неприкосновенности до наших дней. Еще в 1820-х годах в центре Плац-парадной площади был построен памятник основателю Ярославского Демидовского лицея П. Г. Демидову и разобрана каменная церковь Флора и Лавра, находившаяся с ее южной стороны, а в 1872 году вдоль центральной оси площади разбит широкий сквер. Тем не менее облик центрального ядра Ярославля, несколько утратив былую величественность, остался по-прежнему привлекательным. В начале XX века Н. Г. Первухин практически вторит профессору Шмидту, описывая эффект от прекрасных, открывающихся перед любознательным экскурсантом видов: «Когда он станет среди пустынной Ильинской площади, в центре старого города, ему покажется, что он в ограде какого-то монастыря: сзади и спереди, вправо и влево, вблизи и вдали, куда уходят разбегающиеся улицы, глаз туриста непременно встретит приветливый профиль красивого храма и шатровый верх стройной колокольни»⁹.

По новому плану Ярославля церковь Ильи Пророка стала центром его главной площади, территория вокруг храма была освобождена от жилых домов, хозяйственных построек, и уже в 1785–1786 годах завершилось

сооружение северного и южного корпусов присутственных мест по проекту губернского архитектора Э. М. Левенгагена; через год, с введением дворца наместника, комплекс административных зданий Ильинской площади получил окончательное оформление.

В пространственной организации площади талантливый зодчий достиг удивительного эффекта — гармоничного сочетания в одном целом памятника XVII века и зданий эпохи классицизма: «прекрасные пропорции зданий, умело найденные высоты их по отношению основной доминанты — храма Ильи Пророка... придают ансамблю незабываемые черты величественной монументальности. Удивительны размеры трапециевидной Ильинской площади. Она создана объемом церкви Ильи Пророка, храм царит над ней, в то же время окружающие здания, по высоте в два с половиной раза меньше храма, по силе своего воздействия на зрителя равнозначащи с ним»¹⁰.

Но в первоначальном виде ансамбль Ильинской площади просуществовал недолго. Окончательная отделка дворца наместника была остановлена в 1787 году по повелению Екатерины II. Через десять лет Павел I, частично упразднивший в рамках проводимой им реформы местного управления присутственные места, предписал оставшиеся без употребления казенные строения обратить в «казармы к помещению войск для квартирования»¹¹. К этому времени, выстроенные в спешке, здания присутственных мест пришли в негодное состояние: второй корпус стал «столько ветх и опасен», что располагавшиеся в нем учреждения были отселены.

Во дворце наместника, так и простоявшем пустым, тоже оказались многочисленные «ветхости». Поскольку на ремонт строений требовались немалые средства, а сами они оказались не приспособленными для размещения войск — «покои для солдат тесны», — было найдено другое решение. Ярославский губернатор Никита Сергеевич Урусов сообщал генерал-прокурору Алексею Борисовичу Куракину в письме от 16 мая 1797 года, что ярославцы высказали желание построить казармы на общие средства за городом, «на открытом и возвышенном месте на городской выгонной земле при дороге из Москвы в Ярославль», а дворец разобрать, материалы от него использовать на сооружение казарм и «вырученные через сие деньги употребить на поправление второго корпуса присутственных мест»¹².

В июне 1797 года император утвердил это решение ярославского общества, и на следующий год, уже при губернаторе Николае Ивановиче Аксакове, дворец на Ильинской площади был разрушен. Место, которое он занимал, оказалось несчастливым для возводимых на нем зданий. В 1820 году губернский архитектор П. Я. Паньков построил на пустыре Мытный двор с корпусами лавок. На Ильинскую площадь выходили два каменных двухэтажных павильона — Торговой биржи и магазина, проезд между ними открывал торжественный вид с площади на Сретенскую церковь. В середине XIX века и Мытный двор был снесен, а напротив церкви Ильи Пророка появилось не примечательное ничем сооружение — Полицейское управление, в 1980 году на его месте возведено здание Обкома КПСС (ныне в нем размещается Администрация Ярославской области).

Любопытные подробности оформления Ильинской площади сообщил К. Д. Головицков: на тротуарах около присутственных мест «врыты были, вместо тумб, чугунные пушки, взятые от дома бывшего здесь в прошлом столетии коменданта. Многие из этих пушек уже разбились, а остатки их в последнее время

ГАЯО

Церковь Ильи Пророка. Вид с северо-запада
Фотография конца XIX в.

вырыты и сложены, заботами бывшего городского головы И. А. Вахромеева, на недавно, его же заботами, устроенном на Ильинской площади плацу. Эти орудия, по всей вероятности, из числа тех, коими ярославцы защищали свой город в начале XVII столетия».

Ильинская площадь, к которой стекаются все центральные улицы старого Ярославля, окруженная постройками разного времени, сохранила свое очарование. И сегодня мы можем повторить слова, сказанные полтора века назад: «Чрезвычайно красива сама по себе и много сообщает красоты городу Ильинская площадь с церковью Ильи Пророка»¹³.

Центр общественной жизни

Расположение главной, административной площади Ярославля вокруг Ильинской церкви определило особое место храма в дальнейшей жизни города. Многие события не только местного, но и общерусского масштаба разворачивались теперь на обширном пространстве перед ней: устраивались молебны, проводились празднества, «преизрядный звон» ильинских колоколов встречал градские крестные ходы.

На Ильинской площади происходили важные действия в церемониале высочайших посещений. Так, в записи «Церковного летописца» Николо-Мельницкого храма от 14 августа 1858 года сообщается о пребывании императора Александра II в Ярославле: «в 11 утра Его Величество изволил произвести на Ильинской площади смотр войскам, в Ярославле находящимся: ростовскому гренадерскому принца Фридриха ингерманландскому полку, 1-му гренадерскому и 3-му учебному стрелковым и ярославскому гарнизонному батальонам, и остался войсками отменно доволен»¹⁴. А в 1851 году, во время посещения Ярославля государыней Марией Александровной, «церковь Ильи Пророка, господствующая над главной площадью, обнесена была со всех сторон высоким палисадом, увитым огненными гирляндами, и представляла великолепнейшую картину, не виданную доселе в Ярославле»¹⁵.

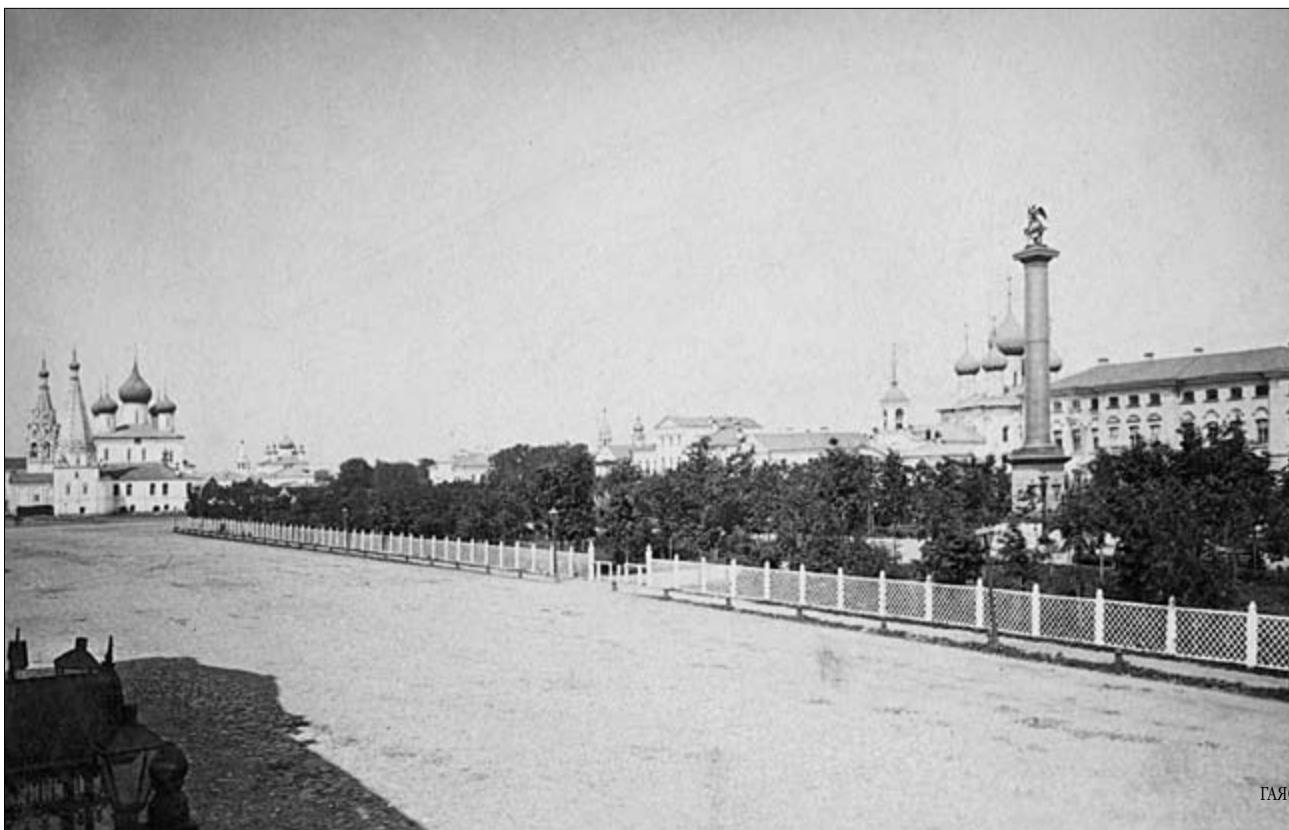
В храме и на прилегающей к нему площади проводились освящение знамен и воинские молебны для ярославских отрядов, отправлявшихся на Отечественную войну 1812 года, на поля сражений Крымской кампании: «В первых числах мая [1855 года] окончен набор ратников на защиту Отечества от врагов. Взято по 23 человека от каждой тысячи. Июля 17 архиепископом Нилом было совершено на Ильинской площади освящение знамени для ярославской дружины, при многочисленном стечении народа»¹⁶.

Совершались в храме богослужения и по другим чрезвычайным обстоятельствам: так, 12 июля 1892 года прошел молебен о предотвращении холеры, на котором протоиерей И. Сперанский сказал: «Гражданское начальство предлагает нам иметь осторожность и употреблять указуемые врачебным искусством меры к предупреждению и предотвращению губительной язвы. Но необходимо помнить, что все человеческие меры предупреждения и предотвращения при том только условиях успешны и действительны, если на них призываются благословение Божие, если, прогневанный беззакониями и неправдами нашими, Господь сам благоволит отвратить от нас праведный гнев свой и преложить оный на милость»¹⁷.

Каждый год, 22 октября, причтом церкви Ильи Пророка в здании губернского правления в присутствии губернатора и высших чинов совершался молебен с водоосвящением перед иконой Казанской Богоматери, начало ему было положено в 1851 году, когда «на пожертвования чиновников Губернского правления была приобретена риза для чтимой чиновниками этого учреждения иконы»¹⁸.

Городская ярмарка

ТERRITORIЯ бывшего Земляного города и после генеральной перестройки продолжала оставаться торговым центром Ярославля. Вокруг Ильинской площади размещались городские торговые заведения: напротив церкви Ильи Пророка расположились корпуса Мытного двора, а позднее Мытный рынок; от нее начиналась Малая Угличская улица (ныне — Кирова) с большими магазинами, а с учреждением наместничества ежегодно накануне Великого поста, с 5 по 20 марта, на Ильинской площади проходила единственная городская ярмарка. Привлекавшая все население Ярославля и близлежащих городов, она начиналась в 12 часов дня. После водосвятного молебна, совершающегося на площади причтами Ильинской и Спасо-Пробоинской церквей перед иконой ярославских святых князей Федора, Давида и Константина, в день памяти которых она открывалась, поднимали флаг.

ГЛАО

Вид на церковь Ильи Пророка и памятник П. Г. Демидову
Фотография конца XIX в.

Ильинская площадь в эти дни преображалась, от обычной ее торжественности не оставалось следа. Как писал очевидец, в Ярославль каждый год прибывают крестьяне из разных уездов губернии «с хлебом, холстами, деревянной и глиняной посудой, с сеном, дровами и другими разными изделиями, а также приводят немало лошадей, посредственной цены; купечество из разных других городов приезжает в немалом числе для покупки состоящих в сем городе фабрик и заводов разных товаров»¹⁹.

Как любая ярмарка в России, ярославская служила для совершения покупок и заключения торговых сделок: на ней «были открыты ларьки, славилась чайная посуда фабрики Кузнецова, продавались отрезы ситцев, нитки; были балаганы, петрушки, клоуны, панорама, раёшники»²⁰. Как видим, ярмарка превращалась в шумный многолюдный праздник, становилась местом любимых развлечений горожан. Самым притягательным ярмарочным увеселением являлись балаганы — на площади разворачивались временные театры, где разыгрывались небольшие комические пьески-интермеди, цирковые выступления, пантомимы. Обязательным ярмарочным атрибутом были и небольшие балаганчики, там показывали или «женщину-паука», или «африканского людоеда» на потребу совсем уж невзыскательной публики. Русская ярмарка не обходилась без райка или потешной панорамы. Живо представить раёк поможет описание Д. А. Ровинского: «Это небольшой, аршинный во все стороны ящик с двумя увеличительными стеклами впереди. Внутри его перематывается с одного катка на другой длинная полоса с доморощенными изображениями разных городов,

Карусель на ярославской ярмарке
Фотография начала XX в.

великих людей и событий. Зрители, "по копейке с рыла", глядят в стекла, — раёшник передвигает картинки и рассказывает присказки к каждому новому номеру, часто очень замысловатые». Ни одна ярмарка не обходилась без веселых кукольных представлений с главным героем Петрушкой, без зазывал и шарманщиков.

Подобные увеселения предлагала и ярмарка на Ильинской площади, а непосредственные детские впечатления от нее живо переданы Георгием Ивановичем Курочкиным:

«Вся нынешняя Советская площадь застраивалась рядами легких дощатых ларьков, балаганов. В одних торговали всякими сладостями: пряниками, облитыми орехами, жареным миндалем, всякими сортами халвы. В других представлял Петрушка и упражнялись гимнасты и фокусники. В третьих были разложены яркие ситцы и блеклые саратовские сардинки.

Здесь же под шарманку вертелась карусель, и раёшники предлагали посмотреть у них в круглые окошки заграничные виды городов. У мужика в клетке сидела какая-то птичка и за 2 копейки вытаскивала клювом на счастье из коробочки билетик с надписью. Народ волновался, двигался, шумел около карусели, балаганов, сластей.

Поездка на ярмарку для всех нас, ребят, была обязательной; и мы задолго начинали о ней мечтать и планировать, как пойдем в балаганы, будем кататься на карусели, закупать сладости.

Всю зиму копили деньги, откладывали копейки из того, что отец давал "на гулянье". Вот и пришел долгожданный день!

Я был старший и потому ездил с отцом; а братья и сестры оставались с матерью. Выезжали из дома часов в 8.

В городе лошадь оставляли на постоялом дворе, шубы и одеяла вносили в большую, с огромной русской печью комнату; с этой печи выглядывали головы отдыхающих ямщиков.

За довольно длинный мартовский день надо было испробовать все городские удовольствия!

Начали — с "чудотворцев". С постоялого двора пошли в Спасский монастырь. Здесь помолились и приложились к мощам Федора, Давида и Константина и к чтимым иконам. Купили у монаха, торгующего в углу за высоким столом, несколько свечей и больших просфор; первые поставили у икон и у раки чудотворцев, а вторые завязали в белую салфетку для дома и пошли на ярмарку. По дороге отец заходил в некоторые магазины и вел с их хозяевами какие-то разговоры о товарах для нашей лавки, а я сгорал от нетерпения. Но вот мы и на ярмарке.

Сколько было здесь всяких прелестей для моего детского сердца!

Само собой, надо было начинать с быстро вертящейся карусели. Передо мной мелькали в серых яблоках разрисованные кони и раскрашенные тележки. Сверху над каруселью был натянут плотный брезент, закрывающий ее от дождя и снега; а по краям висели фонарики для вечера, какие-то цветные украшения и стеклянные подвески. Вот она остановилась. Отец посадил меня на коня, велел крепко держаться за железный прут, к которому был прикреплен конь; и я "поехал". За 5 коп. карусель делала 8–10 кругов, потом останавливалась; одни слезали со своих мест, другие садились на их место, но я захотел еще покататься, и отец уплатил еще пятак.

После катания пошли в балаган смотреть «петрушку». Все те же сцены с цыганом, лошадью и собакой! Но меня они приводили в восторг. Кроме Петрушки — клоун показывал какие-то фокусы, а силач упражнялся с гирями. Это для меня было не очень интересно. Зашли посмотреть panoramu.

Мы увидели здесь прекрасные иноземные города; одни из них утопали в тропической зелени, другие лежали в горных долинах, третьи расстилались по берегу огромного моря. Все это я старался запомнить, чтобы потом рассказывать своим домашним и друзьям на улице. После panoramu по дощатому настилу пошли по рядам, где торговали сластями.

Чего здесь мы не накупили и для себя и для домашних: греческие облитые орехи и темно-малинового цвета рахат-лукум. Вид у него был прекрасный, а на вкус это был кусок густо заваренного крахмала с сахаром и розовым маслом. Мне он очень нравился²¹.

Ярмарка на Ильинской площади проводилась вплоть до Октябрьской революции и далее первые годы после нее. В музее-заповеднике хранится лист с планом площади, из которого следует, что в первые

годы Советской власти рассматривался проект устройства вокруг церкви торговых рядов, даже конкретизировалось, что в каком месте будет продаваться.

Итак, с мельгуновской перестройки церковь Ильи Пророка стала занимать особое место в городской структуре Ярославля, но с резким сокращением ее прихода и доходов она стала испытывать трудности в обеспечении повседневных нужд.

РЕСТАВРАЦИОННЫЕ РАБОТЫ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

 беднение прихода имело двоякое значение в судьбе Ильинской церкви. Из-за недостатка средств и богатых жертвователей она избежала судьбы многих ярославских храмов, которые в XIX веке подверглись многочисленным поновлениям и перестройкам, приведшим к искажению, иногда до неузнаваемости, их первоначального облика. Но по этой же причине церковное здание постепенно приходило в запустение. Вот как описывал его состояние в конце XIX века священник Николай Пятницкий: «Еще в недавнее время храм производил грустное впечатление своим обветшанием. Голуби, во всякое время года покрывавшие кровли храма, вившие бесчисленное множество гнезд на сводах и окнах и врывавшиеся в самый храм, грозили сделаться полными обладателями его»¹.

Такое бедственное положение выдающегося памятника не могли не замечать любители яро-славской старины, но на проведение его капитальной реставрации требовались огромные средства. Можно представить себе, какое будущее ожидало постепенно разрушающийся храм, если бы еще один из достойнейших ярославских граждан не связал с ним свою судьбу. Это Иван Александрович Вахромеев, человек интереснейший, разносторонний, незаурядный — успешный промышленник, ярославский голова, владелец одной из лучших в стране коллекций древних рукописей и документов, издатель, тонкий знаток ярославского церковного искусства.

Известный краевед И.А. Тихомиров писал, что Вахромеев «навсегда останется на страницах яро-славской летописи и в памяти ярославцев, и чем дальше, тем все больше и больше его духовный образ будет просветляться и очищаться от всего стороннего, временного»². Так оно и случилось. В последние годы все чаще и чаще личность Ивана Александровича привлекает внимание не только исследователей, но и всех, кто интересуется историей, культурой Ярославского края. А это был человек не простой, неоднозначно оцененный современниками, но, без сомнения, оставивший яркий след в жизни города.

Иван Александрович Вахромеев

И. А. Вахромеев родился 25 августа 1843 года, его отец, Александр Иванович, разбогател на хлебной торговле и мукомольном деле. Иван Александрович «прошел жизненную школу под тяжелой рукой отца. С малых лет — за прилавком небольшой мучной лавки, учился на медные деньги у какого-то дьячка и до

Иван Александрович Вахромеев

половиной миллиона рублей в год, выставлялась на всероссийских и международных промышленных выставках и сбывалась во многих губерниях России — Московской, Петербургской, Вологодской, Архангельской, Новгородской, Владимирской и т. д.

Общественная деятельность Вахромеева началась в 1875 году, когда он стал гласным ярославской городской думы. В 1881 — Ивана Александровича впервые выбирают на должность городского головы. С редкой энергией и настойчивостью Вахромеев взялся за благоустройство города, при нем был сооружен водопровод (1883) и появилась телефонная связь (1896), устроено электрическое освещение и проведен трамвай (1900), вымощены улицы и разбит бульвар. Горожане знали, кого благодарить, «пользуясь водопроводом вместо водовозов, видя среди города вместо прежних лопуха, крапивы и заражающей болотины, обнесенных опаски ради чуть ли не плетнем, — сады и скверы со стройным рядом дерев, своею зеленью очищающих воздух и ласкающих зрение; вместо развалин, бывших между собором и Спасским монастырем, то есть в так называемом Кремле, красивые здания, действительно, делающие «Кремль», на

конца жизни не мог справиться с буквой ять»³. Но, получив такое воспитание и образование, Вахромеев, талантливый самородок, вышел далеко за рамки купеческой среды. При знакомстве с фактами его биографии вызывает удивление, сколько Иван Александрович успел сделать, — такое впечатление, что прожил он не одну, а несколько жизней и в каждой из них состоялся, полностью реализовал отпущеные ему таланты.

Получив от отца значительное наследство, Иван Александрович успешно вел свои дела, недаром его называли «выдающимся хозяином». Среди мукомольных заводов России «Торговый дом хлебных товаров И. А. Вахромеева с сыновьями» был одним из наиболее крупных: по размерам капитала занимал шестое место в стране⁴. Главное предприятие товарищества — Ярославская паровая мельница, которая была основана в 1848 году братьями Крохоняткиными, а в 1882 куплена И. А. Вахромеевым. С этого времени мельница неоднократно перестраивалась, была оборудована новейшими машинами. В 1904 году на ней работало 175 человек, ежегодно мельница перерабатывала почти миллион пудов пшеницы и четверть миллиона пудов ржи.

Ее продукция, оборот которой составлял два с

который приезжие любуются и могут осматривать днем и вечером, ибо теперь вечером стоят не одни пустые, и то кое-где, подобия фонарных столбов, а настоящие, с обильным светом; под ногами не сплошные ямы и рытвины, а в большинстве приличная дорога⁵. Остается только добавить, что устроенный на месте Плац-парадной площади сквер стал называться по решению городской думы Вахромеевским. Трудно перечислить все деяния Ивана Александровича на общественном поприще, простой перечень его званий и должностей занимал почти две страницы, но сам он на первое место всегда ставил — *почетный гражданин Ярославля*⁶.

И. А. Вахромеев достиг блестящих результатов как коллекционер, он собрал одну из крупнейших в России коллекций старинных рукописей, книг, устроил превосходный нумизматический кабинет, не жалея на это ни времени, ни сил, ни средств. Им были найдены считавшиеся утраченными кормовые книги Волоколамского монастыря, рукопись И. Троицкого по истории ростово-ярославской иерархии, дневник историка Москвы И. М. Снегирева и многие другие раритеты. Вахромеев приобрел, и тем самым сберег, богатейшие архивы местных историков В. И. Лествицына и Н. Н. Корсунского.

Значительная часть собранных Иваном Александровичем материалов касалась истории Ярославля, его монастырей и храмов. Деятельность подобных ему просвещенных собирателей помогла развитию в русской исторической науке направления, не утратившего актуальности и по сей день, — изучению местной истории, краеведению, без чего знания о прошлом России, по словам историка И. Е. Забелина, «голословны, шатки, даже легкомысленны».

Тесно смыкалась с собирательством научная деятельность Ивана Александровича. Он был любителем ярославской старины, ученым, много послужившим Ярославской архивной комиссии со дня ее основания, являлся ее действительным членом, казначеем, а с 26 ноября 1906 года и по день смерти 26 декабря 1908 года — председателем. Вахромеев помогал в устройстве ярославского Древлехранилища, поддерживал его пожертвованиями, так как архивная комиссия часто не могла выделить на содержание музея даже ста рублей в год. Большой заслугой И. А. Вахромеева как председателя была организация разборки архива ЯГУАК, насчитывавшего 16 тысяч рукописных документов, немалая часть этих «богатств древности» была переписана, подготовлена к печати (например, «Акты Углицкой провинциальной канцелярии») на его средства. Его заслуги на научном поприще были оценены не только в Ярославле, он являлся членом многих научных обществ — Императорского общества истории и российских древностей, Московского и Петербургского археологических обществ, Императорского географического общества. «За деятельное участие в организации этнографического учебного отдела выставки», устроенной Императорским обществом естествознания, антропологии и этнографии, Ивану Александровичу была присуждена золотая медаль⁷.

Огромное уважение вызывает такое качество Ивана Александровича, не всегда присущее коллекционерам, как желание сделать собранные материалы доступными для всеобщего изучения. Он издал подготовленное А. А. Титовым шеститомное описание славянских и русских рукописей своей коллекции. На средства Ивана Александровича и при его участии появились на свет также четыре тома актов Спасского монастыря, княжеские и царские грамоты, кормовые книги ряда монастырей. Таким образом, можно говорить о Вахромееве еще и как об издателе. Только благодаря его материальной поддержке были опубликованы несколько томов Трудов Ярославской архивной комиссии, он израсходовал более

85.11 № 700
B-22
A

И. А. Вахром'евъ.

И. А. Вахром'евъ

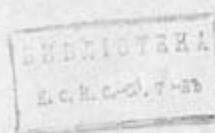
ЦЕРКОВЬ

во имя святаго и славнаго пророка Божія

|| J I ||

32363
47
1906

въ г. Ярославль.

Ярославль.
Типо-литография Г. А. Петражицкаго.
1906.

Титульный лист книги И. А. Вахромеева

двух тысяч рублей на издание Трудов VII археологического съезда в Ярославле, пожертвовал 200 рублей Ярославскому естественно-историческому общству на печатание его работ. Авторитет И. А. Вахромеева в этой области побуждал обращаться к нему с весьма неординарными предложениями и просьбами о материальной поддержке.

Директор Петербургского археологического института Аскalon Трезворов просил Ивана Александровича пожертвовать семь с половиной тысяч рублей на любопытное издание, посвященное практически забытому турецкому народному кукольному театру «Карагез». Действие в таком театре разворачивалось за ширмой, «в роде китайских теней», куклы для него делались большого размера, почти в рост человека. В книге предполагалось дать в цвете кукольные фигуры из уникальной, единственной в мире коллекции, собранной секретарем генерального консульства в Константинополе Федором Шебуниным, а также пьесы для этого театра на турецком языке с русским переводом. Известий о том, откликнулся ли Иван Александрович на это предложение, не обнаружено⁸.

Можно сказать без преувеличения, что труд Вахромеева как публикатора важнейших документальных источников до настоящего времени остается непревзойденным в истории ярославского издательского дела. Насколько важной для него была эта сторона деятельности, свидетельствует памятник, установленный на могиле Ивана Александровича: именно книги, изданные им, высечены на черном граните.

Люди, знавшие Вахромеева, не обходили молчанием его благотворительную деятельность. Как подметил И. А. Тихомиров в своем очерке, Иван Александрович будто взял подряд на всякую благотворительность, которой пользовались сотни людей, ни одно более или менее заметное полезное начинание в городе не проходило без его финансовой поддержки. Многие шли за помощью к нему и, как правило, не уходили с пустыми руками: «у ворот [его дома] каждое утро, особенно зимою, можно было видеть вереницы ярославской бедноты, оделяемой из больших корзин особыми круглыми белыми хлебцами — булками, которые нарочно для этого пеклись каждый день». Подобные же подаяния направлялись в тюрьмы, больницы, богадельни, детский приют.

Особой заботой Вахромеева были отмечены ярославские храмы. Протоиерей Федор Успенский, выступая на собрании членов ЯГУАК, посвященном памяти Ивана Александровича, сказал: «По собственному опыту зная, насколько благодетельно созерцание священной древности, Иван Александрович много приложил усердия к тому, чтобы восстановить в наших ярославских храмах древнее благолепие, чтобы и ныне, и впредь эти старинные училища благочестия сохраняли всю силу своей безмолвной проповеди⁹. При материальной, организаторской помощи Вахромеева проводились ремонтные и реставрационные работы в церквях Иоанна Предтечи, Петра Митрополита, в Ростовском кремле, была построена церковь при ярославском арестантском отделении. Так, на постройку дома для причта и починку каменных стен в Ростовском кремле Вахромеев израсходовал около пяти тысяч рублей. На личные средства И. А. Вахромеева была также отреставрирована знаменитая Демидовская колонна. Трудно назвать какой-либо известный ярославский храм, который бы не получил помощь от Ивана Александровича; хранительнице одной из главных городских святынь, иконы Спаса Нерукотворного, — Спасо-Преображенской церкви он пожертвовал капитал свыше тридцати тысяч рублей¹⁰.

При проведении тех или иных ремонтно-реставрационных работ к Ивану Александровичу обращались не только за материальной поддержкой, но и за его опытом и знаниями — он являлся авторитетным

членом комиссий по реставрации памятников древнерусской архитектуры в Яро-славле, Ростове, Угличе. Архиепископ Ярославский и Ростовский Ионафан, затеяв ремонт некоторых построек Спасского монастыря, просит Вахромеева «не отказать в указаниях»¹¹.

Но в ряду всех церквей Ярославля Иван Александрович выделял Ильинскую, и этот храм стал предметом его особой привязанности.

Реставрационная практика в Ярославской губернии

Со второй половины XIX века просвещенное русское общество постепенно приходило к пониманию того, что древние памятники нуждаются в изучении, заботе по сохранению, реставрации. Граф А. С. Уваров сказал на открытии Московского археологического общества в 1864 году: «Одним из самых жизненных вопросов русской археологии является безопасное сохранение самих памятников, которые доселе уничтожались скорее от рук неопытных восстановителей, чем от разрушающей силы времени»¹². В древних русских городах началось в достаточно широких масштабах осуществление работ по восстановлению памятников церковной архитектуры и живописи на новой основе — с отношением как можно более бережным к их первоначальному облику. Большую роль в становлении научных принципов реставрации сыграли основанные в этот период новые организации — археологические общества и архивные комиссии, которые открылись сначала в Петербурге, Москве, а затем повсеместно в России¹³.

Становлению реставрационного дела в России помогли новые законодательные акты. В 1893 году Министерством внутренних дел был принят строительный устав, в котором едва ли не впервые в истории России на правовом уровне обращалось серьезное внимание на сохранение «зданий древности» и других памятников, а перестройка старинных, т. е. возведенных до XVIII века, церквей запрещалась без разрешения епархиальных архиереев. А Святейший Синод утвердил устав Духовной консистории, в котором имелся раздел на ту же тему: «Древний как наружный, так и внутренний вид церквей должен быть сохраняется тщательно, и никакие произвольные поправки и перемены без ведома высшей духовной власти не допускаются»¹⁴.

В декабре 1895 года в Ярославской архивной комиссии была создана специальная подкомиссия «по надзору за памятниками старины». Инициаторами и первыми участниками нового направления в деятельности ЯГУАК стали И. А. Тихомиров и И. Ф. Барщевский. В подкомиссию на разных этапах входили также лица, «способные решать техническо-практические вопросы» — губернские и город-ские архитекторы, практики реставрационного дела, краеведы-историки¹⁵.

Это было время, когда многие ярославские храмы, возведенные в XVII — начале XVIII века, требовали капитального ремонта и подвергались перестройкам, как незначительным, так и серьезным. Руководство архивной комиссии снеслось с губернским строительным ведомством, епархиальным управлением, с тем чтобы те обязали церковных старост, священников приходских церквей производить какие-либо работы только с ведома подкомиссии. Для оказания ее сотрудниками квалифицированной и, стоит добавить, бескорыстной помощи следовало выработать правильный подход при тех или иных поновлениях в храмах.

На одном из заседаний архивной комиссии в октябре 1898 года И. А. Тихомиров выступил с обстоятельным докладом «Несколько соображений по охране памятников древности». Илларион Александрович выразил озабоченность тем, как бесцеремонно в России обращаются с памятниками древнего зодчества, которые находятся в наименее благоприятных условиях из всех родов искусств, а должны быть неприкосновенны и берегаемы. К древним храмам пристраиваются паперти, растесываются окна, возводятся новые кровли, старая, темная живопись заменяется новой, более «веселой». Эти исправления церковных зданий искажают «духовный замысел их творцов».

Тихомиров подчеркивал, что надо стараться всеми способами сохранять в прежнем виде всякое неуничтожаемое архитектурное произведение. Если это невозможно, то перестраивать здание надо так, чтобы его можно было восстановить, делая при этом обмеры, фотографии, гипсовые слепки декоративных деталей. Производить пристройки следует исходя из художественного образа, «духа» памятника, стараясь понять, мог ли сам автор сделать предполагаемое нововведение¹⁶.

Предложенные Тихомировым указания были приняты членами подкомиссии как руководство по надзору за памятниками архитектуры, и, надо сказать, они не утратили своей актуальности и сейчас. Кстати, на одном из заседаний комиссии было замечено, что рекомендации Иллариона Александровича были успешно опробованы В. В. Сусловым при реставрации новгородского Софийского собора.

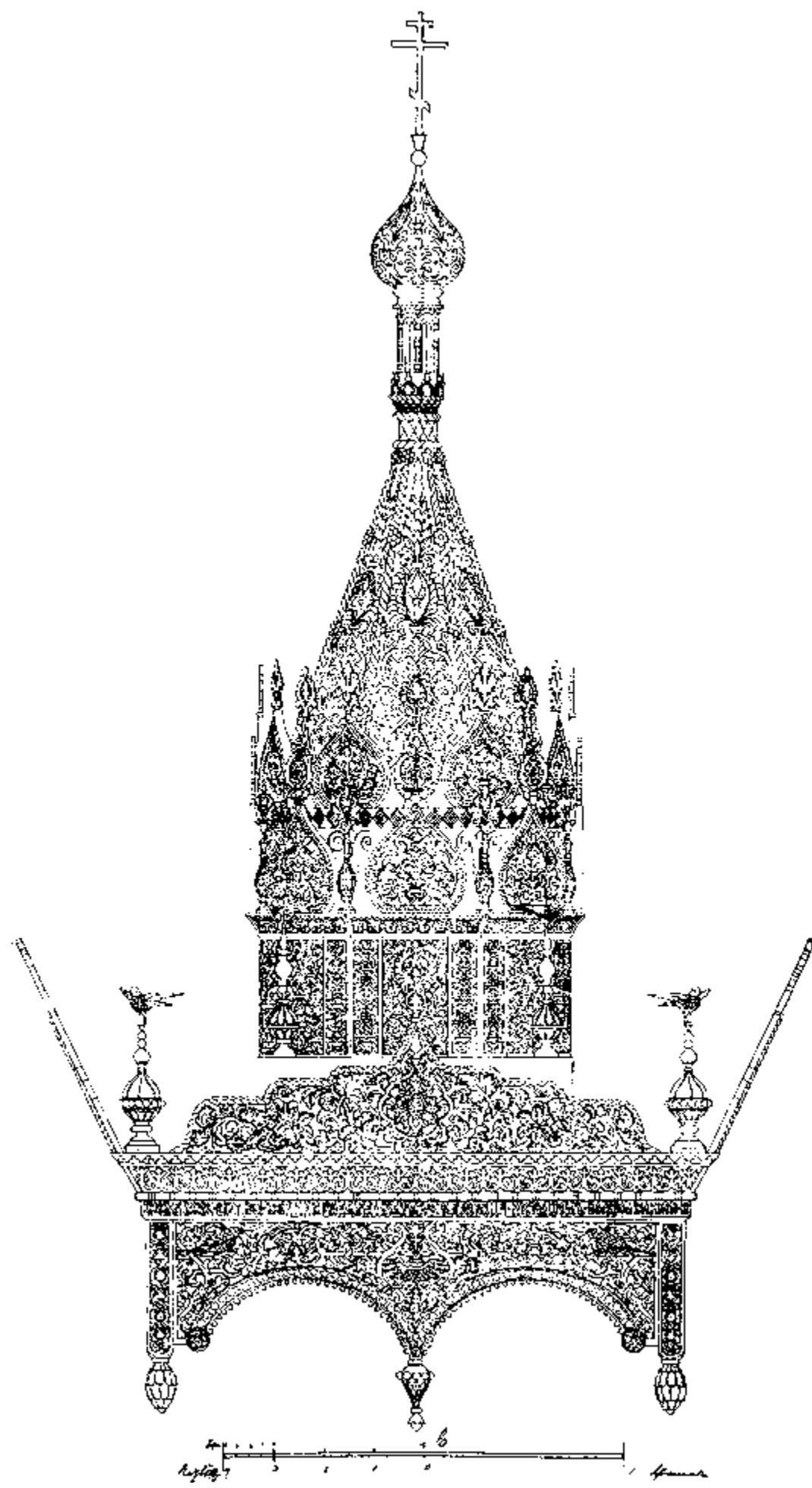
К концу XIX века два выдающихся ярославских памятника нуждались в серьезной реставрации — церкви Ильи Пророка и Иоанна Предтечи.

В июне 1894 года церковь Иоанна Предтечи посетил министр финансов С. Ю. Витте. Заметив плачевное состояние храма и оценив его уникальность, он предложил ярославскому губернатору А. Я. Фриде «войти с надлежащим представлением об отпуске необходимых для этого средств, дабы ходатайствовать их отпуск пред Его Императорским Величеством»¹⁷. Смета реставрации храма на казенный счет рассматривалась несколько лет, утверждалась разными инстанциями, и только на заседании 3 марта 1903 года Государственный Совет отпустил на проведение необходимых работ в церкви Иоанна Предтечи из казначейства 64 080 рублей.

Пока решение вопроса о финансировании работ в церкви Иоанна Предтечи обсуждалось, Иван Александрович Вахромеев, не прибегая к помощи со стороны, собственным «тщанием», сумел организовать и провести масштабные реставрационные работы в Ильинском храме. Руководствовался он, конечно, желанием спасти бесценный памятник, но, возможно, им овладели и те же честолюбивые чувства, которые в свое время подвигли ярославских купцов сооружать каменные храмы.

Восстановление надпрестольной сени

Судя по документам, первое большое пожертвование в Ильинский храм Вахромеев сделал в 1880-х годах, когда участники проходившего в Ярославле VII археологического съезда обратили внимание на плачевное состояние ильинской надпрестольной сени XVII столетия. Вот что по этому поводу писал участник съезда академик А. М. Павлинов: «Сень довольно ветхая и держится пока на железных связях... многие части ее уже исчезли совершенно, а другие хотя и находятся на месте, но в обломках...»¹⁸

Надпрестольная сень Ильинского храма. Рисунок А. М. Павлинова из книги И. А. Вахромеева

Съезд ходатайствовал перед Святейшим Синодом о передаче сени в Древлехранилище Московского археологического общества, так как она могла окончательно разрушиться. Разрешение было получено, но Иван Александрович предложил отреставрировать ее на свои средства, и в 1889 году вся сень была переклеена рыбьим клеем, утраты бережно восстановлены по аналогии с сохранившимися деталями, и Синод постановил «означенную сень оставить по-прежнему в Ильинской церкви»¹⁹. Реставрация была выполнена бережно, и сень дошла до нас в первоначальном виде, хотя мы имеем пример иного отношения к подобному памятнику храмовой резьбы — это более ранняя сень из церкви Николы Надеина, утраченные фрагменты которой были воссозданы в совершенно иной манере.

Подготовка к реставрации храма

Этапы и объем реставрации Ильинского храма можно воссоздать по архивным документам, сохранившимся в делах Ярославской духовной консистории.

В июле 1894 года И. А. Вахромеев обращается к архиепископу Ярославскому и Ростовскому Ионафану с прошением о разрешении провести ремонтно-реставрационные работы в церкви Ильи Пророка. Иван Александрович указывает в прошении, что он совместно с членом Московского археологического общества, заведующим Ростовским музеем церковных древностей И. А. Шляковым, произвел осмотр храма, который показал, что «в каменных сводах портика, которым идет вход на паперть с северной стороны, имеется несколько трещин, которые необходимо устраниить»; живопись на галерее «в значительной степени пострадала от времени и требовала возобновления в своем первоначальном виде», а в центральном храме ее «также частью необходимо очистить от копоти и частью — в куполах глав, как обветшавшую, — восстановить, краски оригинального трехтонного иконостаса работы 1696 года от времени утратили свою свежесть, почему, без нарушения порядка настоящего их сочетания, является надобность в обновлении их»²⁰.

Иван Александрович, кроме того, полагал необходимым «с целью придать храму более благолепный вид» соорудить вокруг него решетку «в стиле, соответствующем архитектуре храма».

Был составлен примерный перечень необходимых работ. Первоначально предполагалось устраниить трещины на галерее, очистить от пыли, грязи и выбороочно восстановить стенописи галереи и центрального храма, обновить краски иконостаса и оградить церковь решеткой. Прошение было отправлено на утверждение в Святейший Синод²¹.

Переписка по этому вопросу заняла более двух лет. От И. А. Вахромеева потребовали представить подробный проект реставрации, указать мастеров, которые будут выполнять наружные и внутренние работы, чертеж решетки и т.д. На запрос о мастерах И. А. Вахромеев отвечал: «Каменные работы по реставрации церкви Ильи Пророка будут производиться подрядчиком каменных работ Александром Николаевичем Смолиным под наблюдением одного из местных архитекторов, а работы по возобновлению живописи и стенописи храма — живописцем г. Ростова Лопаковым, которым в последнее время производились подобные работы при реставрации ростовской кремлевской церкви Спаса на Сенях. Непосредственное наблюдение за живописными работами буду иметь я, как член Императорского

Ограда церкви Ильи Пророка
Фотография Р.С. Фарвазитдина

Московского археологического общества, совместно с членом этого же общества Иваном Александровичем Шляковым».

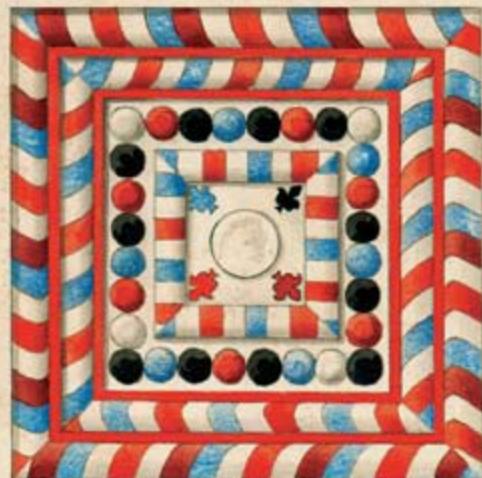
Все необходимые документы были представлены, и наконец в сентябре 1896 года получены разрешения на производство ремонта и от Святейшего Синода, и от Московского археологического общества, и от Ярославской духовной консистории, вплоть до императорского указа²².

Сооружение ограды

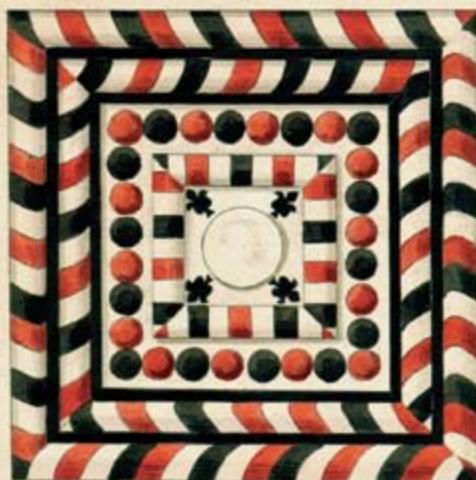
В том же 1896 году начались работы по сооружению решетки вокруг Ильинской церкви. Рисунок ее был выполнен академиком А. М. Павлиновым, а проект и наблюдение за ее возведением осуществлял городской архитектор А. А. Никифоров. Кстати, когда готовили место для ограды, при рытье ям были обнаружены кости, их «собрали и закопали в одном месте»²³.

Ограда была освящена 7 сентября 1897 года архиепископом Ярославским и Ростовским Ионафаном. Он «совершил водосвятный молебен, после чего вокруг вновь устроенной ограды совершен крестный

лопатки северо-западной стены Ярославльской церкви (под аркой входа)

первая раскраска.

Вторичная раскраска.

Überprüfung des Typenbaus der *Neuroleptika* mit dem Röntgenstrahl

Ursula { H. Tepesch
 { H. d. M. Steiner
 H. Haugwitz

ORG

Первоначальная раскраска церкви в середине XVII в.
Рисунок И. А. Тихомирова. 1901 г.

Со монахии **Иеродиакона** тутка падоми
ни на за **Монахини** из мараты
ФРЕТЬ **Монахини** ТАТАНЫ саны по тва фюдора юаны
на за РПТХ **Афанасия**
БОлославца Снифания
скрипина.

Абрамий. **Еудимий.** **Си**
меона. **Мавры.** **Нойни**
оу. **Феодоры.** **Иноса то**
ны. **Нойникья.** **Пелагея.**
Иноси ольи. **Степаны** **моно**
Стефаниды. **Инисакицла.**

Басы. **Ирины.** **Иноси доли**

ИИ. **Нойникья.** **Винифа**
нтил. **Делины.** **Петра Ани**
Наталия. **Лана стати**

Слобы склонки михайловы. **Фадигины.**
шадековы **Киша михайла.** **Феодора** **К. Схицы**
мойже. **Илиахи.** **Схицы** **Анагасий.** **Дарий**
Афанасий алемзадра. **Михайла** **Леопил.** **Д.**
Киша **Кижины** **Ирины** **Дашы.** **Факиини** **Д.**
Симеона **Феодоры.** **Екатерины.** **Киша** **Альва.**

Афанасий **Василия.** **Феодоры** **В.**
Схицы **Анфисы** **Иосини** **Пела.)**

МОНУКИ ИГ. ЕУГАНІСТОДІАНИ

Запись о роде Скрипинах в Синодике церкви Ильи Пророка. XVII в.
Из собрания ЯМЗ. Фотография А. Н. Севастьянова

Портрет Алексея Петровича Мельгунова. Копия (1980) Ф. Лебедева с портрета работы Д. М. Коренева
Из собрания ЯМЗ. Фотография А. Н. Севастьянова

Портрет Ивана Александровича Вахромеева работы А. Н. Новоскольцева. 1887 г.
Из собрания ЯМЗ. Фотография А. Н. Севастьянова

ход. Ограда была окроплена освященной водой, и в храме, после многолетия, от благодарных причта, старости и прихожан поднесены были Ивану Александровичу адрес и хлеб-соль». 24 сентября этого же года один из ильинских прихожан, ярославский мещанин Платон Иванович Колупаев, обратился к архиепископу Ионафану с прошением, где заявил о своем желании «в увековечивание радостного для прихожан Ильинской церкви события — устройства вокруг нее ограды — пожертвовать сто рублей, с тем чтобы капитал остался неприкосновенным, а процентный доход с него поступал в пользу причта за совершение крестного хода вокруг церкви ежегодно 1 октября, в храмовый праздник Покрова Божией Матери». Просьба П. И. Колупаева была удовлетворена. Священник Николай Пятницкий заметил по этому поводу: «Так в настоящее время 1 октября совершается крестный ход вокруг церкви Ильи Пророка и будет совершаться, пока будет существовать храм. Сменятся поколения, современные нам события для новых людей будут глубокой древностью, но щедрая жертва Ивана Александровича Вахромеева на храм не будет забыта. Память о ней будет жить и укрепляться молитвой о благотворителях храма, вместе с молитвой о создателях его»²⁴.

Рисунок «стильной» решетки и изразцов на столбах Ильинской ограды не изменяется со времени ее устройства, только восстанавливаются утраченные детали.

Реставрация

Подготовительная работа к проведению реставрации в церкви Ильи Пророка заняла несколько лет, за это время И. А. Вахромеев, который полностью взял на себя финансирование, собрал лучшие силы мастеров самых разных направлений. Проект реставрации выполнил профессор Института гражданских инженеров Николай Владимирович Султанов, он же, кстати, был автором проекта восстановления дворца царевича Димитрия в Угличе. Каменные работы на церкви Ильи Пророка должен был осуществлять академик архитектуры А. А. Никифоров, а живописные — ростовский художник Ф. В. Лопаков, который ранее реставрировал ростовскую церковь Спаса на Сенях. В 1901 году его сменил опытный московский мастер Михаил Иванович Дикарев²⁵. Были наняты десятки рабочих, завезены материалы, и наконец ранней весной 1899 года работа началась, наблюдение за ее ведением вплоть до июля 1904 года вела Московская археологическая комиссия в лице ее членов — директора Института гражданских инженеров Н. В. Султanova, директора Ростовского музея И. А. Шлякова и, в первую очередь, И. А. Вахромеева.

Уже на подготовительном этапе выяснилось, что объем работ будет гораздо больше запланированного. Так, при ликвидации трещин на галерее пришли к выводу, что причина их появления — усадка фундамента, для укрепления которого пришлось из-под стен северной и западной галереи вынуть булыжник и заменить его кирпичной кладкой на цементе.

Первый и основной этап реставрации был выполнен за три года (1899–1902). Вот только перечень проведенных работ: «Вся крыша и главы покрыты новым металлом, все кресты на главах вызолочены, все деревянные рамы в окнах заменены железными, с северной и западной стороны под стены храма подведен новый фундамент, деревянная площадка у входа в церковь заменена мраморной, наружные деревянные двери заменены железными решетчатыми со вставными стеклами, вся крыша и главы окрашены, все на-

ружные стены оштукатурены и отбелены. Вся стенопись промыта, шляпки гвоздей, державших штукатурку, очищены от ржавчины, поврежденные изображения, вследствие отставшей штукатурки, восстановлены, весь иконостас переклеен и вызолочен с исправлением утратившейся резьбы, все иконы прочищены и приведены в первоначальный вид, для шести икон сделаны новые рамы с резьбой древнего рисунка, все полы — и деревянные, и чугунный в летней церкви — заменены лещадными из огнеупорного кирпича, исправлены и вызолочены паникадила, ко всем иконам по древнему образцу сделаны новые лампады, приобретен семисвечник древнего рисунка и четыре вызолоченных подсвечника, сделаны новые одежды на престол и жертвенник. Все работы выполнены весьма добротно, с полным сохранением древнего рисунка. На все работы употреблено до 40 тысяч рублей»²⁶.

В последующие два года велись в основном живописные работы в приделах Ильинского храма — в первую очередь, в теплом Покровском, стенопись которого неоднократно поновлялась. Михаилом Ивановичем Дикаревым была снята запись фресок придела kleевыми красками 1830 года, а главное — смыта масляная, под мрамор, панель; промыты и отреставрированы иконы придельных храмов²⁷.

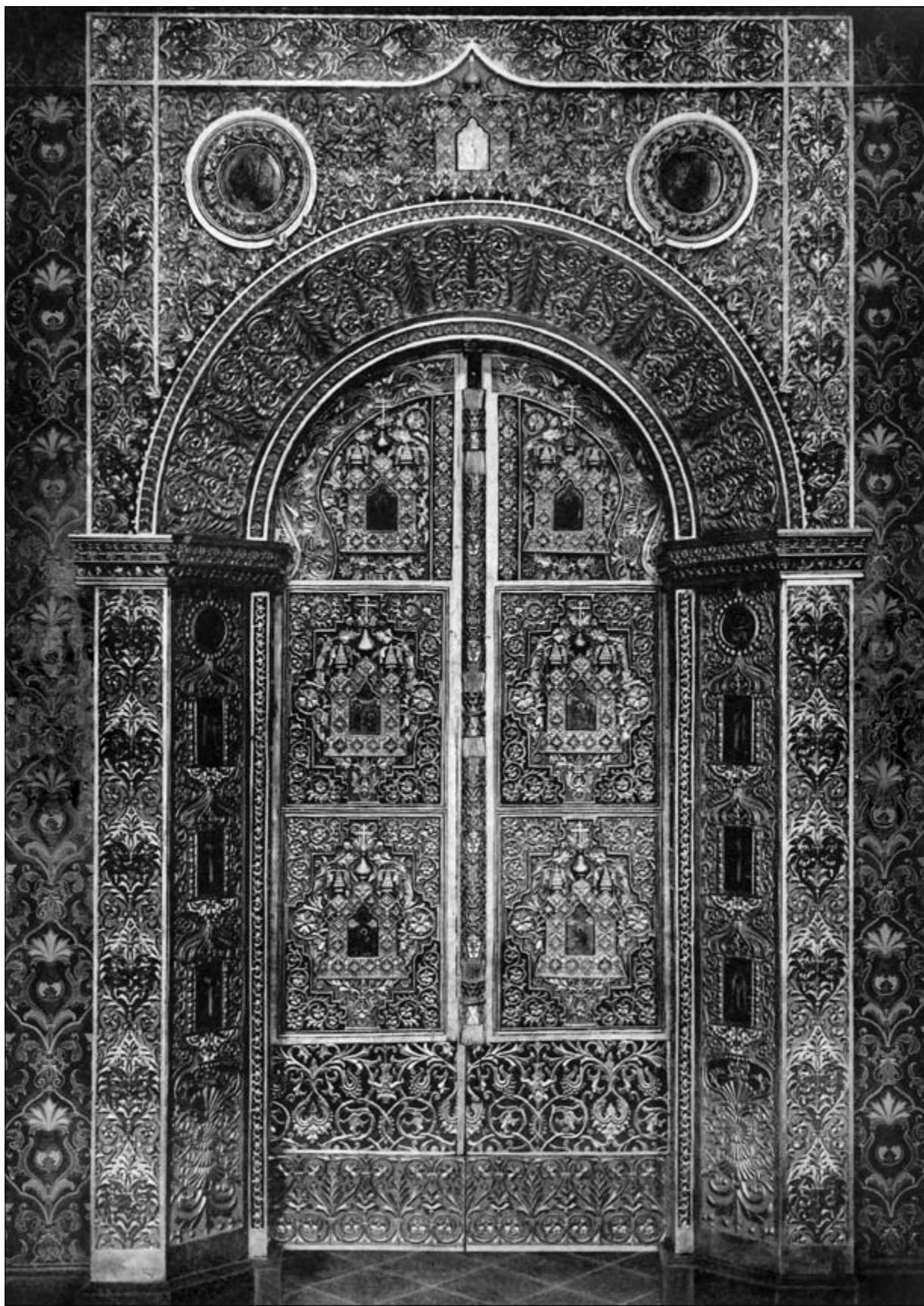
О состоянии живописи говорят факты, приведенные о. Николаем Пятницким: когда со стенописей была снята вся накопившаяся от времени пыль, многие современники были удивлены, и писали об этом, необыкновенно яркими красками, а с икон приходилось снимать «толстые затвердевшие слои копоти». Работы проводились со всей тщательностью: «при реставрации промывка и восполнение повреждений изображений заняли времени более трех лет, причем работало до 10 человек с ранней весны и до поздней осени, когда для согревания воздуха топились железные печи».

И наконец в декабре 1904 года староста церкви Ильи Пророка сообщил в Ярославскую духовную консисторию: «Реставрация нашей церкви закончена во всех частях. Работы выполнены весьма тщательно, с полным сохранением старины и первоначального вида внутренней отделки храма. Все работы велись под наблюдением Архивной комиссии при непосредственном участии статского советника И. А. Вахромеева, употребившего на реставрацию до шестидесяти тысяч рублей из собственных средств»²⁸. Сумма, надо сказать, по тому времени огромная, причем эта крупная жертва была принесена Иваном Александровичем без какого-либо шума, суеты. Работы были организованы таким образом, что повседневная жизнь храма, службы в нем не прекращались.

По завершении основного этапа реставрационных работ, 30 июня 1902 года, состоялось освящение обновленного Ильинского храма. Этот день стал «началом учреждения при храме приходского попечительства, которое официально открыто было 1 октября 1902 года, и первой жертвой на его работу были 100 руб. отца Иоанна (Кронштадтского)»²⁹.

В 1913 году император Николай II приказал выделить из казны средства, чтобы «привести в порядок заброшенный придел Св. Исповедников, завершив этим дело реставрации Ильинского храма, который уже давно занял в истории русского искусства место со знаменитым Предтечей в Толчкове, как великий памятник допетровской Руси»³⁰.

Благодаря стараниям И. А. Вахромеева и специалистов, проводивших ремонтно-реставрационные работы, церковь Ильи Пророка преобразилась. Ради справедливости стоит отметить, что не все специалисты однозначно оценили результаты выполненного. Так, И. А. Тихомиров писал: «Восстановление памятника нешло дальше ремонта и возведения каменной ограды. Сделанные при ремонте открытия, вроде росписей ширинок, лопаток и галереи, не были приняты во внимание и нигде не отмечены, а яркая раскраска бело-

Царские врата Ризоположенского придела после реставрации
Из книги И. А. Вахромеева

Царские врата придела Варлаама Хутынского после реставрации
Из книги И. А. Вахромеева

Вид с северо-востока
Фотография начала XX в.

каменных резных вставок была даже намеренно и сильно ослаблена, чтобы не резала глаз» (заметим, что открытие, о котором упоминает Илларион Александрович, было сделано им самим). Но, если вспомнить, насколько спорной для многих исследователей явилась раскраска наружных стен церкви Ильи Пророка в 1980-х годах, может, и неплохо, что в начале века к этой проблеме отнеслись осторожно.

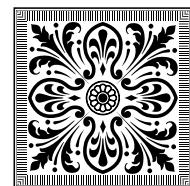
Ярославское отделение Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины в 1913 году избрало особую комиссию для проверки результатов реставрации церкви Ильи Пророка. Поводом для этого послужила статья Энгельгардта в «Новом времени» о том, что во время работ поновлялась первоначальная живопись. Комиссия пришла к заключению, что реставрация проводилась грамотно и сведения эти не соответствуют действительности³¹.

Через два года после реставрации храма И. А. Вахромеев написал и издал на свои средства прекрасно оформленную, богато иллюстрированную книгу о церкви Ильи Пророка. И, хотя И. А. Вахромеев во вступлении к книге очень скромно определил цель своей работы: «Мы предприняли на себя труд сделать посильное описание храма, не задаваясь никакими научными целями»³², — тем не менее это издание с подробным иконографическим описанием фресок, икон, церковного имущества служит до настоящего времени ценным источником для исследователей. Только благодаря фотографиям из его книги мы можем

судить о том, что навсегда утрачено, — например, о драгоценном убранстве икон. Кажется, что Ивану Александровичу жаль было расставаться с Ильинским храмом, одной из сильнейших привязанностей последних лет жизни. По сути, то же самое сделали в свое время Скрипины — составив после окончания строительства подробную опись всего церковного имущества.

Иван Александрович умер 26 декабря 1908 года, его имя было занесено в новый Синодик церкви Ильи Пророка, начатый 30 сентября 1910 года³³. На средства, собранные членами Ярославской губернской ученой архивной комиссии, художник Иван Михайлович Кнопф написал портрет И.А. Вахромеева. Он был помещен на свод занимаемого комиссией помещения, наряду с портретами других прославившихся деятелей Ярославского края.

В заключение хочется подчеркнуть: неизвестно, что случилось бы с надпрестольной сенью, если бы ее в полуразрушенном состоянии перевезли в Москву, — может, она бы и погибла безвозвратно, не вмешайся И. А. Вахромеев; неясно, как бы сложилась судьба самой Ильинской церкви (ведь в 1930-х годах городскими властями уже было принято решение о ее сносе), если бы не последним аргументом в пользу сохранения храма послужил далеко не обветшалый его вид — результат личного, заинтересованного участия И. А. Вахромеева в судьбе уникального исторического памятника.

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ ИЛЬИ ПРОРОКА В XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Ильинская церковь вошла в новую эпоху преображенной, сохранившей свои богатейшие коллекции, гораздо более изученной, чем другие ярославские храмы, так как постоянно привлекала к себе внимание как российских исследователей древнерусского искусства, так и любителей церковной старины. В 1915 году увидела свет монография Н.Г.Первухина о церкви Ильи Пророка и ее художественных достоинствах и вызвала еще больший интерес к храму, проявившийся, в частности, в организации регулярных экскурсий.

Грянул Октябрь 1917 года.

Закрытие

Советская власть с первых же месяцев начала осуществлять мероприятия, направленные на изъятие ценностей в российских храмах, их закрытие. Уже в 1918 году были конфискованы банковские счета ярославских церквей — сам храм и приют Ильинской церкви лишились суммы в 15 тысяч 189 рублей 37 копеек и остались без накопленных за долгие годы средств¹.

В июле 1918 года, во время белогвардейского восстания, церковь Ильи Пророка пострадала от артобстрела центральной части города отрядами Красной Армии: была снесена юго-восточная глава четверика, пробиты бреши в шатрах колокольни и Ризоположенского придела².

Ильинская церковь была закрыта одной из первых в городе, произошло это в несколько этапов. 28 ноября 1918 года представители Совдепа заключили типовое соглашение с ильинским приходским советом о том, что тот принял «в бессрочное пользование храм Ильи Пророка». Всего под этим документом значилось 22 подписи прихожан³.

Через два с половиной месяца, 16 февраля 1919 года, протоиерей Ильинской церкви Николай Пятницкий был переведен, согласно его прошению, в Пошехонский уезд⁴. Священнические обязанности в храме стали исполнять настоятели других церквей, менее чем через два года службы в храме прекратились. За это время Ильинский приход значительно уменьшился, 13 декабря 1920 года на заседании губернской ликвидационной комиссии церковно-монастырских имуществ было доложено, что «из лиц, подписавших 28 ноября 1918 года соглашение с Совдепом в количестве 22 человек, выбыло 8;

ЯМЗ

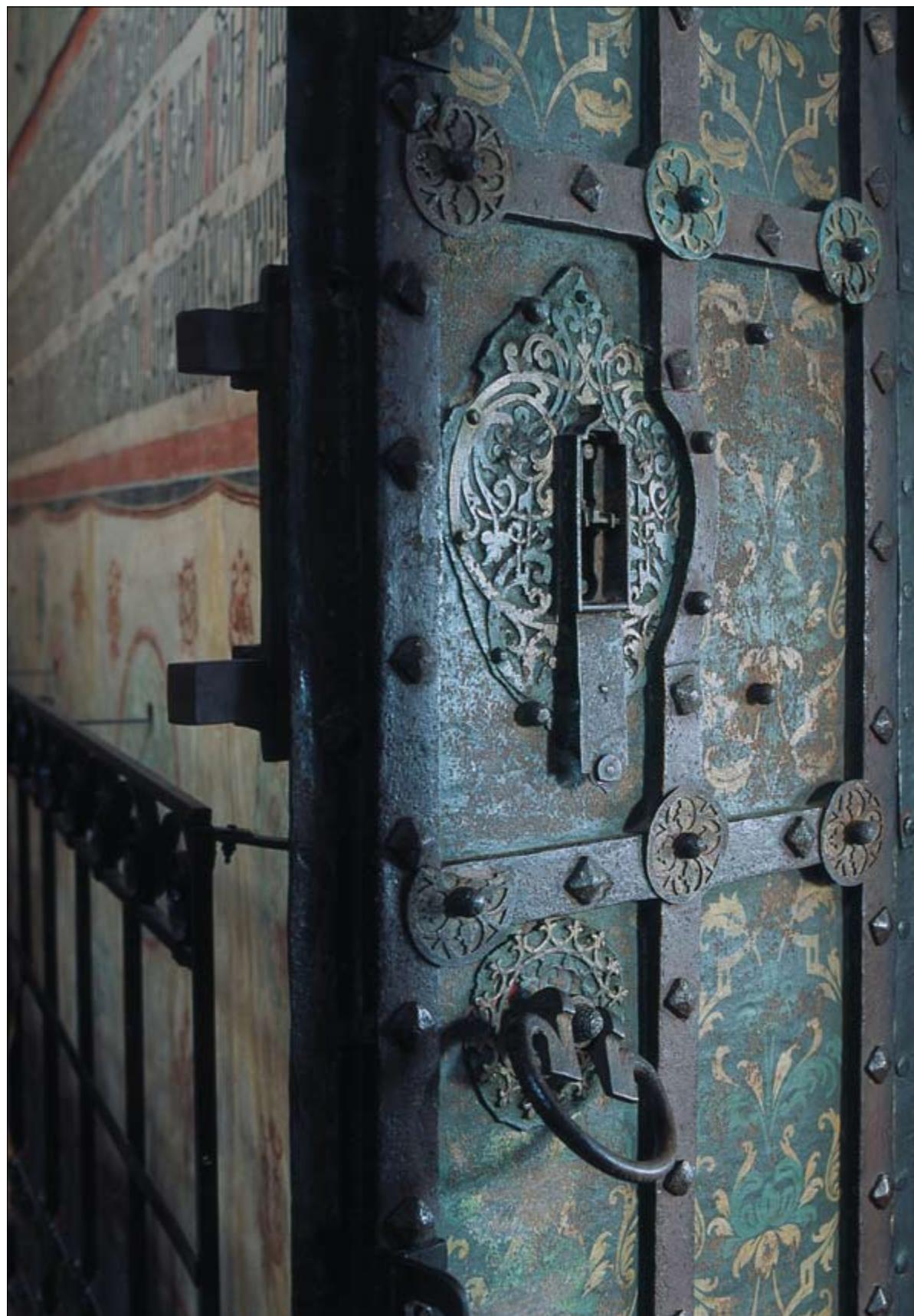
Кадило
Из каталога фабрики Оловянишниковых

неотапливаемое церковное здание. Это вызвало закономерный протест работников музея и членов естественно-исторического общества. В письме председателю Всероссийской коллегии по делам музеев Н. И. Троцкой говорилось, что данное решение «было бы гибельно не только для музея, но и для храма, который, несомненно, бы пострадал от развески витрин, расстановки шкафов и размещения в нем таких предметов, которые совершенно не гармонируют с внутренним видом храма». Троцкая откликнулась срочной телеграммой, прислав в Ярославский губисполком ответ о недопустимости вселения музея в храм⁶.

трое — неизвестно где; фактически налицо — 11 человек. Приходской совет как таковой не существует, причта с мая 1919 года не имеется, богослужение совершается священниками соседних храмов, заведует храмом и имуществом В. И. Кусницын (добровольно), который в то же время является церковным старостой и сторожем. После мятежа 1918 года храм ремонтом не окончен (за Кусницына по неграмотности расписался протоиерей Н. Миров. — *T. P.*)».

На этом же заседании комиссия постановила: «храм закрыть, здание храма, как имеющее художественную и архитектурную ценность, передать в чрезвычайную жилищную комиссию для помещения в нем музея, имущество храма, имеющее художественно-историческое значение, передать Ярославскому естественно-историческому музею — остальное ликвидировать⁵.

Следующим шагом властей явились решения разместить экспозиции Ярославского исторического музея в церкви Ильи Пророка, т. е. музей должен был переселиться полностью со всеми коллекциями, библиотекой в 60 тысяч томов в

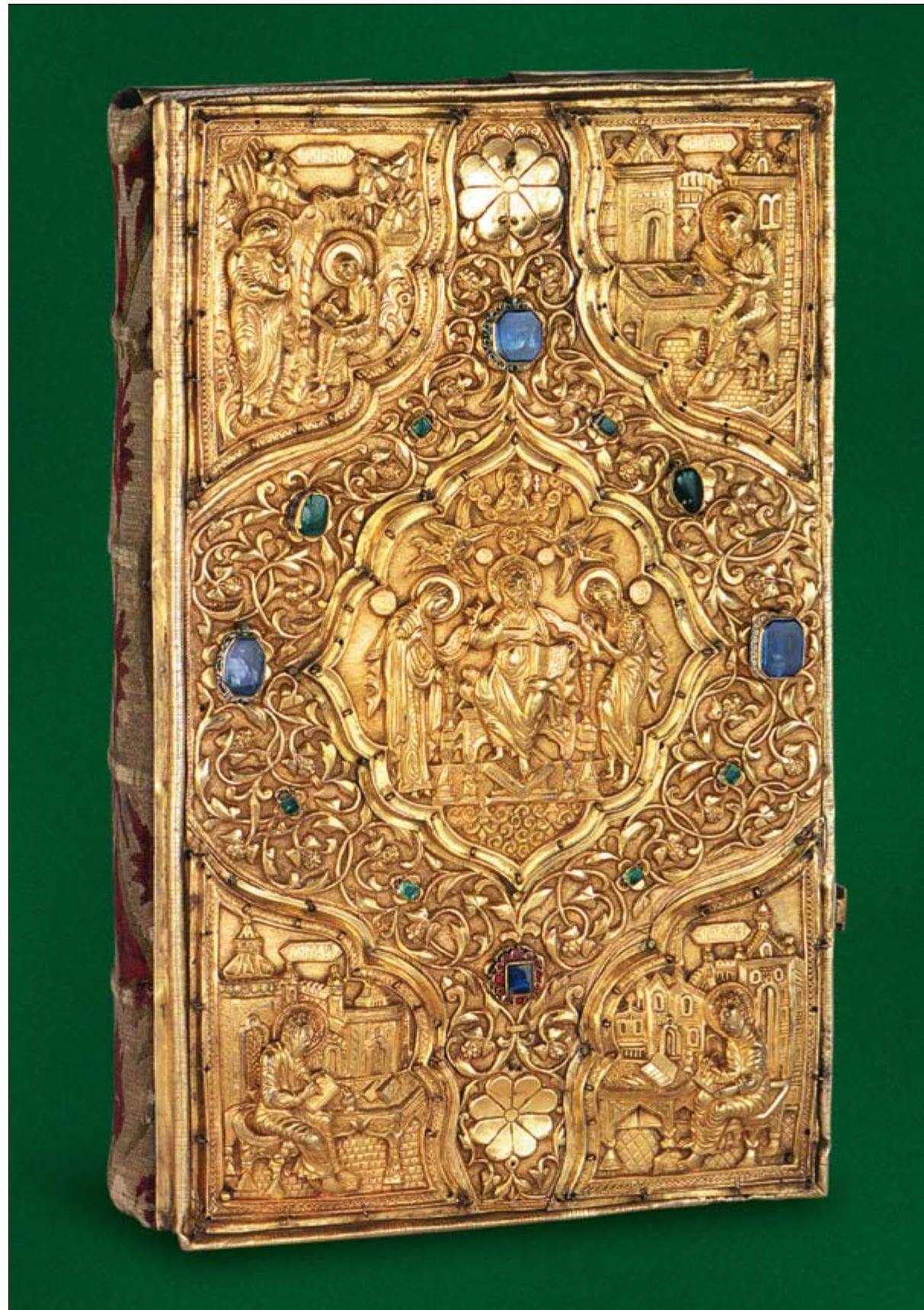

Дверь центрального храма
Фотография А. Н. Севастьянова

ЯХМ

Толгская Богоматерь. XIV в. Чудотворная святыня Толгского монастыря
в 1938–1941 гг. находилась в экспозиции антирелигиозного музея

Оклад Евангелия. 1658 г. Ныне — в собрании ЯМЗ
Фотография А. Н. Севастьянова

Водосвятная чаша. 1683 г. Ныне — в собрании ЯМЗ
Фотография А. Н. Севастьянова

ЯМ3

Кадило
Из каталога фабрики Оловянишниковых

ЯМ3

Потир
Из каталога фабрики Оловянишниковых

Вопрос городскими властями был пересмотрен, 25 января 1921 года Ильинскую церковь обследовали, все ее имущество проверили и передали по описи председателю губотдела по охране памятников искусства и старины М. В. Бабенчикову⁷. В мае 1922 года храм был взят на учет в губернском историческом музее.

Некоторое время церковь Ильи Пророка оставалась закрытой, в нее начали свозить утварь из упраздняемых в городе и окрестностях храмов. В архиве Ярославской области, в фонде Ярославского губернского ликвидационного отдела церковно-монастырских имуществ, в деле по церкви Ильи Пророка хранятся заявления от священнослужителей и церковных старост из разных районов губернии, а также от частных лиц с просьбой передать им недостающие богослужебные предметы⁸. Хотя из архивных материалов неясно, передавалось ли что-либо из имущества Ильинского храма, но, возможно, именно тогда были утрачены многочисленные священнические облачения, пелены, покрова, указанные во всех описях церкви, кроме самой поздней, перцевской.

В подклетах церкви с 1920 по 1950 год было устроено жилье, что влекло за собой пагубные последствия для сохранности имущества храма. Вот что значится в акте ГПУ от 13 июня 1922 года: «9 июня нами были осмотрены вещи гражданок, которые занимают квартиру при церкви Ильи Пророка. При пересмотре их вещей было вскрыто в их сундуках следующее: 29 покрывал с престолов и жертвенников шелковые, плюшевые и сatinовые и несколько штук из цветной бархатной, шитые серебром, 12 штук занавесок с икон тоже шелковые и другие, одно одеяние с жертвенника шелковое, один подзор в 12 аршин сatinовый и несколько лент с венцов разных 14 штук и одна пара подвязок шелковых, одно священническое облачение из цветного бархата и один епатрахиль такой же, 3 штуки лампадок серебряных ... и 4 штуки медных. Все выше указанные вещи находились в сундуках у гражданок, которые проживают под церковью Ильи Пророка»⁹.

В ноябре 1922 года несколько активных прихожан Ильинского храма попытались вновь его вернуть, обратившись с жалобой в Народный комиссариат юстиции и получив там поддержку: «Вследствие отсутствия необходимых средств у Наркомпроса для производства ремонта и сохранности порядка в имеющей огромное историческое значение церкви Ильи Пророка просим передать церковь в бесплатное пользование группе верующих. Договор о пользовании церкви должен быть дополнен следующими пунктами: 1. Обычные богослужения совершаются в зимнем Покровском приделе. В главном храме богослужения могут совершаться в особо торжественных случаях в важнейшие праздничные дни и каждый раз с разрешения Губмузея. 2. Утварь храма, пожертвованная строителями в XVII в. или имеющая музейный характер, возврату общине не подлежит. 3. Никакие перемены во внутреннем и внешнем виде храма не могут быть производимы без ведома и надзора Губмузея и реставрационной комиссии. <...> 5. Складочные и жилые помещения в подклете оставить за реставрационными мастерскими»¹⁰.

В апреле 1923 года бывшие прихожане Ильинской церкви обратились в губисполком с просьбой разрешить собрание верующих со следующей повесткой дня — организация приход-ской общины, выборы приходского совета и церковного старосты. Уполномоченным от приходского совета был выбран тот же В. И. Кусницын. На его заявление от 26 апреля 1923 года о передаче Ильинского храма общине верующих и готовности за счет приходского совета произвести в нем необходимые ремонтные работы Ярославская реставрационная комиссия, на балансе которой значилась церковь, сообщила, что «для молитвенных собраний здание церкви Ильи Пророка опасности не представляет... Что же касается ре-

монта, который необходимо исполнить для большей сохранности здания, то можно указать на закладку двух брешей в шатрах колокольни и придела и промазку кровли»¹¹. За право службы в Ильин день прихожанами даже были собраны средства, частично оплатившие стоимость работ по восстановлению окна Ризоположенского придела¹².

Тем не менее Ильинская церковь решением губисполкома не была передана общине по следующим причинам: хотя число учредителей выросло до 32 человек, но для регистрации прихода требовалось 50; в постановлении отмечалось также, что «обилие церквей исключает возможность вновь открывать закрытые церкви; произвести ремонт община не может, т. к. в ней много малоимущих — дворники, курьеры»¹³.

Церковь — музей древнерусского искусства

В начале 1920-х годов церковь Ильи Пророка была открыта как памятник архитектуры и живописи, организационно она являлась частью отдела древнерусского искусства. В центральном храме экспонировались иконы, лицевое шитье, металл, в приделе Гурия, Самона и Авива — церковная утварь, в Покровском — собрание тканей¹⁴. Заведующим отделом древнерусского искусства сначала являлся Василий Александрович Перцев, а в 1928–1929 годах — Нил Григорьевич Первухин. Сохранилась книга отзывов посетителей этого времени с благодарностями Н. Г. Первухину за проведенные экскурсии, например: «Высоко авторитетное и любезное пояснение Н. Г. Первухина делает особо ценным посещение прекрасного памятника ярославской церковной старины»¹⁵. Из записей этой книги видно, что Нил Григорьевич проводил экскурсии в церкви почти ежедневно.

В марте 1928 года состоялось заседание Ярославского отделения Центральных реставрационных мастерских при участии И. Э. Грабаря, в повестке которого одним из основных вопросов являлось состояние церкви Ильи Пророка. На заседании было доложено, что основной объем реставрационных работ в храме завершен — восстановлена глава, застеклены окна, частично отремонтирована кровля. Еще летом 1927 года реставратор Н. И. Брягин укрепил в храме около двадцати пяти икон, но их было рекомендовано перечистить заново, поскольку «укрепление не устраняет причину порчи — перегоревшую олифу»¹⁶.

В 1929 году комиссия Ярославского музея по распоряжению Наркомпроса провела классификацию всех храмов города, разделив памятники по категориям, от высшей до третьей. Церковь Ильи Пророка отнесли к высшей категории, как «памятник большого художественного значения», и поставили на учет Главнауки¹⁷.

Ильинская церковь была открыта для посетителей до начала 1930-х годов. В это время антицерковная политика Советской власти приняла более жесткие формы. В Ярославле в конце 1920-х — начале 1930-х годов началась кампания по массовому закрытию и сносу храмов. Тогда же были ликвидированы Ярославские реставрационные мастерские, распущено естественно-историческое общество. По стране прокатилась волна судилищ над историками и краеведами, не остались в стороне и ярославские чекисты.

В конце 1930 года был арестован Нил Григорьевич Первухин. Ильинский храм неоднократно упоминался в следственных материалах. Вот, к примеру, показания руководителя одного из местных

ГАЯО

В. А. Перцов, заведующий отделом древнерусского искусства Ярославского музея,
у иконы «Архангел Михаил» (ныне в собрании Русского музея). 1920-е гг.

ГАЯО

Открытие памятника В. И. Ленину
в ноябре 1919 г.

учреждений культуры (орфография и пунктуация оригинала сохранены): «Зам заведующим и зав отделом древнерусского искусства Нил Григорьевич Первухин он же зав музеем храмом 17 века (Ильинская церковь). Этот музей при моем посещении представлял из себя обычную церковь не было никаких признаков музея, ни каких объяснений, этикеток, лозунгов плакатов и т.д. которые бы могли объяснить сущность и вред религии не было. На мой вопрос Первухину почему нет пояснительных надписей последний ответил что он лично все объясняет сам. Поэтому никакого этикетажа не нужно». Следователь, как значится в протоколе допроса, обвинял Н.Г.Первухина и в том, что «во время посещений Ильинской церкви старушки и др. обыватели крестились и прикладывались к иконам», а сам Нил Григорьевич «высказывал, какую бы великолепную картину представлял бы Ильинский храм в солнечный день во время торжественной службы»¹⁸.

Закрытие Ильинской церкви власти посчитали только первым шагом. В 1920–1930-х годах в городе заметно активизировалась деятельность Союза воинствующих безбожников, и наиболее неистовые его члены начали кампанию за снос церкви Ильи Пророка. В конце 1931 — начале 1932 года ими было собрано несколько тысяч подписей рабочих разных предприятий Ярославля, после чего в газете «Северный рабочий» появилась статья с требованием убрать храм с центральной площади города. Городские власти обратились с письмом в Ивановский облисполком, в котором просили о сносе ряда храмов Ярославля. В нем, в частности, было написано: «Горсовет, основываясь на массовых требованиях широкой пролетарской общественности крупнейших фабрик и заводов, особо подчеркивает необходимость немедленного осво-

ГАЯО

Траурный митинг памяти жертв ярославского восстания в июле 1918 г.

ГАЯО

Городская ярмарка на Советской площади. 1920-е гг.

ГАЯО

Траурный митинг памяти В. И. Ленина
Январь 1924 г.

бождения Советской (центральной) площади города от церкви Ильи Пророка, учитывая, что последняя чрезвычайно мешает новой планировке города, находится на площади, имеющей административно-советское значение, где по требованию общественности намечена установка памятника борцам революции, павшим от белогвардейского мятежа. Надо сказать, что город не имеет более развернутой площади и нахождение церкви на Советской площади не дает возможности проведения в центре города массовых демонстраций, парадов и пр.»¹⁹

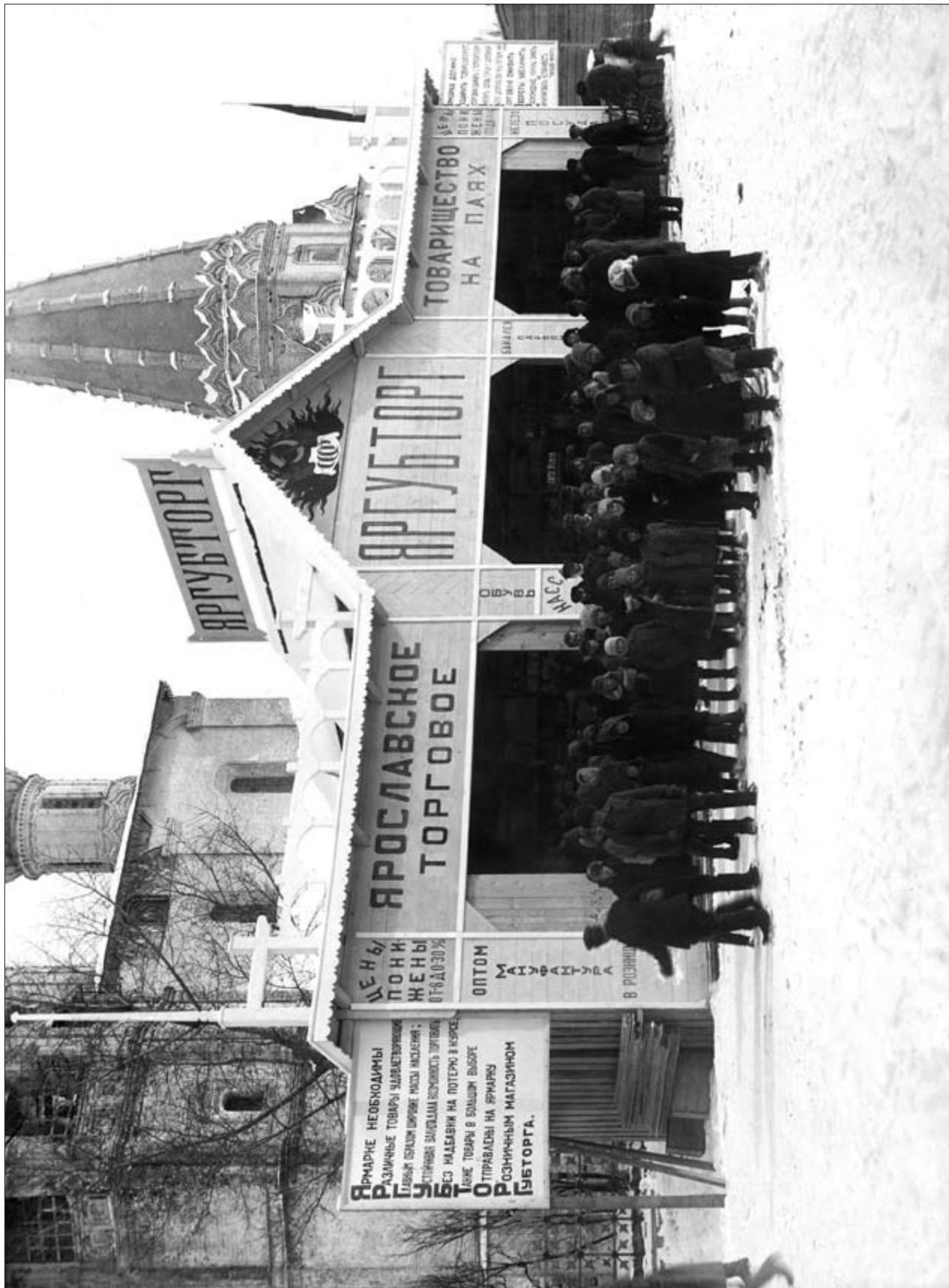
Но, к счастью, варварство по отношению к церкви Ильи Пророка было остановлено сотрудниками секции архитектуры Главнауки П.Д. Барановским и Н.Н. Померанцевым, спасшими немало храмов в России, а также активным протестом со стороны работников музея. Исполнявший в то время обязанности директора музея, знаменитый впоследствии создатель отдела природы, Н. В. Кузнецов отказался подписать решение о сносе церкви Ильи Пророка, и, как рассказывала нам И.И. Маккавеева, вдова Николая Васильевича, он даже находился в храме все время, пока опасность не миновала.

Вторично вопрос о сносе Ильинского храма городские власти подняли в 1937 году при рассмотрении Генерального проекта планировки города Ярославля. В протоколе горсовета от 15 июня записано:

«Признать тупиковое размещение общегородского центра на Стрелке неудачным, предложить перенести таковой на территорию существующего административного центра на Советской площади со сносом церкви Ильи Пророка.

ГАЯО

Городская ярмарка на Советской площади. 1920-е гг.

ГАЯО

Городская ярмарка на Советской площади. 1920-е гг.

Просить Ярославский облисполком возбудить ходатайство перед Государственным комитетом по охране памятников старины о сносе церкви Ильи Пророка, которая мешает организации центральной площади в городе...

Территорию на Стрелке отвести под зеленые насаждения с организацией парка»²⁰.

По этому грандиозному плану предполагалось «в целях выправления профиля улиц и площадей» снести немало «давно закрытых и никем не используемых молитвенных зданий» и застроить центральную часть Ярославля многоэтажными домами. Начавшееся осуществление генплана было прервано Великой Отечественной войной. (Напомним, что в ходе претворения этого плана в жизнь были снесены Успенский собор и церковь Петра и Павла.) В 1945 году его пересмотрели, высокоэтажная застройка центра города была отменена.

После закрытия один из лучших в России памятников архитектуры и живописи XVII века приспособили под складское помещение, правда, его иногда открывали туристам по заявкам. Подклетные палатки Ильинской церкви были сданы в аренду артели «Гужевик» и фабрике «Путь к социализму», в центральном и придельных храмах разместились фонды музея и мастерская обллага, работа которой оказывала вредное воздействие на стенописи церкви²¹.

Антирелигиозный музей в церкви Ильи Пророка и его директор

Новый поворот в судьбе церкви Ильи Пророка произошел в конце 1930-х годов, когда у местного руководства возникла идея открыть в ней антирелигиозный музей, его создателем и директором стал В. М. Ковалев.

Виктор Михайлович родился в 1895 году в Петербурге в семье рабочего. В 1913 году, после окончания ремесленной школы, он поступил работать токарем в механические мастерские Охтенского порохового завода. Здесь, познакомившись с членами подпольной организации РСДРП, В. М. Ковалев принимал активное участие в революционной деятельности — в подготовке и проведении митингов и забастовок, в сборе средств в фонд газеты «Правда». Во время Октябрьских событий в Петрограде Ковалев состоял в рядах городской милиции, в 1918 году был призван в Красную Армию — служил в батальоне порохового завода, а позднее, уже в составе второго стрелкового батальона Петроградского полка, «был брошен на подступавшие к Петрограду полчища Юденича». В боях Ковалев попал в плен, бежал, был ранен, лежал в госпитале.

В 1922 году, после демобилизации, Виктор Михайлович переехал сначала в Ростов, а затем, на постоянное жительство, в Ярославль. Работал в разных местах: в Ростове — механиком на мельнице, библиотекарем в волостной библиотеке, мастером в механической мастерской; в Ярославле — председателем завкома на судоверфи. В 1926 году Ковалев стал членом ВКП(б). Еще в Ростове Виктор Михайлович создал кружок безбожников, а в Ярославле стал одним из организаторов областного союза воинствующих безбожников, работал в нем старшим инструктором. Он создавал агитбригады с антирелигиозными программами, выступал с лекциями. По воспоминаниям Ковалева, с его участием

ЯМЗ

Маятник Фуко. Экспозиция антирелигиозного музея в церкви Ильи Пророка
Фотография 1938–1941 гг.

ЯМЗ

Художник Н. В. Лобанов у макета социальной пирамиды
Экспозиция антирелигиозного музея в церкви Ильи Пророка. 1938–1941 гг.

было закрыто в городе около двух десятков церквей, вместе с членами союза он снимал колокола и сдавал их в металлолом.

Как видим, Ковалев был человеком, далеким от музейной работы, малообразованным. Тем не менее именно ему было поручено создать в Ярославле антирелигиозный музей. Главную роль сыграло, конечно, его активное участие в работе союза воинствующих безбожников.

О начале своей музейной карьеры Ковалев вспоминает так: «В мае 1938 года я вдруг неожиданно был вызван по телефону к секретарю областного комитета партии. Признаться честно, я немного струхнул, так как время было в ту пору опасное, действовали враги народа, можно было ожидать всего. Я тут же пошел к нему и, едва открыл дверь, услышал грубое ко мне обращение. Не называя меня ни по имени, ни по отчеству, он сказал: "Садись и слушай". Как только я сел, он сказал: "Вот тебе 25 тысяч, и чтобы к 7 ноября был в Ярославле областной антирелигиозный музей". Моя попытка сказать, что я не музейный работник, сумею ли я это сделать, как было видно, его рассердила, и он так же грубо сказал мне: "Ну так положь партбилет и убирайся". Делать было нечего, я решил начать организацию ярославского областного антирелигиозного музея».

Приказ о создании музея был отдан 14 июня 1938 года областным отделом народного образования.

Строительство музея

Сроки для строительства нового музея отводились крайне сжатые: на разработку тематико-экспозиционного плана — месяц; на сбор материалов, создание экспозиции — четыре месяца. Поскольку у Ковалева не было ни опыта, ни сотрудников, к работе решили подключить заведующего историческим отделом краеведческого музея Серафима Николаевича Рейнпольского.

Антирелигиозный музей планировали сделать по типу уже существовавших подобного профиля в стране. В срок был написан тематико-экспозиционный план, который включал около два-дцати тем: «Строение мира и происхождение солнечной системы», «Происхождение и развитие жизни на Земле», «Происхождение религии и религиозных верований», «История религий в древнем мире», «Появление христианства на Руси», «Распространение христианства в Ярославском kraе», «Пережитки идолопоклонства», «Ярославский белогвардейский мятеж и церковники», «Сектанты в Ярославской области», «Победа социализма в СССР и отход масс от религии» и др.

Началась работа по сбору материалов для будущего музея. В церкви Ильи Пророка в 1930-х годах находились книги, свезенные из закрываемых храмов города и области. Из них были взяты нужные по тематике, остальные пополнили библиотеку краеведческого музея. Состоялось несколько экспедиций по районам Ярославской области, откуда были привезены иконы, церковная утварь, деревянная скульптура, фрагменты иконостасов. Из церкви Николы Мокрого поступили два моленых места, была составлена небольшая коллекция колоколов. Из фондов Ярославского краеведческого музея передали хранившиеся там после закрытия Спасо-Преображенского монастыря святыни — мощи ярославских князей Федора, Давида и Константина, гроб-колоду Федора Черного. Из Москвы доставили мощи Иннокентия Иркутского.

ЯМЗ

Б. М. Ковалев и Н. В. Кузнецов на экспозиции антирелигиозного музея
в церкви Ильи Пророка. 1938–1941 гг.

В. М. Ковалев отчитывался: «Музей имеет ряд лиц, помогающих в сборе экспонатов, разъезжающих по районам области, с помощью которых удается выяснить ценные экспонаты и посыпать за их приобретением. В последнее время навстречу пошел местный отдел Госфонда, где мы также обнаружили нужные для музея экспонаты»²².

Происходило пополнение коллекции также из фондов других музеев страны. Так, из центрального антирелигиозного музея в Москве прибыли две большие гипсовые скульптуры — Джордано Бруно и Галилео Галилея, культовые предметы; из краеведческого музея в Феодосии — материалы археологических раскопок.

Нашло отражение в будущей экспозиции увлечение музейных работников того времени наглядной агитацией — разного рода диорамами, макетами и т. п. Макетчик Ярославского краеведческого музея А. К. Сакулин сделал диорамы «Продажа рабов в Древнем Риме», «Похороны руса», «Свержение идола Перуна», «Тризна». Заведующий отделом природы Н. В. Кузнецов выполнил дио-раму «Охота древних славян на медведя». Художник Н. В. Лобанков представил два макета — социальной пирамиды и Спасо-Преображенского собора в Переяславле²³.

Большим неудобством для создателей антирелигиозного музея служило то, что экспозиция должна была разворачиваться в центральном храме и на галерее Ильинской церкви, в окружении великолепных росписей. Так, инструктор Центрального совета союза воинствующих безбожников

ЯМЗ

В. М. Ковалев — директор антирелигиозного музея
в церкви Ильи Пророка

высказал мнение: «Музей не антирелигиозный, а религиозный ... все наши экспозиции пропадают на этом фоне»²⁴, а наиболее рьяные активисты даже предлагали сбить полностью все стенописи. Но, надо отдать должное В. М. Ковалеву, он эту идею не поддержал, а попытался включить фрески в экспозиционный ряд. Первые разделы музея, рассказывающие о строении мира и происхождении жизни на Земле, решено было разместить в северной части галереи, на сводах и стенах которой иллюстрируются начальные главы Библии о семи днях творения мира, о земной жизни Адама и Евы.

Создатель антирелигиозного музея писал: «С большим успехом может быть использована отделом музея древнерусского искусства ... стенная роспись Ильинского храма, — это не что иное, как стенные плакаты, религиозная книга для неграмотных, не украшение храма, а как зрительское закрепление религиозного дурмана, используя которые затуманивали умы трудящихся церковнослужители с амвонов из алтарей»²⁵.

Одновременно с подготовкой новой экспозиции велись ремонтно-реставрационные работы на памятнике, на эти цели было выделено 50 тысяч рублей²⁶. Все оборудование, простые витрины и стенды изготовили по чертежам, выполненным Ковалевым. Постепенно сформировался штат антирелигиозного музея, были приняты на работу два научных сотрудника, два экскурсовода, два художника-оформителя, завхоз, сторожа, столяр.

ЯМЗ

Патриаршее моленное место, перенесенное в антирелигиозный музей из церкви Николы Мокрого в 1938 г.

Своей большой заслугой В. М. Ковалев считал установку маятника Фуко в церкви Ильи Пророка, о чем он подробно рассказал в своих воспоминаниях:

«Будучи в Ленинграде в Исаакиевском соборе, я познакомился с маятником Фуко, доказывающим вращение Земли. Взяв все необходимые сведения и расчеты, а по приезде домой измерив высоту центра церкви, выразившуюся в 13 метрах, я после расчетов пришел к выводу, что такой же маятник, только в меньшем виде, можно сделать и у нас. Этой идеей заинтересовались работники 62-го завода, за неделю они рассчитали конструкцию маятника Фуко и изготовили его. Но встал вопрос об укреплении стального конца проволоки со стаканом механизма вращения в среднем куполе на высоте 13 метров. Тогда я влез внутрь купола через окно с улицы и укрепил стакан. На конце проволоки мы прикрепили тринадцатикилограммовый чугунный шар и поставили на пол деревянный диск диаметром в три метра. Было уже далеко за полночь, но никто из сотрудников не уходил, работали со свечами и керосиновыми лампами, так как электропроводки в церкви еще не было.

На следующее утро мы провели испытание, вооружившись часами. Через пять минут маятник отклонился на два градуса. Тут все бросились ко мне, стали меня целовать и поздравлять, радости не было конца. Это был третий по счету маятник Фуко в СССР после Ленинграда и Свердловска. За организацию маятника я получил первым в области значок атеиста-отличника, а Центральный совет союза воинствующих безбожников наградил меня Почетной грамотой, подписанной его председателем Емельяном Ярославским. После этого множество школ города и области стали организовывать экскурсии к маятнику Фуко».

Деятельность музея

Точно в срок, 7 ноября 1938 года, антирелигиозный музей был торжественно открыт и начал работать. Как явствует из отчетов, в 1939 году в нем побывало более 23 тысяч человек. Вот характерные отзывы о посещении музея: «Мы, сын и дочь, привезли свою мать для осмотра антирелигиозного музея и доказали ей на старости лет, что религия есть затемнение отсталых слоев...» или «Только теперь понял, почему не сносят эту церковь, которая никому не нужна и мешала всем»²⁷.

Сотрудники музея создали антирелигиозный кружок для домохозяек и молодежи, специальную секцию для работы с детьми, построили передвижные выставки «Миф о Христе», «Молодежь и религия» и др., читали лекции, выступали с публикациями в местных газетах, на радио. В 1939 году состоялась совместная археологическая экспедиция краеведческого и антирелигиозного музеев под руководством Ядвиги Станиславовны Станкевич, работавшей в Академии материальной культуры имени Марра. Кроме того, антирелигиозный музей проводил самостоятельные археологические исследования на территории города — в саду Казанского женского монастыря, на Стрелке, а в подклете церкви Ильи Пророка был «вскрыт могильник купцов Скрипиных»²⁸.

Антирелигиозный музей просуществовал в Ярославле всего около трех лет. Сначала он являлся филиалом областного краеведческого музея, а затем именовался областным антирелигиозным музеем. В мае 1941 года Виктор Михайлович Ковалев был призван на пятимесячные военные сборы, но началась Великая Отечественная война, и его отправили на фронт, а музей закрыли²⁹. Попыток воссоздания антирелигиозного музея в Ярославле более не предпринималось.

Один из немногих положительных результатов работы таких музеев — их коллекции пополнялись произведениями церковного искусства, которые таким образом удалось сберечь. После закрытия антирелигиозного музея его экспонаты поступили в краеведческий музей, сейчас находятся в собраниях ЯМЗ и художественного музея³⁰.

На юбилейной выставке «Шедевры ярославского искусства из церкви Ильи Пророка» впервые был представлен выявленный в процессе подготовки комплекс материалов по истории антирелигиозного музея. Его деятельность привела Ильинский храм в плачевный вид. В акте по проверке состояния церковного здания от 18 марта 1943 года отмечалось, что в Покровском и Ризоположенском приделах, на галерее к стенам при помощи костылей прикреплены массивные стенды, фрески повреждены, в приделе Гурия, Самона и Авива в беспорядке сложены ценнейшие образцы древнерусской живописи и прикладного искусства, кресты на двух главах отсутствуют, во всем храме в окнах нет стекол, в ограде устроен туалет, всюду грязь³¹. В 1944 году в церкви Ильи Пророка была организована выставка «Ярославль в XVII веке», о ней известно только, что в 1948 году с нее украли ключ и деревянный ковш.

Церковь Ильи Прока вновь на несколько лет была закрыта.

Современная история храма

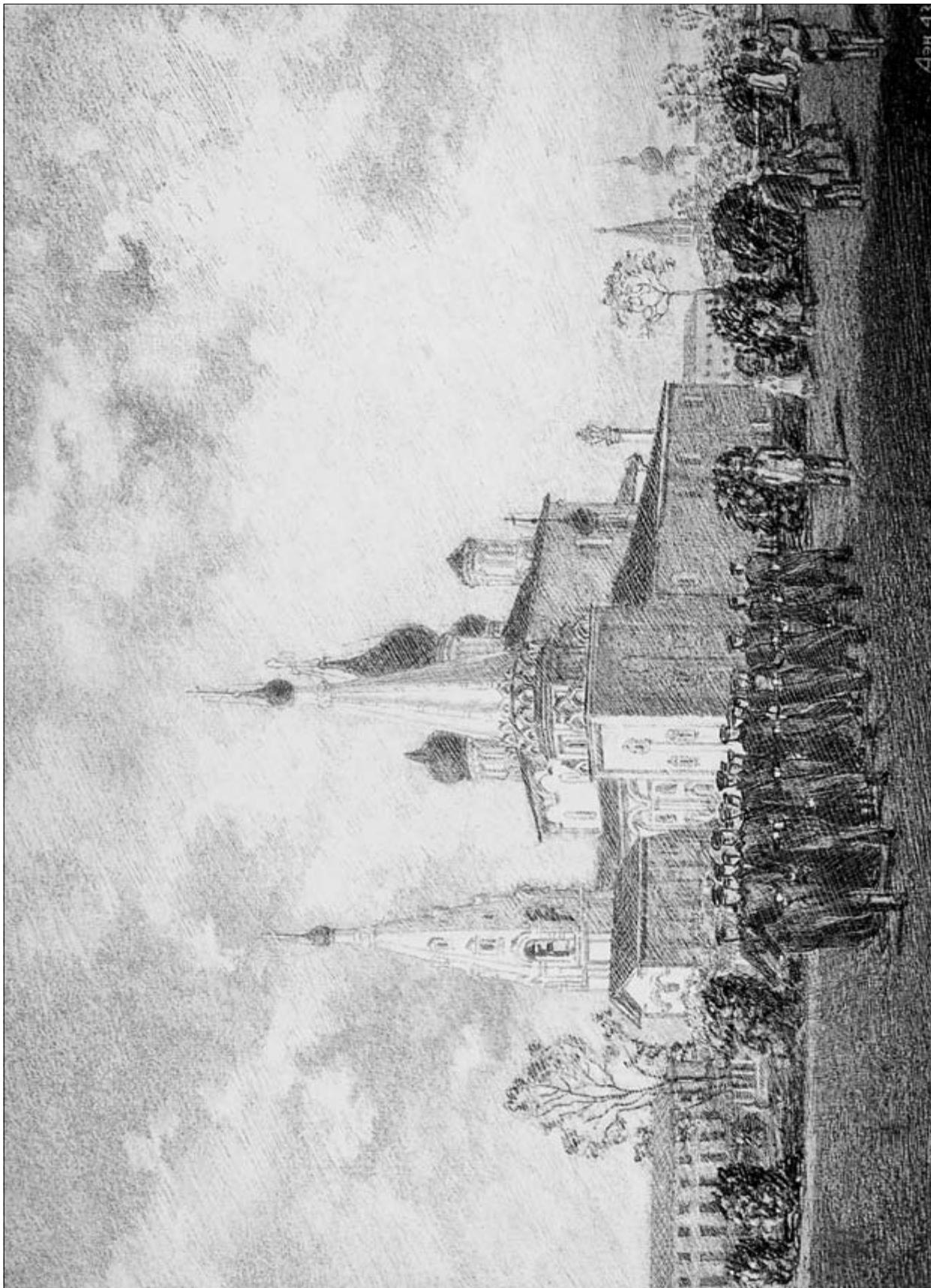
В военные и послевоенные годы отношение Советского государства к религии и православной церкви стало менее репрессивным: власти вынуждены были признать значение церковного искусства в духовной культуре народа-победителя. В стране восстанавливается деятельность региональных реставрационных мастерских, создаются общества охраны памятников, открываются музеи и отделы древнерусского искусства — организации, задачами которых являлось сбережение и исследование богатейшего культурного наследия. История церкви Ильи Пророка, начиная с 1950-х годов, — это во многом история реставрации памятника, его изучения и музеификации.

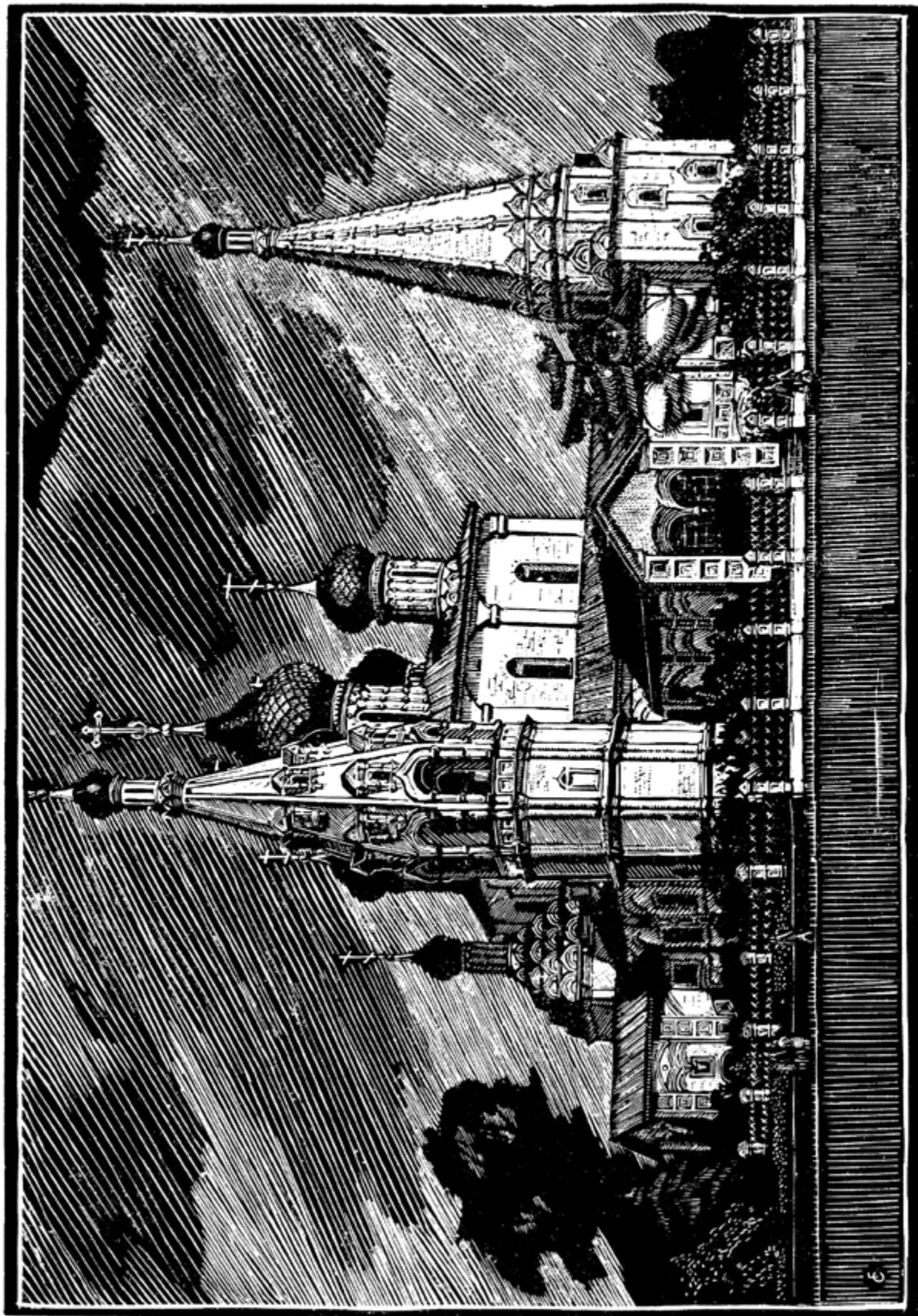
В 1950-х годах, в связи с намечавшимся открытием Ильинской церкви для посетителей, в храме осуществлялись необходимые ремонтно-реставрационные работы. В первую очередь, реставратором Н. В. Перцевым (сын В. А. Перцева) в 1953 году была выведена из аварийного состояния живопись галереи. В 1955 году под руководством художника-реставратора В. Г. Брюсовой (Вера Григорьевна не только принимала участие в реставрации живописи Ильинского храма, но и посвятила исследованию ее художественных достоинств немало страниц в своих книгах и статьях) проводилось обследование живописи центрального храма, состояние которой было признано тяжелым: фрески, иконы покрывал густой слой пыли, красочный слой стенописи шелущился на значительных площадях, на сводах и в куполах наблюдались многочисленные выпады штукатурки на шляпках гвоздей, которые забивали в кирпичную кладку и тем самым обеспечивали лучшее сцепление штукатурного слоя со стеной. Вера Григорьевна точно выразила свои впечатления — «повсюду повреждения, плесень, пыль, шелушение, грязь» (отчет В. Г. Брюсовой хранится в архиве архитектурного отдела ЯМЗ).

В июле — августе 1955 года В. Г. Брюсовой и сотрудниками Ярославской реставрационной мастерской была проведена реставрация живописи главного храма и придела Варлаама Хутынского. Ввиду срочности леса на всю высоту стен не сооружались, работа велась со стремянок, поэтому отреставрированы были

ЯМЗ

Советская площадь во время Великой Отечественной войны. Художник А. С. Никольский. 1943 г.

Церковь Ильи Пророка. Линогравюра С. А. Глушкова. 1980 г.

только два верхних сюжетных яруса. В ходе укрепления живописи в местах утрат красочного слоя проводились тонировки³².

В это же время было восстановлено завершение северного придела четырьмя ярусами кокошников по проекту архитектора-реставратора Л. К. Россова и искусствоведа Э. Д. Добровольской.

В 1956 году церковь Ильи Пророка вновь открылась для посетителей, а через три года решением Ярославского облисполкома от 10 апреля 1959 года на базе областного краеведческого музея был создан Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник. В его состав вошли также Ярославский художественный музей, Ростовский краеведческий музей, мемориальный музей Н. А. Некрасова «Карабиха» и ряд архитектурных памятников, в том числе церковь Ильи Пророка: 30 июня 1959 года исполнявший обязанности директора Михаил Германович Мейерович принял на баланс музея-заповедника Ильинскую церковь³³.

Не избежал Ильинский храм печальной участи многих церквей — неоднократно он подвергался ограблениям. В сентябре 1961 года были похищены иконы «Знамение Богоматери» Петра Костромитина из центрального иконостаса, «Тайная вечеря» из придела Варлаама Хутынского, а также четыре иконы царских врат Ризоположенского иконостаса.

В 1975 году произошла печально известная кража из придела Положения Ризы, всего пропало 37 икон — шестнадцать из праздничного ряда и две из местного иконостаса придела, а также двенадцать икон «святцев» и семь икон из церкви Рождества Христова, хранившихся в приделе. Позднее из похищенного были найдены только восемь икон «святцев» и две иконы местного ряда — Спас Вседержитель и Богоматерь Страстная³⁴.

Ильинский храм — один из наиболее посещаемых туристами памятников города, он — предмет гордости его жителей, но, к сожалению, не всегда выдерживается режим, необходимый для его сохранности. В 1996 году при обследовании состояния церковного здания были выявлены серьезные разрушения по всем его фасадам, особенно в подклетной части; наблюдалась повсеместная деструкция кирпича; состояние лицевой поверхности шатра Ризоположенского придела было признано аварийным. Дело в том, что шатер, окна которого были заложены предположительно еще в конце XVII века, очень долго не знал вентиляции. Глазам реставраторов, пробивших оконные отверстия, предстала неутешительная картина: «все внутренние стены, кроме грибка и плесени, были покрыты толстым слоем слизи, со стен сползала жидкая масса черного цвета»³⁵.

В 1997 году под руководством Е. М. Пашкина проводились инженерно-геологические исследования церкви Ильи Пророка, которые выявили серьезные деформации в несущих конструкциях храма (установлено формирование более семидесяти групп трещин), деструкцию свай, от сгнившей древесины которых в фундаментах образовались пустоты (острия свай, кстати, находятся приблизительно на глубине в пять с половиной метров, а их длина составляет около двух метров)³⁶.

В последующие несколько лет на средства Администрации области проводились значительные работы по архитектурной реставрации памятника: подвергшаяся деструкции кирпичная кладка заменена новой, перекрыта железная кровля. Впервые подобное масштабное восстановление шло не традиционно — с построенных лесов, а силами специалистов-верхолазов.

В ходе реставрации были сделаны интересные находки, зафиксированные архитектором С. Н. Столяровой: у западного крыльца при снятии культурного слоя было вскрыто углубление квадратной формы, —

Реставрация церкви Ильи Пророка. Фотография 1960-х гг.

возможно, это был колодец, куда сливали использованную воду (по церковному уставу воду из храма можно выливать только в «непопираемое» место); под северным крыльцом и Покровским приделом обнаружены сводчатые камеры глубиной в три метра, расположенные ниже уровня пола подклета, — вероятно, они служили холодильными помещениями для хранения продуктов в летнее время; на противоположных гранях шатра Ризоположенского придела раскрыты два арочных проема, устроенных для вентиляции; в нижнем ярусе галереи и на стенах Покровского придела найдены и восстановлены древние окна, оформленные наличниками.

В 1988–2000 годах проводилась реставрация живописи в главном храме, в ходе которой был промыт и укреплен красочный слой на сводах и в барабанах, а железные левкасные гвозди, подвергшиеся сильной коррозии за три с половиной столетия, заменены специальными пластмассовыми штырями. В 2000–2001 годах осуществлялись реставрационные работы в усыпальнице Скрипиных и частично на галерее.

Одновременно с архитектурной и живописной реставрацией памятника не прекращалась работа по возрождению его художественных сокровищ. Хочется отдать должное труду ярославских реставраторов, через руки которых прошли многочисленные произведения иконописи, серебряного, резного, изразечного дела из церкви Ильи Пророка. В разное время их исследованием и реставрацией занимались В. Г. Брюсова, В. И. Васин, О. Г. Галашина, К. А. Грибанов, В. Н. Демин, В. Г. Зайцев, И. А. Ивенская, Т. Е. Казакевич, А. Н. Клячина, Н. В. Коновалова, А. Ф. Кралин, Ю. Ф. Медведев,

Художники-реставраторы предприятия «Реставрация живописи и резьбы». 1990-е гг.
Вверху (слева-направо): К. А. Грибанов, В. А. Власов, С. В. Крылов; внизу: Е. А. Чижов,
А. Ю. Чижова, С. Б. Сергеев. Фотографию предоставила И. А. Ивенская

Ю. Ф. Павлов, В. Н. Перцев, Л. Д. Рыбцева, С. А. Смирнов, С. Н. Столярова, А. И. Темноденежкин, М. Д. Урюпина, Е. Б. Черняев, А. Ф. Черторижская, Т. Л. Шабанова, Е. П. Юдина и многие, многие другие.

Так сложилась историческая судьба Ильинской церкви, что, оставаясь на протяжении столетий обычным приходским храмом, она жила и продолжает жить удивительно многомерной жизнью.

Прерванные на несколько десятилетий богослужения в церкви Ильи Пророка возобновились в конце XX века. Храм оказался в центре внимания культурной общественности города в 1990 году, когда постановлением Президиума Ярославского облисполкома его решили передать православной общине Кировского района «в бесплатное пользование на договорной основе». Это решение местных властей было остановлено правительенной телеграммой: «Министерство культуры СССР категорически возражает против передачи православной церкви памятника обще-союзного значения церкви Ильи Пророка, ввиду угрозы сохранности уникальной живописи XVII в.»³⁷ Нешуточные страсти разыгрались тогда вокруг Ильинской церкви, в центральной и местной печати появилось несколько публикаций по поводу ее передачи Русской Православной Церкви. В решении столь непростых вопросов выдающийся современный философ С. С. Аверинцев предлагал обратиться к мировому опыту: «Необходимо помнить, что во всех старых городах Европы есть храмовые здания, представляющие музейный интерес, нуждающиеся в музейном режиме, но не теряющие связи со своим изначальным назначением, — не перестающие быть церквями». Он призывал руководствоваться здравым смыслом: «Всегда можно отыскать для здания режим, наименее ему вредящий, не отнимая у него присущей ему жизни»³⁸.

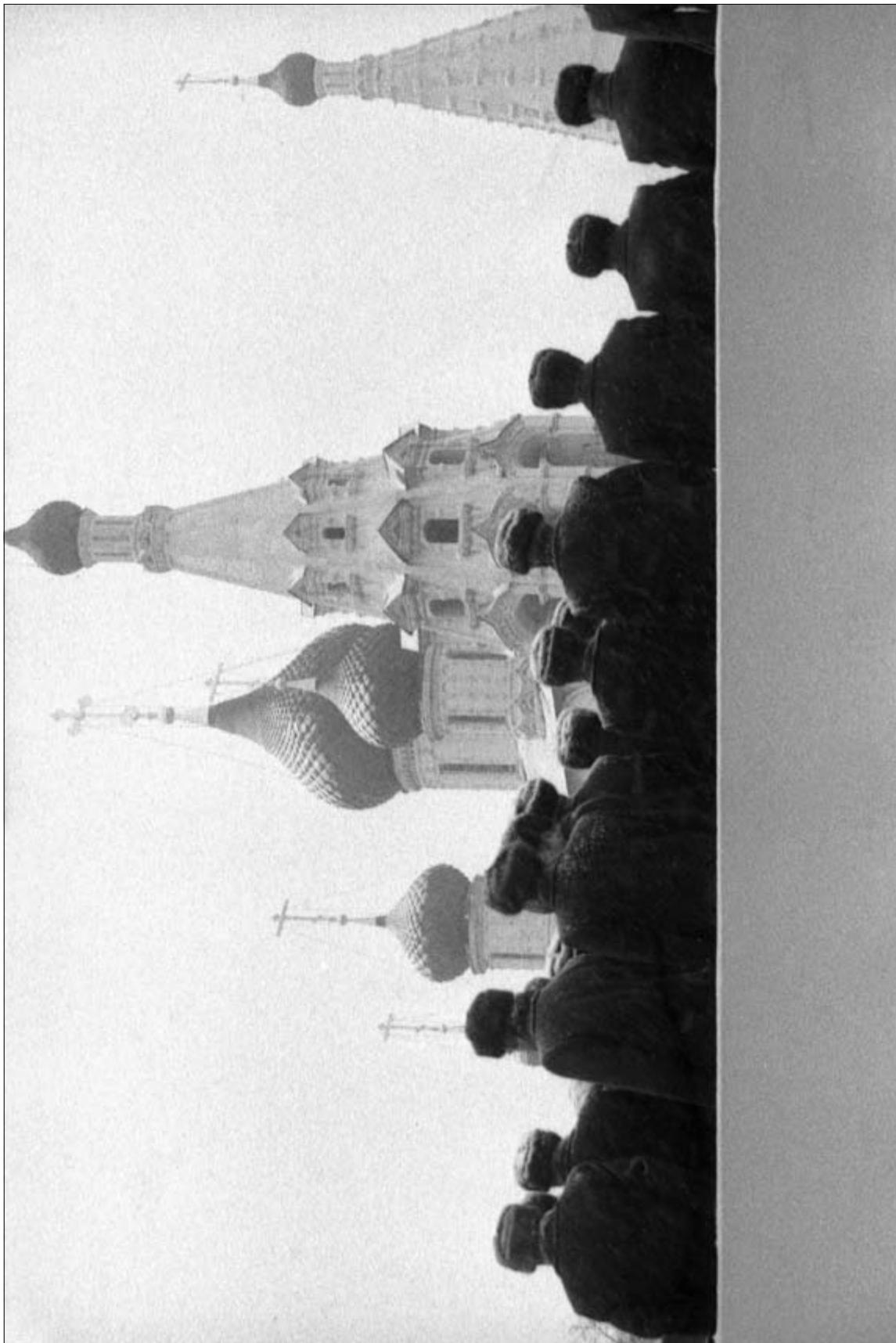
Компромиссное решение было найдено: церковь Ильи Пророка передали в совместное ведение Ярославской епархии и Ярославского историко-архитектурного музея-заповедника. В 1991 году храм был освящен архиепископом Ярославским и Ростовским Платоном (Удовенко), и с тех пор в нем проводятся праздничные и торжественные богослужения.

Являясь уникальным храмом-музеем, Ильинская церковь была и остается жемчужиной туристического Ярославля, она давно превратилась в один из самых узнаваемых символов города. Надо только помнить о той ответственности, которую мы несем перед создателями столь прекрасного творения, о нашей обязанности бережно и тактично сохранять его.

Широкая и «полнокровная» картина исторической судьбы церкви Ильи Пророка позволяет утверждать, что это не только выдающееся художественное творение, памятник развивающейся посадской культуры средневековья, символ экономического и культурного расцвета Ярославля XVII века, но и храм с яркой и насыщенной судьбой, испытавший на себе все перипетии времени.

Значительным этапом в изучении истории Ильинского храма, атрибуции его коллекций явилась выставка «Шедевры ярославского искусства из церкви Ильи Пророка», приуроченная к 350-летнему юбилею памятника в 2000 году. На ней впервые было собрано и представлено все сохранившееся многообразие бесценных сокровищ храма.

Церковь Ильи Пророка можно смело назвать самым изученным памятником церковного искусства Ярославля XVII века, но выставка показала, что эта работа далеко не завершена. Именно в процессе ее подготовки произошли удивительные находки в фондах Ярославского музея-заповедника — ковчег с частицей Ризы Христа, Синодик деревянного храма, образ Казанской Богоматери в драгоценном окладе, иконы «святцев»...

Демонстрация на Советской площади. На трибуне руководители ярославских областных партийных и советских органов
1970-е гг. Фотография Ю. И. Барышева

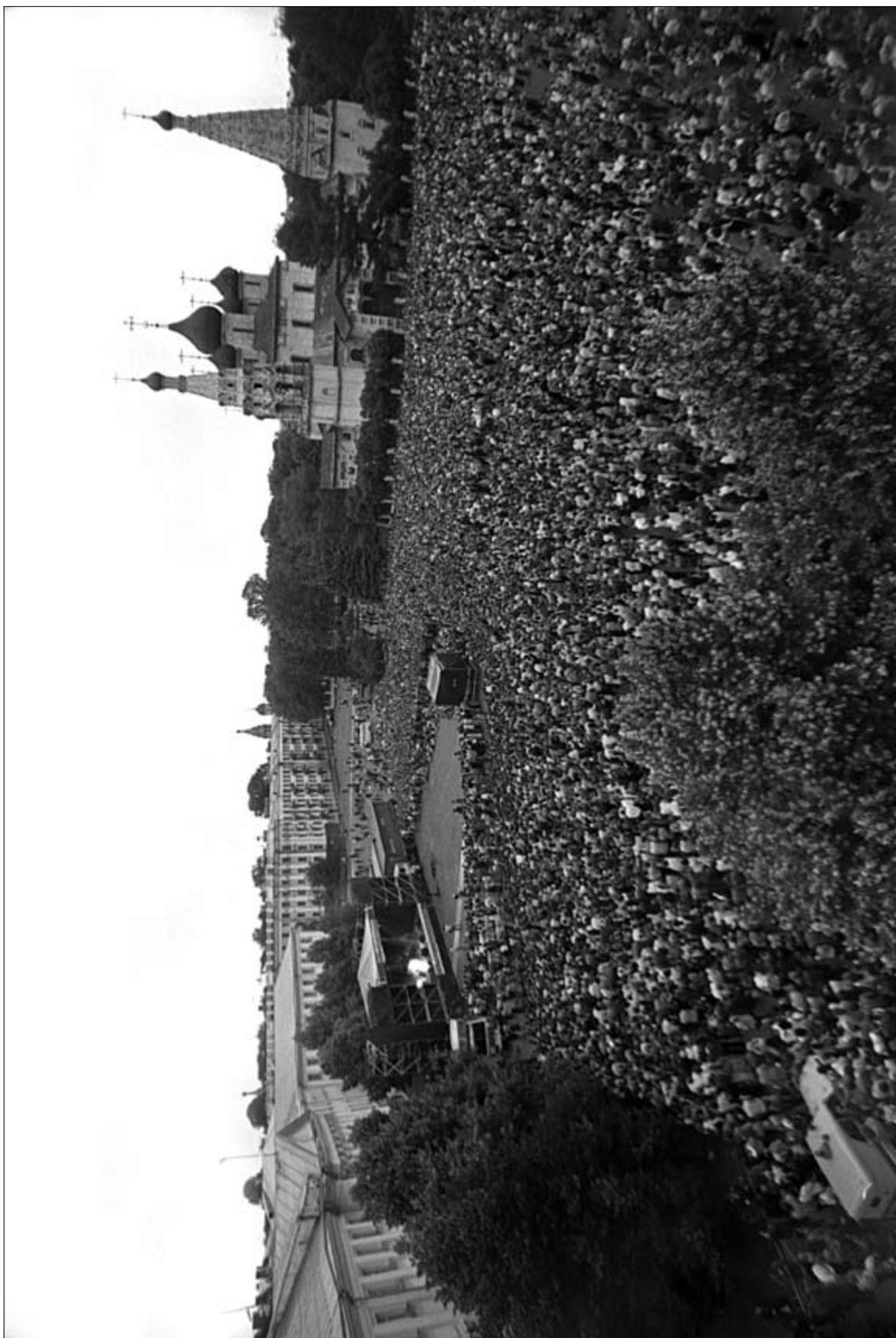
Майский парад на Советской площади. Фотография Ю. И. Барышева

Спортивный праздник на Советской площади. Фотография Ю. И. Барышева

Митинг «Народного фронта» на Советской площади. Середина 1980-х гг. Фотография Ю. И. Барышева

Концерт на Ильинской площади. 1990-е гг. Фотография Ю. И. Барышева

Архиепископ Ярославский и Ростовский Платон (с 1993 – Аргентинский и Южно-Американский)
освящает церковь Ильи Пророка в августе 1991 г. Фотография Ю. И. Барышева

Патриарх Московский и всея Руси Алексий II совершає богослужіння в церкви Іллі Пророка. 1992 р.
фотографія Ю.І.Барышева

Патриарх Московский и всея Руси Алексий II и губернатор Ярославской области А. И. Лисицын на площади перед
Ильинской церковью. 1992 г. Фотография Ю. И. Барышева

Крестный ход на Ильинской площади. 2003 г. Фото Р. С. Фарвазидинова

Несомненно, и художественное наследие церкви Ильи Пророка, и переплетения судеб города, храма, его прихода и конкретных людей еще долго будут удивлять нас, благодарно открывая исследователям все новые грани русской национальной культуры и истории.

И духовная, и светская жизнь Ильинского храма продолжается — стоит и долго будет стоять он на главной площади Ярославля, Богом и людьми охраняемый, как завещано было храмоздателями. Ежегодно десятки тысяч людей приходят полюбоваться этим замечательным творением русских мастеров, запечатлевшим память о роде Скрипиних, А. П. Мельгунове, И. А. Вахромееве, Н. Г. Первухине — о тех ярославцах, которые отдали церкви Ильи Пророка свою любовь.

ПРИМЕЧАНИЯ

Золотой век Ярославля (с. 11)

- ¹ *Первухин Н. Г.* Художественная старина в ярославских храмах // Ярославль в его прошлом и настоящем: Ист. очерк-путеводитель / Яросл. экскурс. комисс. Ярославль, 1913. С. 120.
- ² Цит по: *Шаброва О. Г., Шабасова О. И.* Ярославль в XVII веке. Ярославль, 1999. С. 21–22.
- ³ Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии (ЯГУАК). Ярославль, 1913. Кн. 6. Вып. 3–4 (переписные книги города Ярославля: 1646 года — стб. 77–240; 1668 года — стб. 241–372; 1669 года — стб. 373–466; 1671 года — стб. 467–574; ГАЯО, ф. 582, оп. 1, д. 612, 615, 616, 617, 618, 620, 621, 622 (переписные книги Ярославля 1717 года со сведениями о переписях 1710, 1709 и 1678 годов — каждое архивное дело по отдельной сотне города).
- ⁴ *Бахрушин С. В.* Ярославские торги в XVII в. // [Бахрушин С. В.] Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма: Научное наследие. М., 1987. С. 141–142.
- ⁵ *Трубецкой Е. Н.* «Когда началась моя самостоятельная жизнь в Ярославле...» // Ярославская старина. Ярославль, 2000. Вып. 5. С. 63–64.
- ⁶ *Первухин Н. Г.* Церковь Илии Пророка в Ярославле. М., 1915. С. 9.
- ⁷ Ярославские епархиальные ведомости (ЯЕВ). 1894. Ч. неофиц. С. 279.
- ⁸ *Первухин Н. Г.* Художественная старина... С. 120–121.
- ⁹ *Вахрамеев И. А.* Церковь во имя святого и славного пророка Божия Илии в г. Ярославле. Ярославль, 1906. С. 7.

До постройки каменной церкви (с. 17)

- ¹ Сказание о построении града Ярославля // *Лебедев А.* Храмы Власьевского прихода в г. Ярославле. Ярославль, 1877. С. 8.
- ² *Головицков К. Д.* История города Ярославля. Ярославль, 1889. С. 41–42.
- ³ Ярославль в его прошлом и настоящем: Ист. очерк-путеводитель / Яросл. экскурс. комисс. Ярославль, 1913. С. 74.
- ⁴ *Лествицын В. И.* Церковь Петра и Павла, что на Волге, в Ярославле. Ярославль, 1878. С. 7. Следует отметить, что одно из самых ранних упоминаний о Петровском монастыре связано с переславским святым Никитой Столпником, жившим в XII веке, и содержится в его житии, которое было составлено не ранее конца XIV века.
- ⁵ *Анхимюк Ю. В.* Церковь Петра и Павла в Ярославле: легенды и исторические реалии // Ярославская старина: Из архива русской провинции. Ярославль, 1992. С. 5–13.
- ⁶ *Лествицын В. И.* Другая редакция «Сказания о Спасо-Пробоинской церкви г. Ярославля». Ярославль, 1874. С. 14. По этому поводу протоиерей Аристарх Израилев, посвятивший несколько работ различным страницам истории церкви Ильи Пророка, заметил: «Вот пример, достойный подражания, — подходить и других подводить под святые иконы, когда их несут куда-либо с крестным ходом» (см.: *Израилев А. А.* Чудотворный нерукотворный образ Господа нашего Иисуса Христа, находящийся в городе Ярославле в Спасо-Пробоинском обыденном храме. М., 1895. С. 6).

- ⁷ Клосс Б. М. Избранные труды: Очерки по истории русской агиографии, XIV–XVI вв. М., 2001. Т. 2. С. 321. Само житие расположено в рукописном сборнике на листах 1–13 об. и 201 об.–233, а цитируемая помета писца — на листе 397. Георгий Комынин — книгописец, работавший в 1600-х годах в Москве, а с начала 1610-х и до 1620 года в Ярославле.
- ⁸ Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. М., 1998. Т. 1. С. 90, 212.
- ⁹ Барщевский И. Ф. Исторический очерк города Ярославля // Труды ЯГУАК. Ростов-Ярославский, 1900. Кн. 3. Вып. 4. С. 37.
- ¹⁰ Флоря Б. Н. Привилегированное купечество и городская община в Русском государстве (II пол. XV — начало XVII в.) // История СССР. 1977. № 5. С. 158–159.
- ¹¹ См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 15 кн. М., 1961. Кн. 5. С. 200, 459; Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М.; Л., 1948. Т. 2. С. 15; Дьяконов О. П. К истории ярославского посада в XVI–XVII веках // Учен. зап. Яросл. гос. пед. ин-та. Ярославль, 1945. Вып. 7: История СССР. С. 12.
- ¹² Дьяконов О. П. Посадская община г. Ярославля в первой половине XVII века // Учен. зап. Яросл. гос. пед. ин-та. Ярославль, 1947. Вып. 9: История СССР. С. 16; Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 3 // Сочинения. М., 1988. Т. 3. С. 209.
- ¹³ См.: Ярославль: История города в документах и материалах от первых упоминаний до 1917 года / Под ред. А. М. Пономарева. Ярославль, 1990. С. 112.
- ¹⁴ ОПИ ЯМЗ, № 58944, л. 5.
- ¹⁵ Пятницкий Н. Ильинская церковь в городе Ярославле. Ярославль, 1906. С. 24.
- ¹⁶ Труды ЯГУАК. Ярославль, 1914. Кн. 6. Вып. 1. С. 92. Следует отметить, что выражение «на монастыре» в переписных книгах средневековья обозначало территорию, прилегающую к храму.
- ¹⁷ Там же. Вып. 3–4. См. также: ГАЯО, ф. 582, оп. 1, д. 620 (1678, 1709, 1710 и 1717 годы — Никольская сотня); д. 621 (те же годы — Сретенская сотня).
- ¹⁸ ГАЯО, ф. Р-1401, оп. 1, д. 31, л. 69 об.
- ¹⁹ ЯЕВ. 1894. № 18. Ч. неофиц. С. 284–285.
- ²⁰ Суслов В. В. Памятники древнерусского искусства. СПб., 1908. Вып. 1. С. 93.
- ²¹ Кольцова Т. М. Росписи «неба» в деревянных храмах русского Севера. Архангельск, 1993. С. 12, 17.
Ильинский храм — не единственный пример подобного решения церковного интерьера в ярославском регионе. И. А. Тихомиров, выдвигая несколько версий происхождения знаменитой иконы Спаса Нерукотворного из Воздвиженского собора города Тутаева (Романова-Борисоглебска), привел и такую: «он [образ] был в „шатре“ (главе), служа потолком деревянного храма, бывшего ранее на месте собора» (Тихомиров И. А. Ярославское Поволжье: Краткий путеводитель. Ярославль, 1909. С. 34). По преданию, образ Спаса был написан в XV веке преподобным Дионисием Глушицким, основателем Глушицкого монастыря. А в Ярославле, в теплой церкви Предтечевского прихода, почтилась как святыня древняя круглая икона Спаса (Успенский Ф. Предтечевская церковь в Ярославле. Ярославль, 1906. С. 20), которая тоже могла быть «небом» раннего деревянного храма этого прихода. Такой способ перекрытия встречался в клетских, шатровых и кубовых храмах.
- ²² Опись 1651 г. церкви Ильи Пророка // 350 лет церкви Ильи Пророка в Ярославле (1650–2000): Статьи и материалы. Ярославль, 2001. С. 140–141.

Храмоздатели Вонифатий и Иоанникий Скрипины (с. 29)

- ¹ Барщевский И. Ф. Исторический очерк города Ярославля // Труды ЯГУАК. Ростов-Ярославский, 1900. Кн. 3. Вып. 4. С. 11, 48; Скрынников Р. Г. Трагедия Новгорода. М., 1994. С. 77.
- ² Перечневая опись города Ярославля 1630 года // Ярославские губернские ведомости (ЯГВ). 1861. № 1, 3–12, 14–38, 43–45. Ч. неофиц. Из записи о лавке в сапожном ряду (№ 17. Ч. неофиц. С. 133) неясно, которому Иоанну — отцу или брату Вонифатия и Иоанника — она принадлежала. Заметим, что родовое прозвание *Скрипин* начинает упоминаться у отца храмоздателей.

- ³ *Бахрушин С. В.* Ярославские торги в XVII в. // [Бахрушин С. В.] Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма: Научное наследие. М., 1987. С. 149; *Он же.* Научные труды: Статьи по экономической, социальной и политической истории русского централизованного государства XV–XVII вв. М., 1954. [Т.] 2. С. 230.
- ⁴ Ярославский край: Сб. документов по истории края (XV век – 1917 год). Ярославль, 1972. С. 47–48.
- ⁵ *Ковригина В. А., Марасанова Л. М.* Торговля, пути и средства передвижения // Очерки русской культуры XVII в. М., 1979. Ч. 1. С. 141. См. также: Таможенные книги Московского государства XVII в. М.; Л., 1951. Т. 2. С. 178, 224, 547.
- ⁶ Таможенные книги Московского государства XVII в.: В 2 т. М.; Л., 1950–1951.
- ⁷ Там же. Т. 2. С. 71, 73, 181, 182, 401, 402, 422, 423, 426.
- ⁸ *Данилова Л. В.* Мелкая промышленность и промыслы в русском городе во второй половине XVII – начале XVIII в. // История СССР. 1957. № 3. С. 105.
- ⁹ ГАЯО, кол. рукописей, ед. хр. 1317, л. 43.
- ¹⁰ Перечневая опись города Ярославля 1630 года // ЯГВ. 1861. № 27. Ч. неофиц. С. 232.
- ¹¹ *Первухин Н. Г.* Церковь Илии Пророка в Ярославле. М., 1915. С. 6.
- ¹² Ярославский край: Сб. документов... С. 47–48. См. также: *Казакевич Т. Е.* Иконостас церкви Ильи Пророка в Ярославле и его мастера // Памятники русской архитектуры и монументального искусства: Материалы и исследования. М., 1980. С. 19.
- ¹³ *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. М., 1998. Т. 1. С. 117.
- ¹⁴ *Шаброва О. Г., Шабасова О. И.* Ярославль в XVII веке. Ярославль, 1999. С. 25.
- ¹⁵ *Дьяконов О. П.* Посадская община г. Ярославля в первой половине XVII века // Учен. зап. Яросл. гос. пед. ин-та. Ярославль, 1947. Вып. 9: История СССР. С. 9; Перечневая опись города Ярославля 1630 года // ЯГВ. 1861. № 34. Ч. неофиц. С. 277.
- ¹⁶ Ярославль: История города в документах и материалах от первых упоминаний до 1917 года / Под ред. А. М. Пономарева. Ярославль, 1990. С. 113.
- ¹⁷ *Первухин Н. Г.* Церковь Илии Пророка... С. 5, 6.
- ¹⁸ *Пятницкий Н.* Ильинская церковь в городе Ярославле. Ярославль, 1906. С. 22.
- ¹⁹ *Бахрушин С. В.* Ярославские торги в XVII в. С. 158.
- ²⁰ Археографический ежегодник за 1961 г. М., 1962. С. 299.
- ²¹ Текст «Росписи родителям Вонифатия и Иоанникия Ивановичей Скрипиных 167 [1659] году» сохранился благодаря публикации о. Николая (*Пятницкий Н.* Указ. соч. С. 21–23):
 «Месяца сентября в 11 день память по Феодоре, Нифантиеве и Аникиеве матери.
 Месяца октября во 2-й день память по Киприане, прадеде Вонифатиеве и Аникиеве, и по Устине девице, племяннице их.
 Месяца того же во 8 день убиен раб Божий Иоанн, Авраамиев сын, отец Вонифатиев и Аникиев. Того же дня память по Пелагии, Вонифатиеве дочери, жене гостя Ивана, Панкратьеве.
 Месяца того же в 26 день преставися инок Иона, брат Вонифатиев и Аникиев.
 Месяца того же в 29 день память по Авраамии, деде Вонифатиеве и Аникиеве.
 Месяца ноября в 9 день память по Матроне, Васильеве дочери, по первой жене Аникиеве, и по другой его жене Матроне, Феодулиеве дочери.
 Месяца того же в 11 день память по Стефаниде Иоаннове дочери, большого их брата, Вонифатия и Аникия.
 Месяца того же в 30 день преставися Феодора Симеонова дочь, шестово, жена Сермяжникова, тетка Вонифатиева и Аникиева.
 Месяца декабря в 16 день преставися раба Божия Неонила Александрова дочь, Аникиева жена.
 Месяца февраля в 3 день память по Симеоне, деде Вонифатиеве и Аникиеве.
 Месяца того же в 14 день преставися Матрона Феодулова дочь, Аникиева жена.

Месяца апреля в 8 день преставися Иулиания Иоаннова дочь, сестра Вонифатиева и Аникиева.
Месяца апреля в 4 день (вероятно, в 9-й, вместо «фиты» — Д. — Примеч. Н. Пятницкого) преставися раба Божия Феодора, матери Вонифатиева и Аникиева.
Месяца того же в 16 день память по Ирине девице, бабе Вонифатиеве и Аникиеве.
Месяца мая в 3 день память по Мавре, сестре Вонифатиеве и Аникиеве.
Месяца того же в 20 день преставися раба Божия Пелагия Вонифатиева дочь.
Месяца того же в 31 день память по Иеремии, дяде Вонифатиеве и Аникиеве.
Месяца июня во 12 день преставися Иустина девица, племянница Аникиева.
Месяца того же в 25 день память по иноке Ионе, брате Вонифатиеве и Аникиеве.
Месяца июля в 11 день память по Евфимии, бабе Вонифатиеве и Аникиеве и по двум младенцам Евфимиевым.
Месяца августа в 17 день память по иноке (инокине. — Примеч. Н. Пятницкого) Иулии схимонахине, сестре Вонифатиеве и Аникиеве.
Месяца того же в 21 день память по Вассе, сестре Вонифатиеве и Аникиеве.
Месяца того же в 9 день память по Иоанне Скрипине, отце Вонифатиеве и Аникиеве».
Публикатор справедливо замечает, что в роспись, составленную храмоздателями, после их кончины никто не внес сведений о них самих. Но в стенописях алтарей главного храма и Покровского придела помянные надписи были составлены позднее — перечни имен в них полнее. Приведем помянник по хорошо читающейся сегодня надписи в приделе:
«Вонифатий, Иоанникий, Иулита, Авраамий, Евфимия, Симеон, Иоанн, монах Иона, Мавра, Феодора, Иеремия, монах Кирилл, Григорий, инокиня Иулия, Илларион, Иоанн, Афанасий, Пелагея, Васса, Ирина, Иустина, инокиня Фотия, инокиня Анисья, Матрона, Матрона, Неонила, Евдокия и Стефанида».
Он совпадает с опубликованным Н. Пятницким (Указ. соч. С. 23).

²² Вот запись из этого Синодика:

«Род гостя Аникея и Вонифатия Скрипиных.
Киприана. Феодора. Авраамия. Евфимии. Симеона. Мавры. Иоанникия [вставлено позже другим почерком, над строкой]. Иоанна убиенного. Феодоры. Еремия. Григория. Внифантая [вставлено позже другим почерком, над строкой].
Вассы. Ирины. Млад. Анны. Млад. Ксении. Инока Ионы. Иустины. Млад. Иоанна. Млад. Вассы. Млад. Елены. Млад. Петра. Матроны. Инока Христофора. Млад. Анны. Симеона. Афанасия. Млад. Иоанна. Млад. Евфимии. Млад. Иоанна. Млад. Симеона. Матроны. Иноки Фотинии. Иноки Анисии. Инока Авраамия. Пелагеи. Андрея. Савы. Иоанна Второго ж» (ОПИ ЯМЗ, № 58944, л. 6).

²³ ОПИ ЯМЗ, № 1576, л. 1; Опись 1651 г. церкви Ильи Пророка // 350 лет церкви Ильи Пророка в Ярославле (1650–2000): Статьи и материалы. Ярославль, 2001. С. 120.

²⁴ Серебренников С. Церковь св. Пророка Ильи в Ярославле // ЯГВ. 1850. № 42. Ч. неофиц. С. 410. См. также: Пятницкий Н. Указ. соч. С. 21.

²⁵ Первое научное описание рукописей выполнено хранителем Ф. Ф. Грищенко. Оно записано в «Инвентаре для записи древних рукописных и старинных книг научной библиотеки при Ярославском историческом музее» и хранится в отделе фондов ЯГИАХМЗ, а сами рукописи — в отделе письменных источников: ОПИ ЯМЗ, № 1576 (опись) и ОПИ ЯМЗ, № 1491 (Синодик).

²⁶ Полистная скрепа Вонифатия Скрипина: «Лета / 7159 году / апреля / в 23 день / книга / ц[е]рковнаго [sic!] / строения / с[вя]таго Пророка / Б[о]жия Ильи / и к сеи книге / Нифантей / Иванов с[ы]н / Скрипин / руку / приложил...»; скрепа Иоанникия: «К сеи / цер/ков/ной кни/те Аникеи/ Скри/пин / руку / при/ложил...»

²⁷ Трехлетов Е. Опись Ярославской Ильинской церкви, составленная в 1651 году храмоздателями Скрипинными // ЯГВ. 1850. № 43. Ч. неофиц. С. 420–425; № 44. С. 427–432; № 45. С. 439–441.

²⁸ Опись 1651... С. 117–119.

²⁹ ОПИ ЯМЗ, № 58944 (Синодик церкви Ильи Пророка. Середина XVII века).

³⁰ Из отчетов Ярославской губернской ученой архивной комиссии можно прояснить, что представляли собой захоронения Светешниковых, — в начале XX века для Древлехранилища (музея комиссии) из внутренней стены Надеинского храма были вынуты белокаменные надгробные плиты и белокаменная доска с текстом «Синодика рода гостей Светешниковых», находившиеся над их захоронениями в подклете (Труды ЯГУАК. Яро-славль, 1914. Кн. 7. Вып. 2. С. 32). Эти памятники, к сожалению, не сохранились.

³¹ Приведем здесь описание надгробий.

Плита № 1. Это надгробие самое большое в усыпальнице: его длина — 215 см, ширина по верхнему краю — 84 см, по нижнему — 66 см, высота — 43 см. Орнаментальное решение лицевой поверхности традиционное — жгутовый резной орнамент, на боковой грани — каннелюры, обрамленные сверху и снизу насечками и полосами трехгранно-выемчатой резьбы.

Плита № 2. Длина надгробия — 210 см, ширина по верхнему краю — 80 см, по нижнему — 63 см, высота — 40 см. Надпись занимает две трети лицевой поверхности плиты, в нижней ее части — растительный орнамент сложного рисунка, рамка аналогичного орнамента, на торцовых гранях — орнамент с каннелюрами в разработанном варианте. Плита, возможно, была заготовлена заранее — последняя строка в надписи полностью не уместилась, и буквы в ней намного меньше по размеру.

Плита № 3. Длина надгробия — 175 см, ширина по верхнему краю — 70 см, по нижнему — 56 см, оно самое высокое — 49 см. Надпись на плите, в отличие от остальных в усыпальнице, располагается на торце. Последняя строка в надписи также заметно меньше по размеру. Боковые грани плиты лишены орнамента, большую часть лицевой поверхности занимает Голгофский крест, в ее нижней части — растительный орнамент. Плита имеет сквозную трещину.

Плита № 4. Размеры надгробия: длина — 188 см, ширина по верхнему краю — 78 см, по нижнему — 57 см, оно самое высокое — 49 см. Надпись на плите, в отличие от остальных в усыпальнице, располагается на торце. Последняя строка в надписи также заметно меньше по размеру. Боковые грани плиты лишены орнамента, большую часть лицевой поверхности занимает Голгофский крест, в ее нижней части — растительный орнамент. Плита имеет сквозную трещину.

Плита № 5. Длина — 199 см, ширина по верхнему краю — 75 см, по нижнему — 57 см, высота — 29 см. Плита поднята на белокаменные блоки и кирпичи. Орнамент лицевой грани плиты резной, жгутовый и косичками, композиция антропоморфная, на боковых гранях — каннелюры, дополненные трехгранно-выемчатой резьбой.

Плита № 6. Длина — 209 см, ширина по верхнему краю — 76 см, по нижнему — 55 см, высота — 24 см. Рамка на лицевой грани плиты — сложного рисунка с чередованием розеток. Под надписью, которая занимает большую часть лицевой поверхности, — растительный орнамент, основной мотив которого — 3 крупные розетки. Надгробие установлено на другую белокаменную плиту, на боковых гранях обеих аналогичный треугольчаторезной орнамент.

Плита № 7. Надгробие самое небольшое, его длина — 144 см, ширина по верхнему краю — 64 см, по нижнему — 45 см, высота — 39 см. Лицевая поверхность плиты имеет сложное и редкое декоративное решение — сочетание надписи, резного растительного орнамента и Голгофского креста, боковые грани лишены орнамента.

³² Ярославль: История города... С. 144.

³³ Галикова Н. Б. Указ. соч. С. 108, 247–249, 311.

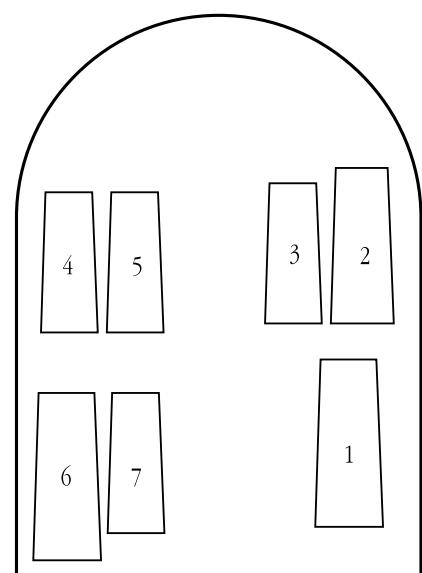
³⁴ Бусева-Давыдова И. Л. Храмы Московского Кремля. М., 1997. С. 115.

³⁵ Израилев А. А. Чудотворный нерукотворный образ Господа нашего Иисуса Христа, находящийся в городе Яро-славле в Спасо-Пробоинском обиженном храме. М., 1895. С. 6.

³⁶ Труды ЯГУАК. Ярославль, 1913. Кн. 6. Вып. 3–4. Стб. 102.

³⁷ Таможенные книги... Т. 2. С. 198, 508.

³⁸ Израилев А. А. Указ. соч. С. 10.

- ³⁹ Цит. по: Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описания святых чудотворных Ее икон / Сост. С. Снессорева. Ярославль, 1994. С. 149.
- ⁴⁰ Пятницкий Н. Указ. соч. С. 22.
- ⁴¹ Ивенская И. А. Реставрация — необходимое условие сохранения старины // 350 лет церкви Ильи Пророка... С. 85.
- ⁴² Израилев А. А. Указ. соч. С. 3.
- ⁴³ Труды ЯГУАК. Ярославль, 1914. Т. 6. Вып. 1. С. 98.
- ⁴⁴ Ивенская И. А. Указ. соч. С. 85.

Строительство каменной церкви и посвящения ее престолов (с. 47)

- ¹ Гнедовский Б. В., Добровольская Э. Д. Ярославль. Тутаев. М., 1981. С. 89.
- ² Труды ЯГУАК. Ярославль, 1913. Кн. 6. Вып. 3-4. Стб. 125.
- ³ Пятницкий Н. Ильинская церковь в городе Ярославле. Ярославль, 1906. С. 4.
- ⁴ Бусева-Давыдова И. Л. О роли заказчика в организации строительного процесса на Руси в XVII веке // Архитектурное наследство. М., 1988. Вып. 36. С. 53.
- ⁵ Исторический очерк Красногорского монастыря Архангельской губернии Пинежского уезда. СПб., 1880. С. 13–14.
Здесь следует заметить, что известные нам факты биографий видных представителей ярославского посада первой половины XVII века позволяют говорить о некоем социально-культурном стереотипе, который они сами одновременно и формировали в стране, и реализовывали в своей жизни. Могущественные представители торгового мира Руси, успешные и легкие на подъем, активно участвующие в событиях общественной и духовной жизни не только родного города, но и мест своей торговой деятельности, и страны в целом, глубоко религиозные, пекущиеся о памяти своих предков и о своем имени, образованные и знающие толк в книжной культуре, иконописании, строительном деле, — именно такими были Лыткины, Назарьевы-Гурьевы, Светешниковы, Скрипины, Чистые.
- ⁶ Ярославские епархиальные ведомости (ЯЕВ). 1894. Ч. неоф. С. 274.
- ⁷ Лебедев А. Храмы Власьевского прихода в г. Ярославле. Ярославль, 1877. С. 3. Об устройстве фундаментов Ильинской церкви см.: Кувшинников В. М., Пономарев В. В., Пашкин Е. М., Демкин И. А. Инженерно-геологические исследования в церкви Ильи Пророка // 350 лет церкви Ильи Пророка в Ярославле (1650–2000): Статьи и материалы. Ярославль, 2001. С. 89–110.
- ⁸ ЯЕВ. 1880. Ч. неоф. С. 176; см. также: ГАЯО, ф. 582, оп. 1, д. 402, л. 1.
- ⁹ Троицкий И. История губернского города Ярославля. Ярославль, 1853. С. 68.
- ¹⁰ Опись 1651 г. церкви Ильи Пророка // 350 лет церкви Ильи Пророка... С. 120–121.
- ¹¹ ЯМЗ, НВФ-399/20. (Архив журналиста газеты «Голос» Сергея Степановича Каныгина.)
- ¹² Архив Ярославских специализированных научно-реставрационных мастерских, д. 1284, л. 5–7.
- ¹³ Первуухин Н. Г. Церковь Илии Пророка в Ярославле. М., 1915. С. 7.
- ¹⁴ ГАЯО, ф. 582, оп. 1, д. 33, л. 1.
- ¹⁵ См.: Вахромеев И. А. Церковь во имя святого и славного пророка Божия Илии в г. Ярославле. Ярославль, 1906. С. 4.
- ¹⁶ Архив ЯСНРПМ, д. 1693, л. 3.
- ¹⁷ Миславский С. Церкви города Ярославля в 1781 г.: Записка Ростовского архиепископа Самуила Миславского, представленная наместнику Мельгунову. Ярославль, 1874. С. 23.
- ¹⁸ Помимо Ильинской и Ильинско-Тихоновской, в начале XX века в заволжской части Ярославля была устроена Ильинская единоверческая церковь.
- ¹⁹ Цит. по: Колесникова В. Праздники Руси православной. М., 1998. С. 202.
- ²⁰ Коринфский А. А. Народная Русь. М., 1995. С. 334.
- ²¹ Смирнова Э. С., Лауринова В. К., Гордиенко Э. А. Живопись Великого Новгорода, XV в. М., 1982. С. 21.
- ²² Там же. С. 22.
- ²³ Пятницкий Н. Указ. соч. С. 11.

- ²⁴ *Первухин Н. Г.* Церковь Илии Пророка... С. 7.
- ²⁵ *Гужман С. Н.* «Документальное» сказание о даре шаха Аббаса России // ТОДРЛ. М.; Л., 1974. Т. 28. С. 253–270.
- ²⁶ *Пятницкий Н.* Указ. соч. С. 10.
- ²⁷ Христианские реликвии Московского Кремля. М., 2000. С. 72.
- ²⁸ Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Ч. 3: XVII в. С. 462.
- ²⁹ *Израилев А. А.* Ярославская градская церковь святого пророка Илии, в которой имеется редкая святыня — часть ризы Господа нашего Иисуса Христа. М., 1897. С. 23.
- ³⁰ Христианские реликвии... С. 74.
- ³¹ Опись 1651... С. 120.
- ³² *Первухин Н. Г.* Церковь Илии Пророка... С. 7; *Суслов А. И., Чураков С. С.* Ярославль. М., 1960. С. 57.
- ³³ Ярославль в его прошлом и настоящем: Ист. очерк-путеводитель / Яросл. экскурс. комис. Ярославль, 1913. С. 72.
- ³⁴ *Пятницкий Н.* Указ. соч. С. 10–11.
- ³⁵ *Израилев А. А.* Указ. соч. С. 15.
- ³⁶ Там же. С. 11–12.

Иконы церкви Ильи Пророка и их мастера (с. 73)

- ¹ *Вахромеев И. А.* Церковь во имя святого и славного пророка Божия Илии в г. Ярославле. Ярославль, 1906; *Первухин Н. Г.* Церковь Илии Пророка в Ярославле. М., 1915; *Болотцева И. П.* Ярославская иконопись второй половины XVI–XVII вв.: Дис. ...канд. искусствоведения. На правах рукописи. Л., 1984 (часть этой работы, посвященную именно ильинским иконам, к юбилею церкви мы опубликовали в сборнике: 350 лет церкви Ильи Пророка в Ярославле (1650–2000): Статьи и материалы. Ярославль, 2001. С. 203–219); *Брюсов В. Г.* Гурий Никитин. М., 1982; *Она же.* Русская живопись XVII века. М., 1984; *Она же.* Федор Зубов. М., 1985; *Бусева-Давыдова И. Л., Рутман Т. А.* Церковь Ильи Пророка в Ярославле. М., 2002; *Казакевич Т. Е.* Иконостас церкви Ильи Пророка в Ярославле и его мастера // Памятники русской архитектуры и монументального искусства: Материалы и исследования. М., 1980. С. 13–63; *Масленицын С. И.* Ярославская иконопись. М., 1983; *Ровинский Д. А.* Обозрение иконописания в России до конца XVII века. М., 1903.
- ² В 2000–2003 годах, впервые после длительного перерыва, появилась возможность увидеть почти все ильинские иконы — как в самом храме, так и на юбилейной выставке в Ярославском музее-заповеднике.
- ³ *Казакевич Т. Е.* С. 59.
- ⁴ ГАЯО, кол. рукописей, ед. хр. 1317, л. 43.
- ⁵ *Ровинский Д. А.* С. 24.
- В 1990-х годах средник и часть клейм иконы были раскрыты реставратором Т. Л. Шабановой, что дало возможность увидеть первозданную живопись XVI века.
В скобках указаны учетные номера сохранившихся икон церкви Ильи Пророка.
- ⁶ *Попова Л. С.* Житийная икона Варлаама Хутынского из собрания Ярославского музея-заповедника // Русские исторические деятели в иконе: Тезисы докл. науч. конф., декабрь 1989 / Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева. М., 1995. С. 30–32.
- Икона «Варлаам Хутынский» вычеркнута в описи (около нее помета Вонифатия Скрипина — «писать в теплой церкви»), позднее она была перемещена на южную стену придела Варлаама Хутынского.
- ⁷ Икона Покрова Богоматери еще в процессе составления описи была перенесена в Покровский придел, потом ее вновь поставили в центральном храме, на северной стене.
- ⁸ Это иконы «святцев» на январь — июнь, август, октябрь (ЯМЗ-42438—42445) и иконы Спаса с предстоящими и Богоматери Страстной (ЯМЗ-45494 и 45495).
- ⁹ Отчет о командировке в Ярославль научного сотрудника Музея им. Андрея Рублева Деминой Н. А. 26 июня — 10 июля 1951 г. // Научные чтения памяти Ирины Петровны Болотцевой (1944–1995): Сб. статей. Ярославль, 2002. С. 224.
- ¹⁰ *Первухин Н. Г.* Художественная старина в ярославских храмах // Ярославль в его прошлом и настоящем: Ист.

очерк-путеводитель / Яросл. экспкурс. комиссия Ярославль, 1913. С. 123.

- ¹¹ Из ильинских икон Истомы Савина сохранилась одна — Ростовские чудотворцы: святитель Иаков, преподобный Авраамий, Исидор Блаженный (ЯМЗ-41365).
- ¹² Из сохранившихся моленых образов Ивану Паисеину можно приписать икону Зосимы и Савватия Соловецких (ЯМЗ-41369).
- ¹³ Смирнова Э. С., Ляурина В. К., Гордиенко Э. А. Живопись Великого Новгорода, XV в. М., 1982. С. 74.
- ¹⁴ Бобров Ю. Г. История реставрации древнерусской живописи. Л., 1987. С. 11.
- ¹⁵ Опись 1651 г. церкви Ильи Пророка // 350 лет церкви Ильи Пророка в Ярославле (1650–2000): Статьи и материалы. Ярославль, 2001. С. 129–132.
- ¹⁶ ГАЯО, кол. рукописей, ед. хр. 1317, л. 43; Грязнова Н. А. Изделия художественного серебра XVII в. из церкви Ильи Пророка в собрании музея-заповедника // 350 лет церкви Ильи Пророка... С. 62–63.
- ¹⁷ Опись 1651... С. 132; Пятницкий Н. Ильинская церковь в городе Ярославле. Ярославль, 1906. С. 17–18.
Из Ризоположенского придела были проданы — иконы Спаса Нерукотворного, Богоматери Печерской с молящими, Богоматери Толгской, ярославских князей Федора, Давида и Константина, Параскевы Пятницы, Антипы Святого, Михаила Архангела; из центрального храма — иконы Спаса и Николая Чудотворца; из придела Гурия, Самона и Авива — Спаса, Иоанна Предтечи и Богоматери.
- ¹⁸ В описи значится в местном ряду — справа «в углу», но при постройке нового иконостаса в конце XVII века была перенесена в центр пророческого ряда.
- ¹⁹ Подробнее о братьях Дьяконовых-Духовских см.: Словарь русских иконописцев XI–XVII веков / Ред.-сост. И. А. Ко-четков. М., 2003. С. 200–201.
- ²⁰ Мерой для местных икон послужил образ «Огненное восхождение пророка Ильи с житием» (1,62 м) — см.: Казакевич Т. Е. С. 31.
- ²¹ Высота икон Софии — Премудрости Божией и Происхождение Честного Креста около 180 см, под их размер позднее писались новые иконы местного ряда.
- ²² ЯГВ. 1850. № 10.
- ²³ Нельзя исключать и личного знакомства братьев Скрипиных с членами клана Строгановых. Можно добавить, что, по переписным книгам, «имянитым людям» принадлежали дворы на посаде Ярославля (см., например: ГАЯО, ф. 582, оп. 1, д. 615, л. 53).
- ²⁴ Для многих городовых мастеров вызовы в Москву были зачастую обременительными: в документах Оружейной палаты сохранилось много жалоб художников на неустроенность быта, нерегулярную выдачу заработка, да и царские заказы не всегда соответствовали художественному уровню мастеров. Федор Зубов писал в челобитной царю в 1652 году: «твоим государевым денежным и хлебным кормовым жалованьем во оклад не поверстан, и корму мне не дано, и ныне я бедный разорен, живу в Москве за поруками и в нынешнее время голодною смертью помираю с женишкою и с детишками, обдолжал всконец». А частные заказы неизмеримо лучше оплачивались, давали возможность и для самостоятельного творчества.
- ²⁵ Брюсова В. Г. Федор Зубов. С. 40, 43, 78, 190; Словарь русских иконописцев... С. 248–259.
- ²⁶ Ныне первая опись, о. Николая Пятницкого, есть в ярославском областном архиве: ГАЯО, ф. Р-1401, оп. 1, д. 20, л. 69–74 об. Вторая опись, В. А. Перцева, хранится в архиве отдела фондов ЯГИАХМЗ.
По описи В. А. Перцева, на южной стене центрального храма значатся иконы: «Апостольская проповедь» (в описи — «Деяния и страдания апостолов»), «Огненное восхождение пророка Ильи с 48 клеймами жития», «София — Премудрость Божия», «Воскресение — Сочество во ад», шесть икон «святцев» (январь — июнь) в общей раме, «Ветхозаветная Троица»; на северной: «Спас Нерукотворный» и «Не рыдай мене, Мати» с шестнадцатью клеймами жития, «Происхождение Честных Древ», «Покров Богоматери» и шесть икон «святцев» (июль — декабрь).
На южном столбе находились: мраморная памятная доска о реставрации храма И. А. Вахромеевым (восточная, обращенная к иконостасу, грань столба), иконы «Богоматерь Знамение» (южная грань), «Похвалы Богоматери» (за-

падная), «Святой Вонифатий в житии» (северная); на северном столбе: «Ярославские святые князья Федор, Давид и Константин» (южная грань), «Владимирская Богоматерь» (западная), «Кирик и Улита» (северная).

²⁷ *Бахрушин С.В.* Ярославские торги в XVII в. // [Бахрушин С.В.] Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма: Научное наследие. М., 1987. С. 142; *Шемякин А.И.* История таможенного дела в России и Ярославский край. Ярославль, 2000. С. 242; Ярославль: История города в документах и материалах от первых упоминаний до 1917 года / Под ред. А.М. Пономарева. Ярославль, 1990. С. 110; ЯГВ. 1869. № 42.

²⁸ ЯГВ. 1852. № 24.

²⁹ *Болотцева И.П.* Указ. соч. С. 59.

³⁰ Все указанные Скрипиными иконы дошли до нашего времени. Прежнее место в иконостасе придела сохраняли до 1925 года иконы Гурия, Самона и Авива, Богоматери Толгской и алтарная дверь. Икона Ветхозаветной Троицы была перенесена в иконостас придела Варлаама Хутынского.

³¹ *Кузнецова О.Б.* Иконы праздников из церкви Ильи Пророка: К вопросу о мастерской Гурия Никитина // 350 лет церкви Ильи Пророка... С. 42–52.

Б.А. Перцев указал такое расположение икон в приделе Варлаама Хутынского: справа от царских врат — «Троица Ветхозаветная» (ЯМЗ-41443); на южной стене — «Варлаам Хутынский», «Николай Чудотворец»; слева от царских врат — северная дверь с изображением разбойника Раха (ЯМЗ-41439), над ней — иконы «Обрезание», «Сретение», «Тайная вечеरия»; на завороте — икона Богоматери «Гора Нерукосечная» (ЯМЗ-41438); выше — два моленных образа — Николая Чудотворца и Иоаннисия Великого. Иконы из этого придела есть и в художественном музее: «Сошествие Святого Духа» (ЯХМ, и-171), «Рождество Христово» (и-1150), «Рождество Богоматери» (и-169), «Успение» (и-1155), «Сретение» (и-1818), «Воздвижение Креста» (и-170).

³² Опись 1651... С. 124, 133, 138, 139.

³³ ЯМЗ-15252, л. 174 (приходно-расходная книга).

³⁴ Цит. по: *Бобров Ю.Г.* История реставрации... С. 19, 145.

³⁵ Опись 1651... С. 124; ЯМЗ-15252, л. 84 об., 135 об., 173 об., 174, 174 об., 176, 187 об., 190, 191, 204 об., 205, 214 об.

³⁶ ЯМЗ-15252, л. 227 об., 255 об., 272 об., 296, 307, 308 об.

Оснащение храма в XVII – начале XVIII века (с. 121)

¹ Исследователями подсчитано, что на окладах икон Скрипины указывают 74 яхонта (сапфира), 19 изумрудов, 38 лалов (рубинов), 19 камней бирюзы, 48 винисов (камней фиолетового цвета), 109 крупных жемчужин, и пр., и пр. — всего 373 камня.

Фотографии некоторых ильинских сокровищ из каталога фабрики Оловянишниковых (ЯМЗ-3290) с разрешения музея-заповедника помещены на страницах этой книги.

² За исключением двух ковчегов для Ризы Христовой, результаты атрибуции которых еще не опубликованы в научной литературе, сохранившиеся предметы из Ильинской церкви описаны в работах *В.В. Игошева* (Ярославское художественное серебро XVI–XVIII вв. М., 1997) и *Н.А. Грязновой* (Изделия художественного серебра XVII в. из церкви Ильи Пророка в собрании Ярославского музея-заповедника // 350 лет церкви Ильи Пророка в Ярославле (1650–2000): Статьи и материалы. Ярославль, 2001. С. 62–68).

³ ЯМЗ-7892; Опись 1651 г. церкви Ильи Пророка // 350 лет церкви Ильи Пророка... С. 127.

⁴ ЯМЗ-7757; Опись 1651... С. 125.

⁵ ЯМЗ-7894; *Игошев В.В.* Указ. соч. С. 216 (№50).

⁶ *Игошев В.В.* Указ. соч. С. 261 (№ 230).

⁷ ЯМЗ-7758.

⁸ Блюдо — ЯМЗ-7765. Кропило — ЯМЗ-7751. Дискос — ЯМЗ-7169.

⁹ *Пятницкий Н.* Ильинская церковь в городе Ярославле. Ярославль, 1906. С. 17.

¹⁰ ГАЯО, ф. Р-1401, оп. 1, д. 20, л. 53.

- ¹¹ Там же, л. 54.
- ¹² Смирнов Я. Е. Библиотека ярославских купцов Лыткиных в первой половине XVII века // Чтения по истории и культуре древней и новой России. Ярославль, 1998. С. 87.
- ¹³ Археографический ежегодник за 1961 г. М., 1962. С. 299.
- ¹⁴ По распоряжению царя Ивана Грозного Андроник Тимофеев, по прозвищу Невежа, возглавил книгопечатню в Александровской слободе, а затем (1587) организовал новую государственную типографию в Москве. См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2 (вторая половина XVI–XVII вв.). Ч. 1: А – К. С. 40–42.
- ¹⁵ Опись 1651... С. 127–128, 133, 137, 138–140.
- ¹⁶ Пятницкий Н. Указ. соч. С. 13–14.
- ¹⁷ Бабкова И. М. Монументально-декоративная резьба по дереву// Русское декоративное искусство. М., 1962. Т. 1. С. 95.
- ¹⁸ Надпрестольная сень, или киворий, символизирует гору Голгофу, на которой распяли Христа (см.: Бусева-Давыдова И. Л. Символика архитектуры по древнерусским письменным источникам XI–XVII вв. // Герменевтика древнерусской архитектуры. М., 1989. Сб. 2: XVI–нач. XVIII века. С. 293).
- ¹⁹ ГАЯО, ф. Р-1401, оп. 1, 7, л. 19.
- ²⁰ ГАЯО, кол. рукописей, ед. хр. 1317, л. 44; ед. хр. 1207, л. 140.
- ²¹ Опись 1651... С. 135.
- ²² Там же. С. 140.
- ²³ Каровская Н. С. Колокола церкви Ильи Пророка // 350 лет церкви Ильи Пророка... С. 69–80.
- ²⁴ ГАЯО, ф. 582, оп. 1, д. 483, л. 20 а.
- ²⁵ Израилев А. А. Усыпальница при Ярославской градской Ильинской каменной церкви, построенной в 1650 г. Ярославль, 1896. С. 8–9.
- ²⁶ Израилев А. А. Указ. соч.; Он же. Панихицное серебряное блюдо Ярославской Ильинской церкви. Антидорное блюдо Спасо-Пробоинской церкви // Труды ЯГУАК. Ярославль, 1914. Кн. 6. Вып. 1. С. 307–308; Он же. Ярославская градская церковь Святого Пророка Илии, в которой имеется редкая святыня — часть ризы Господа нашего Иисуса Христа. М., 1897.
- ²⁷ ГАЯО, ф. Р-1400, оп. 1, д. 35, л. 53. — Цит. по: «Вглядись в минувшее бесстрастно...»: Культурная жизнь Ярославского края 20–30-х гг.: Документы и материалы / Под ред. А. М. Селиванова. Ярославль, 1995. С. 275.

Стенописи и их мастера (с. 139)

Антидорное блюдо употреблялось для раздачи просфор.

- ¹ Труды ЯГУАК. Ярославль, 1913. Кн. 6. Вып. 3–4. Стб. 125, 266, 404.
- ² Заметим, что Илларион Скрипин в эти годы уже перебрался из отцовского дома в Никольской сотне и жил в своем дворе неподалеку от Улиты (Там же. Стб. 102, 265).
- ³ Болотцева И. П. Новое в творчестве живописца XVII века Федора Евтихиева Зубова // Болотцева И. П. Статьи и исследования. Ярославль, 1996. С. 28, 37.
- ⁴ Труды ЯГУАК. Ярославль, 1913. Кн. 6. Вып. 3–4. Стб. 506; ГАЯО, ф. 582, оп. 1, д. 620, л. 5; д. 621, л. 76, 76 об.
- ⁵ Повесть о начале зачатия и поставлении первыя древяныя церкве святаго Николая Чудотворца, что на Пенье, како и кем доброхотных жителей и в которыя лета нача созидатися, и о явлении и написании и пренесении честнага образа пресвятыя Богородицы, Одигитрия нарицаемыя, Феодоровская, и о создании, устроении и украшении вторыя каменные церкве во имя Ея пресвятыя Богородицы Феодоровская, и потом о чудесах Ея, бываемых от онага образа пресвятыя Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, купно же и летопись сея церкви / Изд. тщанием церков. старосты Н. Н. Свешникова. Ярославль, 1885. С. 9–10.
- ⁶ Кузнецова О. Б. Иконы праздников из церкви Ильи Пророка: К вопросу о мастерской Гурия Никитина // 350 лет церкви Ильи Пророка в Ярославле (1650–2000): Статьи и материалы. Ярославль, 2001. С. 42–52.
- ⁷ Брюсова В. Г. Русская живопись XVII века. М., 1984. С. 316.

⁸ Словарь русских иконописцев XI–XVII веков / Ред.-сост. И. А. Кочетков. М., 2003. С. 722.

⁹ Брюсова В. Г. Гурий Никитин. М., 1982. С. 148–149.

¹⁰ Бусева-Давыдова И. Л., Рутман Т. А. Церковь Ильи Пророка в Ярославле. М., 2002. С. 57, 74–75.

Небесными покровителями семьи были: преподобный Иоанникий Великий (день памяти 4 ноября), мученик Воифатий Тарсийский (19 декабря), мученица Иулита Тарсийская (15 июля), преподобный Иоанн Кущник (15 января) — покровитель отца братьев, мученик Иоанн Воин (30 июля) — покровитель старшего брата, священномученик Илларион Требийский (18 августа), мученица Неонила (28 октября).

¹¹ В. Г. Брюсова воспроизвела текст летописи в реставрационном отчете: «...и благодатию стыя единосущныя...ряще...духа единого Божества и из...три...ни...ице славимы...ди цркв...во имя пр...Влдычицы нашея Брцы честнаго и слав...ся и...приделы в лето [1647] бысть...благочестивейше двы Марии Бгу поспешением...писания гал...рос и художество иконостасом исще...нии...украшены... и малыя и белыя России самод...ных стран патриарх блго...аго и Ярославского [1697]» (Архив Ярославских специализированных научно-реставрационных мастерских, д. 683, л. 6). В настоящее время надпись не читается, и проверить точность ее прочтения исследователем трудно. Следует только учесть, что в результате неоднократных поновлений живописи могли возникнуть либо искажения текста летописи Покровского придела, либо его вольное воспроизведение.

¹² Брюсова В. Г. Русская живопись XVII века. С. 185.

¹³ Словарь русских иконописцев... С. 718. В документах содержатся разнотечения в сведениях о возрасте Федора Федорова: в Переписной книге 1669 года он значится пятилетним, 1671 — девятилетним, а 1717 — 63-летним. Кстати, со дня рождения и до своей кончины Федор Федоров проживал в Ярославле во дворе своего деда в Никольской сотне.

¹⁴ Пятницкий Н. Указ. соч. С. 8.

¹⁵ Словарь русских иконописцев... С. 294–295.

История церкви в XVIII – начале XX века (с. 161)

¹ Опись 1651 г. церкви Ильи Пророка // 350 лет церкви Ильи Пророка в Ярославле (1650–2000): Статьи и материалы. Ярославль, 2001. С. 135–136; Пятницкий Н. Ильинская церковь в Ярославле. Ярославль, 1906. С. 19.

Заметим, что в 1630 году в городских торговых рядах значится только одна лавка церкви — в овощном ряду (ЯГВ. 1861. № 22. Ч. неоф. С. 182).

² Пятницкий Н. Указ. соч. С. 24. Сама книга, о которой идет речь, не сохранилась.

³ Там же. С. 25; ЯМЗ-15035.

⁴ Церкви города Ярославля в 1781 г.: Записка Ростовского архиепископа Самуила Миславского, представленная наместнику Мельгунову. Ярославль, 1874. С. 24.

⁵ Тихомиров И. А. Ярославское зодчество // Ярославль в его прошлом и настоящем: Ист. очерк-путеводитель / Яросл. экскурс. комис. Ярославль, 1913. С. 64.

⁶ Пятницкий Н. Указ. соч. С. 28.

⁷ Там же.

⁸ Лествицын В. Положение ярославского духовенства во 2-м 10-летии 18-го века // ЯЕВ. 1873. Ч. неоф. С. 407–408.

⁹ ЯМЗ-15252; Пятницкий Н. Указ. соч. С. 28.

¹⁰ ГАЯО, ф. 582, оп. 1, д. 621, л. 142–144; Лествицын В. Ярославские богадельни в XVII и XVIII веках // ЯГВ. 1873. № 2. Ч. неоф. С. 12.

¹¹ Церкви города Ярославля в 1781 г. С. 25.

¹² ЯМЗ-9301. Сохранился также «Именной список инвалидной команды, господам офицерам и низшим воинским чинам с означением женатых и холостых, бывших в сию четыредесятицу у исповеди и у святого причастия. 12 февраля 1836 г.» — в нем 172 человека. Как долго инвалидная команда была приписана к Ильинской церкви, установить не удалось, — во всяком случае, о. Николай Пятницкий о ней не упоминает.

¹³ Пятницкий Н. Указ. соч. С. 27–28.

¹⁴ Приведем выписки из книг, последовательно по каждому настоятелю.

Поп Михаил: «...в переписных книгах 186-го [1678] году в том дворе писан ильинский поп Михайло Семенов, у него сын посадский человек Иван... да зять... после той переписи поп Михайло да зять его померли» (ГАЯО, ф. 582, оп. 1, д. 621, л. 77 об.). Если учесть, что сыну Ивану в 1709, как свидетельствует перепись этого года, было 60 лет, то поп Михайло родился до 1630 года.

Поп Егор: «[1717] Церкви Пророка Божия Ильи, на монастыре, на церковной земле, в кельях ... вдовая попадья Офимья Семенова дочь прежде бывшаго попа Егорья — сорока семи лет» (ГАЯО, ф. 582, оп. 1, д. 620, л. 6). Ефимия значится вдовой, начиная с книги 1709 года. Учитывая ее возраст и возраст попа Михаила, можно предположить, что поп Егорий начал служить в храме в 1690-х годах и был преемником Михаила.

Семен Григорьев: «709-го и 710-го годов на той же церковной земле написан... ильинский поп Семен Григорьев, и после той переписи он Семен перешел и живет в Сретенской сотне, в Ильинском приходе, в своем дворе» (ГАЯО, ф. 582, оп. 1, д. 620, л. 5). «[1717] Во дворе ярославской соборной церкви ключарь поп Семен Григорьев, тридцати осми лет» (ГАЯО, ф. 582, оп. 1, д. 621, л. 76 об.). Из того, что поп Гавриил (см. ниже) перешел к Ильинской церкви в 1714 году, следует, что о. Семен был перемещен к собору тогда же.

Ипат Матвеев: «[1717] Церкви Ильи Пророка, на Ильинском монастыре, на церковной земле, в келье той церкви придельный поп Ипат Матвеев, тридцати семи лет... попов сын... 709-го и 710-го годов... написан... оной... поп з женою и з детьми» (ГАЯО, ф. 582, оп. 1, д. 620, л. 5–5 об.).

Гавриил Иванов: «[1717] Церкви Ильи Пророка, на Ильинском монастыре, на церковной земле, в каменной келье, той церкви поп Гаврило Иванов, вдов, тридцати дву лет... а приехал он, поп, к той церкви Ильи Пророка в 714-м году. На оном Ильинском монастыре, на церковной земле 186-го [1678] году написаны оные же кельи, а в них живет вдова Алита Внифатьевская жена Скрыпина...» (ГАЯО, ф. 582, оп. 1, д. 620, л. 5).

Иоанникий Дмитриев: «[1717] Церкви Ильи Пророка на монастыре, на церковной земле, в избе, той церкви диакон Аника Дмитриев, тридцати двух лет... а прибыл он, диакон... к той церкви Ильи Пророка в прошлом 706-м году» (ГАЯО, ф. 582, оп. 1, д. 620, л. 6 об.).

В переписи Сретенской сотни 1717 года (ГАЯО, ф. 582, оп. 1, д. 620) значатся «на монастыре» Ильинского храма также и другие его служители:

дьякон Яков Ермолаев — умер после переписи 1678 года (л. 6 об.);

пономари Степан Никифоров — умер до переписи 1709 года (л. 6 об.) — и Иван Иванов — он фигурирует в записях в 1709, 1710 и 1717 годов (л. 6);

трапезник Иван Анциферов — в 1717 году (л. 5 об.);

церковные сторожа Владимир Исаков — в 1678 году, Степан Тимофеев — в 1678, 1709 и 1710 годах, после умер, и Петр Матвеев (брать попа Ипата) — в 1717 году (л. 6);

просвирня вдова Марфа — умерла после 1678 года (ГАЯО, ф. 582, оп. 1, д. 620, л. 5–6 об.).

¹⁵ Пятницкий Н. Указ. соч. С. 25–27.

¹⁶ Крылов А. П. Именная роспись начальствующих и служебных лиц Ярославской епархии. Ярославль, 1961. С. 43; ЯЕВ. 1893. Ч. неофиц. Стб. 270–272.

¹⁷ Крылов А. П. Именная роспись... С. 43.

¹⁸ ГАЯО, ф. 230, оп. 2, д. 4075, л. 15–20об.; д. 5134, л. 105 об.–108 об.

¹⁹ Там же, оп. 12, д. 118, л. 2.

Ильинская площадь (с. 169)

¹ Ермолин Е. А., Севастьянова А. А. «Воспламененные к Отечеству любовью»: (Ярославль 200 лет назад: культура и люди). Ярославль, 1990; Ярославские губернаторы, 1777–1917: Историко-биографические очерки / В. М. Марасанова, Г. П. Федюк. Ярославль, 1998. С. 15–41.

² Суслов А. И. Планировка и застройка центра Ярославля по регулярному плану 1778 года // Краеведческие записки.

Ярославль, 1956. Вып. 1. С. 154.

³ Там же. С. 159.

⁴ А. П. Мельгунов, по инициативе которого в Новороссийском крае проводились археологические раскопки древних скифских курганов (найденные золотые и серебряные предметы составили «Мельгуновский клад» в археологической коллекции Эрмитажа), в Архангельском крае — собирались зырянские древние письмена (тоже поступившие в Эрмитаж), не мог не оценить художественных достоинств ярославских храмов. Не случайно именно по его распоряжению было составлено ростовским архиепископом Самуилом Миславским первое систематическое описание церквей города «со всеми их переменами и приключениями».

⁵ ГАЯО, ф. 582, оп. 1, д. 169, л. 86 об.–87.

⁶ Там же, л. 5, 43 об.

⁷ ГАЯО, кол. рукописей, оп. 1, ед. хр. 1317, л. 44.

⁸ Цит. по: *Суслов А. И., Чураков С. С.* Ярославль. М., 1960. С. 157–158.

⁹ Ярославль в его прошлом и настоящем: Ист. очерк-путеводитель / Яросл. экскурс. комис. Ярославль, 1913. С. 112.

В 1930-х годах облик Соборной и Плац-парадной площадей безвозвратно изменился: были снесены выходившие на них храмы — Воскресенский, Космодемьянский, Златоустовский. Не уцелел и сам Успенский собор (1937). А еще до этого был разобран корпус Демидовского лицея, замыкавшего Соборную площадь со стороны волжской Стрелки.

¹⁰ *Суслов А. И.* Указ. соч. С. 161.

¹¹ ГАЯО, ф. 582, оп. 1, д. 513, л. 25, 27 об.

¹² Там же, л. 29–29 об.

¹³ *Серебренников В.* Поездка на пароходе от Углича до Ярославля: Из дорожных записок // ЯГВ. 1856. № 5. Ч. неофиц. С. 43.

¹⁴ *Предтечевский Д.* Храмы Николо-Мельницкого прихода в Ярославле. Ярославль, 1908. С. 44.

¹⁵ Пребывание в Ярославской губернии осенью нынешнего года ее императорского высочества государыни цесаревны Великой княгини Марии Александровны // ЯГВ. 1851. № 49. Ч. неофиц. С. 475.

¹⁶ *Предтечевский Д.* Указ. соч. С. 43.

¹⁷ ЯЕВ. 1892. Ч. неофиц. С. 465.

¹⁸ Летопись Ярославской губернии за 1898 год // Памятная книжка Ярославской губернии на 1900 год. Ярославль, 1900. С. 23–24.

¹⁹ ГАЯО, кол. рукописей, оп. 1, ед. хр. 295, л. 10 об.

²⁰ *Некрылова А. Ф.* Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: конец XVIII — начало XX века. Л., 1984. С. 22.

²¹ Г. И. Курочкин, родившийся и выросший в Норском посаде, после окончания медицинского факультета Московского университета вернулся в Ярославль и сыграл заметную роль в становлении ярославского здравоохранения. Однако куда более важным является то, что им написаны интереснейшие воспоминания, экземпляры машинописи которых хранятся как в государственных, так и частных собраниях и ждут своей публикации.

Реставрационные работы на рубеже XIX–XX веков (с. 183)

¹ *Пятницкий Н.* Ильинская церковь в городе Ярославле. Ярославль, 1906. С. 3.

² *Тихомиров И. А.* Просвещенный «лабазник»: Памяти И. А. Вахромеева // Граждане Ярославля: Из записок яро-славского старожила. Ярославль, 1909. С. 95.

³ *Первухин Н. Г.* Опыт характеристики // Ярославские зарницы. 1909. № 1.

⁴ *Барышников М. Н.* Деловой мир России: Историко-биографический справочник. СПб., 1898. С. 84.

⁵ Труды ЯГУАК. М., 1909. Кн. 5. Т. 2. С. VIII. И. А. Вахромеев прослужил городским головой в общей сложности четырнадцать лет (с 1881 по 1887 и с 1897 по 1905).

⁶ *Вахромеев И. А.* Церковь во имя святого и славного пророка Божия Илии в г. Ярославле. Ярославль, 1906. С. 5.

- ⁷ ГАЯО, ф. 582, оп. 1, д. 132, л. 1.
- ⁸ Там же, д. 128, л. 83.
- ⁹ Труды ЯГУАК. М., 1909. Кн. 5. Т. 2. С. IV.
- ¹⁰ ГАЯО, ф. 230, оп. 2, д. 5134, л. 272–282 об.
- ¹¹ ГАЯО, ф. 582, оп. 1, д. 132, л. 1 об.
- ¹² Цит. по: Бобров Ю. Г. История реставрации древнерусской живописи. Л., 1987. С. 28.
- ¹³ Открытие Ярославской губернской ученой архивной комиссии состоялось в ноябре 1889 года, ее задачи были определены в Положении — «для сосредоточения и вечного хранения архивных дел и документов, важных в историческом отношении».
- ¹⁴ Труды ЯГУАК. Ярославль, 1899. Кн. 3. Вып. 1. С. 11, 18–19.
- ¹⁵ Следует заметить, что непременными попечителями и постоянными участниками заседаний комиссии были ярославские губернаторы, управлявшие в то время, священнослужители высокого ранга, профессора Демидовского лицея.
- ¹⁶ Труды ЯГУАК. Ярославль, 1914. Кн. 6. Вып. 1. С. 277–288.
Илларион Александрович дал и практические советы бережного отношения к памятникам, такие, как: пробивать новые окна надо там, где они нанесут меньше вреда памятнику в художественном и техническом отношении, — между лопатками, под арками; при закладке арок, окон не следует делать это заподлицо, а отступая от края и стараясь сохранить архитектурные детали и украшения — наличники, висячие гирьки, настенную роспись; при поправках фундамента подробно описывать его размеры, глубину, особенности кладки и грунта; храмы, не покрытые штукатуркой, и впредь не красить и не белить и т. д.
- ¹⁷ Успенский Ф. Предтечевская церковь в Ярославле. Ярославль, 1906. С. 39.
- ¹⁸ Павлинов А. М. Древности ярославские и ростовские // Труды VII археологического съезда в Ярославле, 1887. М., 1892. Т. 3. С. 25.
- ¹⁹ Пятницкий Н. Указ. соч. С. 7.
- ²⁰ ГАЯО, ф. 230, оп. 5, д. 3700, л. 1.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же, л. 8, 13, 16, 17, 22, 31.
- ²³ ЯМЗ, НВФ-399/20.
- ²⁴ Пятницкий Н. Указ. соч. С. 29; Летопись Ярославской губернии за 1897 год // Памятная книжка Ярославской губернии на 1898 год. Ярославль, 1898. С. 93.
- ²⁵ ГАЯО, ф. 230, оп. 5, д. 3700, л. 17.
- ²⁶ Там же, л. 35.
- ²⁷ Вести за месяц // Старые годы. 1913. Март. С. 53.
- ²⁸ ГАЯО, ф. 230, оп. 5, д. 3700, л. 36.
- ²⁹ Пятницкий Н. Указ. соч. С. 32.
- ³⁰ Церковь Ильи Пророка в Ярославле. Ярославль, 2002. Кн. 1. С. 16.
- ³¹ Вести за месяц // Старые годы. 1913. Март. С. 53.
- ³² Вахромеев И. А. Указ. соч. С. 9.
- ³³ ГАЯО, ф. 230, оп. 7, д. 105 а, л. 1.

История церкви Ильи Пророка в XX – начале XXI века (с. 203)

- ¹ ГАЯО, ф. Р-773, оп. 1, д. 48, л. 2.
- ² ГАЯО, ф. Р-1401, оп. 1, д. 7, л. 146.
- ³ ГАЯО, ф. Р-1945, оп. 1, д. 15, л. 5.
- ⁴ ГАЯО, ф. 230, оп. 12, д. 118, л. 2.
- ⁵ ГАЯО, ф. Р-1945, оп. 1, д. 15, л. 2. Здесь речь идет о Ярославском историческом музее, который был создан в феврале

1920 года на базе двух музеев города — Древлехранилища при Ярославской губернской ученой архив-ной комиссии и музея Ярославского естественно-исторического общества.

⁶ ГАЯО, ф. Р-1401, оп. 1, д. 20, л. 62, 63–63об.

⁷ ГАЯО, ф. Р-1945, оп. 1, д. 15, л. 22.

⁸ Там же, л. 24–51.

⁹ ГАЯО, ф. Р-600, оп. 1, д. 3, л. 15.

¹⁰ ГАЯО, ф. Р-1945, оп. 1, д. 15, л. 95.

¹¹ Там же, л. 87, 94.

¹² ГАЯО, ф. Р-1401, оп. 1, д. 7, л. 196.

¹³ ГАЯО, ф. Р-1945, оп. 1, д. 15, л. 91.

¹⁴ ГАЯО, ф. Р-1400, оп. 1, д. 5, л. 49.

¹⁵ Там же, д. 40, л. 25.

¹⁶ ГАЯО, ф. Р-1401, оп. 1, д. 7, л. 18.

¹⁷ ГАЯО, ф. Р-1269, оп. 1, д. 758, л. 40. Классификация храмов по категориям сыграла важную роль в их судьбе, поскольку ни одну из восьми церквей Ярославля, получивших высшую категорию, позднее не снесли.

¹⁸ ГАЯО, ф. 3698, оп. 2, д. 12028, л. 120об., 196, 197об.–198.

¹⁹ ГАЯО, ф. Р-1269, оп. 1, д. 758, л. 34. Надо пояснить, что бывшее село Иваново-Вознесенское — родина первых Советов — на короткое время стало центром огромной области, в которую была включена и древняя Ярославская земля.

²⁰ ГАЯО, ф. Р-1269, оп. 1, д. 1239, л. 343.

²¹ ГАЯО, ф. Р-1400, оп. 1, д. 87, л. 73; д. 82, л. 16.

²² Там же, д. 133, л. 2.

²³ Там же, л. 3.

²⁴ Там же, л. 9.

²⁵ Там же, д. 48, л. 59об.

²⁶ Там же, д. 102, л. 5.

²⁷ Там же, д. 133, л. 10.

²⁸ Там же, л. 2, 8.

²⁹ В 1947 году В. М. Ковалев был назначен директором создававшегося мемориального музея Н. А. Некрасова в Карабихе, пробыл на этой должности несколько месяцев. Затем, до 1955 года, работал завхозом этого музея.

³⁰ Всего по актам от 6 и 14 августа 1941 года передано из антирелигиозного музея более 1600 экспонатов. Это серебряная церковная утварь, облачения, иконы, воздухи, пелены, деревянная скульптура и т. д., датируемые преимущественно XVII–XVIII столетиями.

³¹ Архив Комитета историко-культурного наследия департамента культуры и туризма Администрации Ярославской области, д. 70/1, папка 20, л. 1–2 (паспорта памятников истории и культуры).

³² Часто можно слышать, что первоначальная роспись дошла до нас в первозданном виде, это не совсем так. Подкрашивание (в тон) поврежденных участков являлось непременной составляющей всех реставраций, но в церкви Ильи Пророка это делалось корректно (тем не менее качество тонировок хуже первоначальной живописи, и со временем чаще осыпаются именно они).

³³ ГАЯО, ф. Р-1400, оп. 1, д. 374, л. 1, 15.

³⁴ Иконы праздничного ряда: Распятие, Вознесение, Рождество Богоматери, Анна и Симеон, Введение Богоматери во храм, Благовещение, Сретение, Вход в Иерусалим, Воскресение, Троица, Рождество Христово, Преображение, Сошествие Святого Духа, Жены Мироносицы, Воскрешение Лазаря, Распятие.

Иконы церкви Рождества Христова: Распятие, Сретение, Вход в Иерусалим, Троица, Преображение, Сошествие во ад.

³⁵ Столярова С. Н. Архитектурно-археологические исследования церкви Ильи Пророка (1996–1999) // 350 лет церкви Ильи Пророка в Ярославле (1650–2000): Статьи и материалы. Ярославль, 2001. С. 89.

³⁶ См.: Кувшинников В. М., Пономарев В. В., Пацкин Е. М., Демкин И. А. Инженерно-геологические исследования в церкви Ильи Пророка // 350 лет церкви Ильи Пророка... С. 89–110.

³⁷ Архив Комитета историко-культурного наследия... д. 70/1, папка 20, л. 30, 31.

³⁸ Ионов В. Страсти по храму // Советская культура. 1990. № 43; Болотцева И. Илья Пророк: судьба и время // Северный рабочий. 1990. № 170.

ΔR

Издательство выражает искреннюю благодарность
всем оказывавшим помочь при работе над рукописью
и ее подготовке к печати.

*Ольга Сергеевна Аверьянова,
Маргарита Владиславовна Бекке,
Маргарита Федоровна Бойко,
Елена Владимировна Бурдакова,
Людмила Германовна Горячева,
Евгений Леонидович Гузанов,
Татьяна Ивановна Гулина,
Инна Аркадьевна Ивенская,
Наталья Стефановна Кафовская,
Елизавета Корнева,
Тамара Валентиновна Котова,
Валентина Федоровна Красновид,
Ольга Борисовна Кузнецова,
Надежда Николаевна Макарова,
Марина Владимировна Осипова,
Ирина Васильевна Поздеева,
Лариса Львовна Полушкина,
Светлана Викторовна Севрюкова,
Павел Иванович Сорокин,
Светлана Николаевна Столлярова,
Алексей Викторович Федорчук,
Галина Павловна Федюк,
Марина Леонидовна Фесенко —
все они, в той или иной степени,
причастны к судьбе этой книги
и Ильинского храма.*

СОДЕРЖАНИЕ

Т. С. Злотникова Светлая душа города 5

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ ИЛЬИ ПРОРОКА В ЯРОСЛАВЛЕ

Золотой век Ярославля... 11

До постройки каменной церкви

Время основания и местоположение деревянного Ильинского храма.....	17
Первые документальные сведения.....	18
Прихожане Чистые.....	23
Причт и приход.....	25
Устройство и оснащение церкви.....	26

Храмоздатели Вонифатий и Иоанникий Скрипины

Торговые люди Скрипины.....	29
Посадская деятельность.....	34
Род Скрипиних.....	35
Опись церкви Ильи Пророка и ее синодики.....	38
Семейная усыпальница	39
Росписи усыпальницы.....	44

Строительство каменной церкви и посвящения ее престолов

Архитектурный облик храма.....	51
Декоративное оформление.....	54
Перестройки	56
Главный престол.....	57
Покровский придел	61
Придел Варлаама Хутынского	63
Придел Гурия, Самона и Авива.....	64
Ризоположенский придел	64

Иконы церкви Ильи Пророка и их мастера

Главный иконостас	73
Иконы «старого приходского строения».....	85
Моленные иконы	87

Иконы первого иконостаса	91
Федор Зубов	99
Пристенные иконы	102
Иконостас и иконы Покровского придела	110
Ризоположенский иконостас	112
Иконостас придела Гурия, Самона и Авива	116
Иконостас придела Варлаама Хутынского	116
Иконы запрестольные и «новоприбыльные»	118
Поновления икон	118
Оснащение храма в XVII – начале XVIII века	
Утварь.....	121
Книги.....	127
Резьба по дереву.....	133
Колокола.....	134
Стенописи и их мастера	
Улита Макарова Скрипина.....	139
Росписи 1680 года.....	140
Росписи Покровского придела	152
Росписи галереи.....	154
История церкви в XVIII – начале XX века	
Доходы и расходы.....	161
Прихожане	164
Священнослужители.....	167
Ильинская площадь	
Алексей Петрович Мельгунов и регулярный план Ярославля.....	169
Претворение плана в жизнь.....	171
Главная площадь города	173
Центр общественной жизни	177
Городская ярмарка.....	178
Реставрационные работы на рубеже XIX–XX веков	
Иван Александрович Вахромеев	183
Реставрационная практика в Ярославской губернии.....	188
Восстановление надпрестольной сени	189
Подготовка к реставрации храма.....	191
Сооружение ограды	192
Реставрация	197
История церкви Ильи Пророка в XX – начале XXI века	
Закрытие.....	203
Церковь — музей древнерусского искусства	212
Антирелигиозный музей в церкви Ильи Пророка и его директор	220
Современная история храма	228
Примечания	245

Черново
ИЛЬИ ПРОРОКА

в Ярославле

Книга 2

Историко-краеведческое издание

Рутман Татьяна Александровна

ИСТОРИЯ
ЦЕРКВИ ИЛЬИ ПРОРОКА
В ЯРОСЛАВЛЕ

Художник М. Е. Бородинский

*Редакторы Т.Н. Спирин и А.М. Рутман
Корректор В. М. Харюса*

ЛР № 063559 от 09.08.1999. Подписано в печать 26.04.2004.
Формат 70×108 1/8. Бумага офсетная и мелованная.
Гарнитуры «Лазурский» и «Гарамонд». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 46,2 + 0,25. Тираж 1000 экз. Заказ № 0316230.

АР

Издательство Александра Рутмана
150063, г. Ярославль, 63, а/я 485, тел.: (0852) 53-16-29, +7-903-638-7870
E-mail: arbook@yaroslavl.ru

ЯПК

Отпечатано в полном соответствии с качеством представленных
диапозитивов в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат».
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97